

ЛИТЕРАТУРА

7

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(Решение Коллегии Министерства образования и науки Украины от
12.04.2007 г., Протокол № 5/1–19. Письмо № 1/11–2177 от
28.04.2007 г.)

ИЗДАНО ЗА СЧЁТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ. ПРОДАЖА ЗАПРЕЩЕНА

Разделы учебника написали:

В. Я. Звиняцковский: «Напутственное слово, или Введение в человековедение»; раздел II; раздел III (гл. 1—4); «Вместо заключения».

О. Н. Филенко: раздел I; раздел III (гл. 5—9), раздел IV.

В качестве заставок использованы живописные работы В. Васнецова («Сирин» и «Алконост. Песнь радости и печали»), А. Экстер («Дон Жуан и смерть». Лист из альбома «Театр. Декорации»), М. Добужинского («Крыши»), Г. Миронова («Без названия»).

Условные обозначения

— вопросы и задания

— это полезно знать

— интересные подробности

Звиняцковский В. Я.

З-43 Литература: Учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений с рус. яз. обучения / В. Я. Звиняцковский, О. Н. Филенко.— К.: Освіта, 2007.— 303 с.

ISBN 978-966-04-0437-3.

ББК 83.3(0)я73

ISBN 978-966-04-0437-3

© В. Я. Звиняцковский,
О. Н. Филенко, 2007
© Издательство «Освіта»,
художественное оформление, 2007

На обложке учебника давно знакомое тебе слово: **литература**. Это же слово ты привычно запишешь в расписание своих школьных уроков. Рядом будут алгебра, геометрия, физика, история и биология...

А задумывался ли ты когда-нибудь о том, что слово *литература* в его современном понимании принадлежит вовсе не к тому смысловому ряду, к которому принадлежат перечисленные выше названия *наук*? Ведь художественная литература — один из видов *искусства*.

Наука оперирует понятиями. Искусство — образами. По этому основному отличительному признаку художественная литература целиком и полностью принадлежит к миру искусства. Именно по признаку изображения картин внешней и внутренней жизни человека — художественных образов — мы отличаем художественную литературу как вид искусства от научной и другой специальной литературы.

Итак, читая произведения художественной литературы, ты вступаешь в мир искусства. Хорошо разбираясь в литературе, ты станешь лучше разбираться в искусстве, убедишься, как много оно может тебе дать. Особенно это касается тех видов искусства, в основе произведений которых лежит литературный текст. Это театр и кино. Ведь спектакль ставится по пьесе, а фильм — по сценарию. То и другое, по сути, литературные произведения.

Обрати внимание: мы определили художественный образ как изображение картин внешней и внутренней жизни *человека*. Согласен ли ты с таким определением? Наверное, можно возразить, что есть ещё и рассказы о животных, стихи о небе и звёздах и тому подобное.

Вот, например, полный текст стихотворения японского поэта Мацуо Басё:

Опавший лист, кружась,
Опять взлетел на ветку.
То бабочка была.

Возникает вопрос: а где же здесь человек? Постарайся самостоятельно ответить на этот вопрос.

В этом маленьком стихотворении поэт выразил своё настроение. Таков правильный ответ на вопрос о том, где же в этом стихотворении человек. Правильный, но неполный. Ведь человек в литературе, вообще в искусстве — всегда не только автор, но и главный герой, главный объект познания.

Так где же здесь человек? А он, прежде всего, во взгляде, точке зрения. Ведь *на самом деле не было никакого листа*, который «опять взлетел на ветку»: в природе так не бывает, это могло показаться *только человеку*. «То бабочка была». Но *истина о бабочке человеку* открылась постепенно. Лишь после того, как он испытал изумление и восторг от вида «опавшего листа», который вдруг проделал невероятный путь наверх!

В эту долю секунды у человека перевернулось всё его представление о мире. На мгновение ему показалось, что в мире всё возможно... Иллюзия развеялась так же быстро, как появилась, но восхищение золотистым осенним «листом, летящим вверх», осталось. Восхищение бабочкой. Совершенством не иллюзорного, а реального мира. Совершенством истины...

Гениальное стихотворение японского поэта — «краткая формула» литературы, вообще искусства.

Человек неотделим от природы и общества — всего огромного мира, в котором складывается и вершится его судьба. Литература накапливает картины-образы людей и их судеб. Однако автор литературного произведения не просто фиксирует или копирует их. Он общается с читателем. Конечно, писатель может не представлять себе своего читателя в конкретном образе. Но без читателя литература невозможна. Литературное произведение (неважно, состоит ли оно из трёх строк или из трёх томов) — это всегда *высказывание*, которое должно быть кем-то *услышано*.

Однажды замечательный русский писатель Максим Горький произнёс очень точное слово о литературе, назвав её *человековедением*. Правда, похоже на название какой-то науки? Но в том-то и дело, что задача науки — всё разложить по полочкам. Историк изучает участие людей в общественных событиях. Психолог — то, как работает человеческое сознание и как оно организует общение и поведение человека. Анатом изучает строение человеческого тела... И только писатель, который мыслит не фактами, не абстрактными понятиями, но целостными образами, может показать нам «всего» человека как многогранную личность.

Конечно, такое изображение человека тоже будет очень личным, *субъективным*. Но за точными, фактическими, *объективными* сведениями мы всегда можем обратиться к науке. Художественная литература не стремится нам их дать,

и не нужно этого от неё требовать. У литературы свои задачи. О них-то и пойдёт речь в этом учебнике.

И последнее, о чём нам нужно сразу договориться. Литература — не наука, но есть *наука о литературе* — *литературоведение*. Учебник ознакомит тебя с основами этой науки. Его авторы — литературоведы — на конкретных примерах покажут проблемы, трудности, пути и способы научного изучения литературных произведений. Но вернёмся к тому, с чего начиналось это краткое введение: на обложке учебника написано «Литература», а не «Литературоведение». Из этого следуют две важные *особенности* учебника литературы, о которых полезно помнить.

Во-первых, его главные герои — *литературные произведения*, именно им тебе следует уделить *основное* внимание. Ведь ты — *полноправный читатель*, это к тебе обращаются Пушкин и Лермонтов, Чехов и Конан Дойл. Ты не только *имеешь право*, но, как читатель, *обязан иметь своё собственное мнение* о каждом литературном произведении и высказывать его на уроках литературы.

Во-вторых, пытаясь сформулировать своё читательское впечатление, ты в то же самое время *учишься читать*.

«Не думайте, что научиться читать — простое дело, — говорил, обращаясь к школьникам, поэт и переводчик Самуил Маршак. — Для того чтобы читать и понимать прочитанное, мало одной азбуки».

Каждая глава учебника — урок глубокого чтения, ступенька к пониманию литературного произведения. Ты увидишь, насколько могут помочь читателю сведения об авторе произведения, его стране и эпохе, об общих особенностях его творчества и творчества вообще. Но все эти сведения помогут понимать литературу и жизнь лишь при условии, что ты не станешь их бездумно запоминать, а научишься ими пользоваться. Поэтому каждая глава учебника — это разговор между читателями: более опытными и знающими — авторами учебника — и тем, кто только *учится читать*, кто читает эти литературные произведения *впервые*. Это — ты.

Ну что ж, пожелаем друг другу успеха — и в путь!

Беседы о русском фольклоре и художественной литературе

Глава первая

Сказка — складка, песня — быль

Названием первой главы стала русская пословица. Как ты знаешь из 5 класса, пословица, сказка и песня — всё это произведения фольклора. А фольклор — *устное народное творчество* — отражает народную мудрость и народные ценности.

Из народной песни узнаёшь, что семья — это великая жизненная ценность, что важно любить и почитать родителей. Что родная сторона лучше чужой сторонки. Что ради дорогого тебе человека можно пойти на любые испытания и лишения...

Народная сказка учит, что добро всегда побеждает зло, что отвага, решительность и находчивость всегда вызывают уважение, а трусость, лесть, злоба, подлость, жадность осуждаются.

Сборники русского фольклора

Из фольклора мы узнаём о жизни народа, его быте. Например, о том, что русский крестьянин в старину по окончании полевых работ любил зимой полежать на печке, отдыхая от нехитрых домашних дел, дрова и хворост собирал в лесу, а воду набирал ведрами из проруби... Жизнь русского народа ещё в позапрошлом, XIX, веке мало отличалась от жизни времён Киевской Руси.

Крестьяне обитали в таких же, как их предки, домах, обрабатывали землю сохой, носили простую и удобную одежду. Точно так же русский народ долгими зимними вечерами пел народные песни, рассказывал сказки, точно так же ребятишки загадывали друг другу загадки, старики поучали молодёжь пословицами, а матери убаюкивали детей колыбельными. Задумайся: никто из них не умел читать и писать, они передавали друг другу своё фольклорное богатство по памяти.

Однажды в деревне на севере России, на берегу Онежского озера, оказался один образованный молодой человек. Звали его Павел Николаевич Рыбников (1831—1885). Это был политический ссыльный: он высказывал взгляды, которые правительство сочло вредными, и за это был отправлен в такую глушь, где уже не мог ни на кого оказать «дурного влияния». Расчёт властей оказался верным. Здесь, в Прионежье, люди жили в каком-то совсем другом мире. Ни взгляды Рыбникова, ни суть его спора с властями их ни сколько не интересовали.

П. Н. Рыбников

Но любознательный Павел Николаевич очень заинтересовался тем, чем жили неграмотные крестьяне Прионезья. Уж он-то, Рыбников, умел читать и писать. А поскольку он не мог вернуться домой раньше, чем закончится ссылка, то придумал себе интересное занятие — записывать те фольклорные произведения, которые поёт и рассказывает народ вокруг.

Но не песни его интересовали и не сказки, о которых много уже было известно, а очень странные, мелодичные и длинные не то песнопения, не то сказания, о которых поющие их говорили: «Всё это правда и было давным-давно». Поэтому Рыбников назвал эти странные песни **былинами** и стал собирателем былин. Сами же крестьяне, которые их пели, сказители былин, называли их *ста́ринами* или *ста́ринками*.

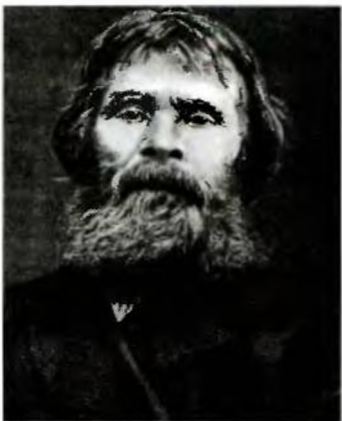
1. В названии главы использованы слова, имеющие отношение к фольклору. Какие? Какие виды фольклора ты можешь вспомнить?
2. Просмотри прочитанный материал. Какие виды фольклорных произведений упоминаются в тексте? Назови их. Кратко расскажи об их различиях.
3. От какого слова образовано слово *былина*, а от какого — *старина*? Почему, по-твоему, прижилось слово *былина*? Если не догадываешься, подумай, кто каким словом пользовался.

Сказители былин — люди особые и совершенно удивительные.

Какими талантами должен обладать сказитель?

У сказителя должен быть хороший слух. Но это ещё не всё. Строки у былины длинные, длиннее, чем у песни. А рифм, как правило, нет. Сказитель должен обладать прекрасной памятью.

Знаменитая сказительница XIX века **Ирина Андреевна Федосова** (1831—1899) знала тридцать тысяч стихотворных строк и любила приговаривать: «Грамотой я не грамотна, зато памятью памятна». Другой знаменитый сказитель, **Трофим Григорьевич Рябинин** (1791—1885), знал двадцать пять былин. У тебя в учебнике помещены только две былины. Представь себе, сколько строк знали наизусть сказители!

Т. Г. Рябинин

И ещё одним талантом должен обладать сказитель — чувством ритма. Былины пелись, но не так, как песни. У каждой песни своя мелодия. Былины же пелись на

несколько монотонных напевов. Это было что-то среднее между песней и выразительным рассказыванием. В ритм напева сказителю приходилось вмещать строки былины, одновременно следя за событиями, о которых он поёт. Иногда строка не ложилась на мелодию, была слишком длинной или короткой. Тогда сказитель сокращал слово или добавлял какой-нибудь слог.

В строфе из былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» попробуй найти слова, которые специально растянуты или сокращены для того, чтобы не был нарушен ритм.

Так пехотою¹ никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскиват.

Какими были бы найденные тобой слова, если бы они встретились в обычном тексте, в прозе? Произнеси их.

Стих, которым пелись былины, стих без рифмы, но с ритмом, так и называется *былинным стихом*. Былина — это не только текст, но и его исполнение. Сказители не перекладывали на музыку текст былины, как это часто бывает с песнями, а сам текст былины составляли в музыкальной форме. Поэтому, как бы выразительно ты ни прочёл былинку, — это будет уже не совсем былина, а только выразительно прочитанный текст былины.

Вот одно из немногих сохранившихся описаний исполнения былины в конце XIX века. Его оставила Вера Николаевна Харузина — первая женщина-профессор, изучавшая русский фольклор. Она слушала сказителя Никифора Прохорова по прозвищу Утка, и его исполнение былины произвело на неё глубокое впечатление.

Утка начал петь. Лицо старика-певца мало-помалу изменялось, исчезало всё лукавое, детское, наивное. Что-то вдохновенное выступило на нём: голубые глаза расширились и разгорелись, ярко блестели в них две мелкие слезинки, румянец пробился сквозь смуглость щёк, изредка нервно подёргивалась шея.

Он жил со своими любимыми богатырями; жалел до слёз немощного Илью Муромца, когда он сидел сиднем тридцать лет, торжествовал вместе с ним победу над Соловьём Разбойником. Иногда он прерывал самого себя, вставляя от себя замечания.

Жили с героем былины и все присутствующие. По временам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них; по временам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза,

¹ Пехотою — пешком.

которую он тихонько смахивал с ресниц. Все сидели, не сводя глаз с певца; каждый звук его монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они.

1. Расскажи о том, как исполнение былины изменило внешность и поведение народного сказителя. Чем ты можешь объяснить эти изменения?
2. Как реагируют на былинку слушатели?

Глава вторая «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой»

Сейчас и ты прочтёшь былинку, которую пропел слушателям сказитель. Вернись, Утка пропел сразу две былины. Одна из них рассказывает о том, что Илья Муромец, крестьянский сын, тридцать лет сиднем сидел и не мог ходить, но был исцелён тремя волхвами, то есть волшебниками, которые наделили его могучей силой и благословили на ратные подвиги. Отныне Илья Муромец был призван защищать родную землю от врагов.

Вторая былина, повествующая о том, как Илья Муромец победил Соловья Разбойника, перед тобой. Скорее всего, тебе будет нелегко читать былинный стих, но задания для чтения тебе помогут.

1. Читай былинку вслух, выделяя голосом те слова, на которых стоит ударение.
2. По ходу чтения пытайся понять, производит ли былина на тебя, читателя XXI века, такое же впечатление, какое она в XIX веке производила на слушателей сказителя Утки. И если нет, то почему?

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК (В сокращении)

Из то́го ли то из го́рода из Му́рома,
Из то́го се́ла да Карача́рова
Высзжа́л уда́ленький доро́дный¹ до́брый мо́лодец.
Он сто́ял зау́треню² во Му́роме,
А й к обе́денке³ поспе́ть хоте́л он в сто́льный⁴ Кие́в-град.
Да й подъе́хал он ко сла́вному ко городу к Черни́гову.
У то́го ли го́рода Черни́гова
На́гнано-то си́лушки черны́м-черно́,

¹ *Доро́дный* — крепкий, рослый.

² *Зау́треня* — ранняя церковная служба.

³ *Обе́дня* — церковная служба, совершаемая в первую половину дня.

⁴ *Сто́льный град* — столица, город, в котором живёт князь.

А й черным-черно́, как чёрна ворона.
Так пехотою никто́ тут не прохаживат,
На добром коне́ никто́ тут не проезживает,
Птица чёрный ворон не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке велико́ей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою¹.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду́ к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне доро́жку прямо́езжую,
Прямо́езжую да в сто́льный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, уда́ленький доро́дный добрый мо́лодец,
Ай ты, сла́вный богаты́рь да святору́сский!
Прямо́езжая доро́жка заколо́дела²,
Заколо́дела доро́жка, заму́рavelа³.
А й по той ли по доро́жке прямо́езжею
Да й пехотою никто́ да не прохаживал,
На добром коне́ никто́ да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи́-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у поклáпья⁴,
Да у той ли речки у Сморо́дины,
У того́ креста́ у Левани́дова⁵
Сидит Со́ловей Разбо́йник на сыро́м дубу,
Сидит Со́ловей Разбо́йник Оди́хмантьев сын.

А то сви́щет Соловёй да по-соловьему,
Он кричи́т, злодей-разбо́йник, по-звери́ному,
И от его́ ли то от по́свиста со́ловьяго,
И от его́ ли то от по́крика звери́ного

¹ Воево́да — начальник войска на Руси.

² Заколо́дела — покрылась упавшими деревьями — колодами, стала непроезжей.

³ Заму́рavelа — заросла травой.

⁴ Поклáпья — кривая.

⁵ Крест Левани́дов — в былинах означает место, где встречаются богатыри. Возможно, это крест на могиле погибшего в дороге.

Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст¹,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко той он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко той ко берёзе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпались,
Тёмны лесушки к земле все приклонились.

Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от² казак да Илья Муромец
Берёт плеточку шелковую в белую руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть³ да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слышал ли посвиста соловьего,
Не слышал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый⁴,
Во свои берёт во белые он во ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,

¹ Вёрста — русская мера длины, 1,0668 км.

² Старый — здесь: крепкий, сильный.

³ Сыть — пища, еда.

⁴ Лук разрывчатый — упругий, тугой, издававший при стрельбе резкий звук.

И. Билибин. Илья Муромец и Соловей Разбойник

Ему выбил право око со косицею¹,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнездушка повёз да соловьиного...

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор...

¹ *Косица* — висок.

Тут Влади́мир-князь стал мо́лодца выспра́шивать:
— Ты скажи́-тко, ты отку́лешний¹, дородный добрый
мо́лодец,

Тебя как-то, мо́лодца, да и́менем зовут,
Велича́ют, уда́лого, по оте́честву?

Говори́л-то старья каза́к да Илья Му́ромец:
— Есть я с сла́вного из го́рода из Му́рома,
Из то́го села́ да Карача́рова,
Есть я ста́рья каза́к да Илья Му́ромец,
Илья Му́ромец да сын Ива́нович.

Говори́т ему Влади́мир таковы́ слова:
— Ай же ста́рья каза́к да Илья Му́ромец!
Да й да́вно ли ты пове́ехал из Му́рома
И ко́торую доро́женькой ты ехал в сто́льный Кие́в-град?

Говори́л Илья он таковы́ слова:
— Ай ты сла́вныя Влади́мир сто́льно-кие́вский!
Я сто́ял зау́треню христосскую во Му́роме,
А й к обе́денке поспе́ть хотел я в сто́льный Кие́в-град,
То моя́ доро́жка приза́мешкалась².

А я е́хал-то доро́жкой прямо́еэжею,
Прямо́еэжею доро́женькой я ехал мимо-то Черни́гов-град,
Ехал ми́мо эту́ Грязь да мимо Че́рную,
Мимо сла́вну ре́ченьку Сморо́дину,
Мимо сла́вную берёзу ту покла́пыю,
Мимо сла́вный е́хал Левани́дов крест.

Говори́л ему Влади́мир таковы́ слова:
— Ай же мужи́чье-дере́вница,
Во гла́зах, мужи́к, да подлыга́ешься³,
Во гла́зах, мужи́к, да насме́хаешься!
Как у сла́вного у го́рода Черни́гова
На́гнано тут си́лы мно́го мно́жество —
То пехо́тою ни́кто да не проха́живал,
И на до́бром коне́ ни́кто да не прое́зживал,
Туда се́рый зве́рь да не проры́скивал,
Пти́ца че́рный во́рон не проле́тывал.
А й у той ли то у Гря́зи-то у Че́рной,
Да у сла́вной у ре́чки у Сморо́дины,

¹ *Отку́лешний* — откуда родом.

² *Доро́жка приза́мешкалась* — задержался в дороге, ехал дольше, чем рассчитывал.

³ *Подлыга́ться* — лгать.

А й у той ли у берёзы у покляпья,
У того креста у Леванидова
Соловёй сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловёй да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловёй Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стрёмени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку¹ накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловёй, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловёй ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский.
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловёй Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного...

Засвистал как Соловёй тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —

¹ Кунья шуба — шуба из меха кунницы.

Маковки¹ на теремах pokrивились,
А окóленки² во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьяго,
А что ёсть-то людюшек — так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-кйевский
Куней шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

С той поры ли настало времечко —
Не стало Соловья-разбойничка
На матушке Святой Руси.
Да тем былиночка покончена.

1. Какое впечатление произвела на тебя былина?
2. Каков сюжет былины?
3. Помнишь ли ты сюжеты народных сказок? Есть ли в былине элементы сюжета народной сказки?
4. Чем былина похожа на сказку, а чем отличается от неё?
5. Рассмотрите иллюстрацию Ивана Билибина к былине (с. 13). Какой эпизод проиллюстрировал художник?

Конечно, былина — это не сказка. Одно из отличий её от сказки в том, что, какие бы фантастические события ни происходили в былине (борьба со змеем, идолищем поганым или Соловьём Разбойником), сказитель и слушатели верят в то, о чём поют и слышат.

Как-то одного сказителя спросили:

— И ты веришь, что всё это правда, о чём в былинах поётся?
Сказитель ответил:

— Знамо дело — правда, а то какая же потреба и петь их? В те-то времена, поди, чаво не было.

К вопросу о том, что за времена описаны в былинах, мы ещё вернёмся, но понятно даже из названия, что рассказывает она о том, что было, о событиях далёкого прошлого.

¹ *Маковка* — купол, вершина церквей и теремов в форме луковичицы.

² *Окóленки* — окна.

Былина повествует не о любом прошлом, а только о *героическом*. Былинных героев называют *богатырями*, а былинами называются особые песни о подвигах и героических приключениях богатырей.

Теперь слово *богатырь* для нас привычно, означает оно — очень сильный, храбрый, благородный человек, защитник. Но в самых старинных былинах герои назывались *мужами*. Слово *богатырь* появилось гораздо позже, чем первые былины.

Русские богатыри — образ очень важный для народа. Они обладают недюжинной силой, благодаря чему становятся людьми необыкновенными. Однако при этом они всё-таки остаются людьми, не становясь волшебными существами. В былинах богатыри, обладающие всеми лучшими качествами человека, противостоят нечеловеческому злу — чудовищам, змеям и просто вражьей силе.

Богатыри воплощают ту силу, которая всегда готова встать на сторону правды, защитить землю от врага, восстановить справедливость. Богатырская сила — это та идеальная сила, о которой всегда мечтал русский народ.

1. Коротко перескажи содержание былины как схему передвижений Ильи Муромца. Что делал Илья Муромец в каждом городе и в каждом указанном в былине месте?
2. С кем встретился Илья под Черниговом, в Чернигове, у речки Смородины, в Киеве? Каков исход всех сражений Ильи Муромца?
3. Найди и прочитай описания сражений с «силушкой великой» и с Соловьём Разбойником. Как ты думаешь, кого больше опасался народ, певший и слушавший произведения о подвигах Ильи: «силушки великой» или Соловья Разбойника?

Соловей Разбойник похож одновременно на птицу, на человека-разбойника и на чудовище. На соловья он похож тем, что живёт на дереве, у него есть гнездо и он свищет по-соловьему. На разбойника — тем, что нападает на прохожих. А чудовище Соловей Разбойник напоминает разрушительными последствиями своего свиста...

1. Найди в тексте былины и прочитай описание посвиста Соловья Разбойника. Что в древности могло вызвать такие последствия?
2. Может ли свист, звук, пусть даже и самый сильный, громкий, привести к гибели людей?

Если на последний вопрос ты ответил отрицательно, ты не совсем прав. В XX веке изобрели оружие, которое действует подобно посвисту Соловья Разбойника.

Описывая посвист Соловья Разбойника, сказитель, поющий былинку, не предполагал, что такое явление существует.

Он верил, что такое могло быть раньше, что когда-то ходили по земле преславные богатыри, которые носили в руке сорокапудовую (640 кг) палицу, что ездили они на конях, перешагивающих с горы на гору, побеждали в одиночку силушку лютую, страшных чудовищ и змеев. Сказитель верил, что где-то есть на земле такая злая сила, которая одним посвистом может разрушить город и убить людей. Но также не сомневался и в том, что есть на земле большая сила, которая одним выстрелом из лука побеждает зло. Так, с помощью преувеличения сил добра и зла, у сказителя и слушателя возникал *художественный образ* зла и побеждающего его добра.

1. Как называется художественное преувеличение — приём, с которым ты ознакомился в 5 классе, изучая народные сказки? Если не можешь вспомнить, найди в словаре терминов (с. 292—297).
2. Найди и прочитай все гиперболы в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник». Назови героев, чья сила, удаль преувеличены в былине.

Народу-сказителю было очень важно, что Илья Муромец — богатырь, дородный добрый молодец — одним выстрелом из обычного лука, пусть и тугого, разрывчатого, побеждает волшебную силу Соловья Разбойника. Поэтому в эпизоде сражения Ильи и Соловья Разбойника нет никакого преувеличения силы Ильи Муромца. Для сказителя было важно, что добро всегда побеждает зло — точно так же, как и в сказке.

Есть в былине ещё один герой, кроме Ильи Муромца и Соловья Разбойника. Это стольный князь Владимир. И показан он совсем не богатырём. В этой былине князь Владимир не совершает плохих поступков, хотя ведёт себя как человек, не обладающий большим мужеством: ведь он испугался Соловья Разбойника. В некоторых других былинах князь Владимир несправедливо поступает с Ильёй Муромцем.

1. Какой характер у Ильи Муромца и у князя Владимира? Аргументируй свои рассуждения примерами из текста.
2. Найди и выпиши, как в былине описан Илья, а как — князь Владимир. Если ты правильно выполнишь задание, то к слову *мблodeц*, относящемуся к Илье, у тебя должно быть выписано три постоянных эпитета, а к слову *Владимир* — два.

Ты уже знаком с постоянными эпитетами в народной сказке. Напоминаем, что эпитет — это художественное определение, то есть определение, создающее образ, помогающее как-то особенно охарактеризовать предмет, о котором идёт речь, сделать его ярким и неповторимым; а постоянный эпитет — это такое художественное определение, которое постоянно употребляется с определённым словом в любой народной сказке,

например, *добрый молодец* или *красна девица*. Если в каком-нибудь произведении много постоянных эпитетов, то это знак для читателя — перед ним фольклорное произведение.

В былинах постоянные эпитеты встречаются ещё чаще, чем в сказках.

1. Выпиши постоянные эпитеты к словам *Киев-град, Чернигов, конь, зверь, ворон, силушка, богатырь, бор, цветочки, лесушки, берёза, крест, казак, лук, руки, тетива, стрела, поле, двор, голова, Святая Русь*.
2. Внимательно прочитай примечания к былине и, если тебе всё ещё непонятен какой-то образ, выпиши этот эпитет и обратись к учителю за разъяснениями.

Обрати внимание на эпитет *старый*, относящийся к слову *казак*. Илья Муромец не был старым человеком в нашем понимании. Ему могло быть лет 30—40. Правда, в старину этот возраст считался весьма почтенным, так как продолжительность жизни была невелика. В былине постоянный эпитет *старый* употребляется в значении «крепкий, сильный».

Образ Ильи Муромца — это центральный образ в русских былинах. Этот богатырь воплощает в себе идеалы и надежды народа, его понятия о добре и зле, о верности родной земле, о богатырской удали и чести. Подвиги Ильи Муромца всегда связаны со служением народу, он изображён как защитник родной земли.

Поскольку былины не записывались, а передавались устно, есть много *вариантов* одной и той же былины. Один из вариантов былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» вместо последних четырёх строк содержит другие две:

А тут Соловью ему й славу поют,
А й славу поют ему век повеку!

Почему так заканчивается былина? В самом ли деле Соловью поют славу или просто над ним смеются?

Конечно, не поют славу побеждённому Соловью. Такой приём создания художественного образа, когда слова употребляются не в прямом смысле, а в переносном, чтобы посмеяться над кем-нибудь, называется *иронией*. Этот приём часто встречается в былинах.

1. В былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» ты встретился с тремя приёмами создания выразительного художественного образа. Два из них свойственны фольклору, один встречается в литературе и в обыденной речи. Назови эти приёмы.
2. В каких случаях ты используешь в обыденной речи эпитеты, гиперболы, иронию?

Язык фольклорных произведений и художественной литературы очень отличается от обычного языка, обыденной речи.

Одно из главных отличий — употребление в художественной речи специальных приёмов, которые делают её более яркой, выразительной, образной. *Эпитет, гипербола* — всё это приёмы создания образной речи. Такие приёмы называются *тропами*. Слова-тропы отличаются от всех других слов тем, что употребляются в переносном, а не в прямом значении. Над Соловьём Разбойником смеются, а написано, что ему поют славу! Если тебе дадут задание найти в тексте тропы, это значит, что нужно найти эпитет, гиперболу, иронию, а также олицетворение или сравнение, которые тоже относятся к тропам. Есть ещё и другие тропы, с которыми ты познакомишься позже.

1. Раскрой значение понятий *олицетворение* и *сравнение*, докажи, что это тропы — средства художественной выразительности.
2. Приведи примеры известных тебе тропов из прочитанных художественных произведений.

Глава третья

«Были времена — прошли былинные»

Помнишь, что ответил сказитель, у которого спросили, верит ли он в то, о чём повествуют былины? Когда сказительница былин Мария Дмитриевна Кривополенова (1843—1924) впервые в жизни приехала в Москву (в конце XIX века), то была очень удивлена, что всё в Москве «так, как в былинах описано». Каждый мост казался ей тем самым мостом, возле которого происходили былинные сражения. Каждый старинный дом — княжеским теремом, описанным в былинах.

М. Д. Кривополенова

Но самое большое впечатление произвела на сказительницу картина В. Васнецова «Богатыри», которую она увидела в Третьяковской галерее. Три богатыря сидят на добрых конях. В центре Илья Муромец высматривает из-под руки, где враг земли Русской. Слева Добрыня Никитич смотрит грозно на врага. А справа Алёша Попович, и взгляд его немножко хитрый и лукавый, потому что в былинах он побеждает не столько силой, сколько хитростью.

Старушка-сказительница убедилась, что всё, о чём она поёт, — правда:

— Глядите-то, — обратилась она к окружающим её посетителям гале-

В. Васнецов. Богатыри

реи. — Жили-были преславные богатыри. Не сказка-побаска, а жизнь бывала...

А ты веришь, что былины — это прошлая жизнь русского народа? Что три богатыря когда-то защищали всю Русскую землю? Что Соловей Разбойник когда-то действительно хозяйничал на «прямоезжей дорожке»?..

Почему не веришь? Ведь в былинах названы существующие города, жившие когда-то люди, например, киевский князь Владимир...

Ну и что, — не согласишься ты и правильно сделаешь. Былина — это не история, и относиться к ней как к истории нельзя. Время былины особое — *былинное*.

И всё-таки отголоски некоторых исторических событий в былинах есть. Тебе, конечно, известно о монголо-татарском нашествии. В 1237 году войска внука Чингисхана, которого называли на Руси ханом Батыем, осадили и сожгли Рязань. Она стала первым русским городом, пострадавшим от монголо-татар. Во время осады Рязани впервые слышали русские вой монгольских стрел, которые свистели потому, что монгольские лучники прилаживали на стрелы свистки. Не этот ли свист стал прообразом свиста Соловья Разбойника?

И всё-таки неправильно было бы сказать, что в былинах «Илья Муромец и Соловей Разбойник» отражено монголо-татарское нашествие. Хотя бы потому неправильно, что эта

былина повествует о временах более ранних, когда главным городом Руси был Киев, и она не была ещё раздроблена на отдельные княжества. То есть былина — это народная память, передаваемая из уст в уста, об эпохе расцвета Киевской Руси IX—XI веков. Как правило, в былинах описан какой-то идеал, который к моменту их создания утрачен. Таким идеалом в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и стала Киевская Русь. А создавались былины примерно в XIII—XIV веках.

1. Докажи, что былина «Илья Муромец и Соловей Разбойник» описывает былинное время, отображающее события времён Киевской Руси.
2. Какой киевский князь мог дать своё имя князю былинному? Что ты о нём знаешь?
3. С каким кочевым народом воевал этот князь?

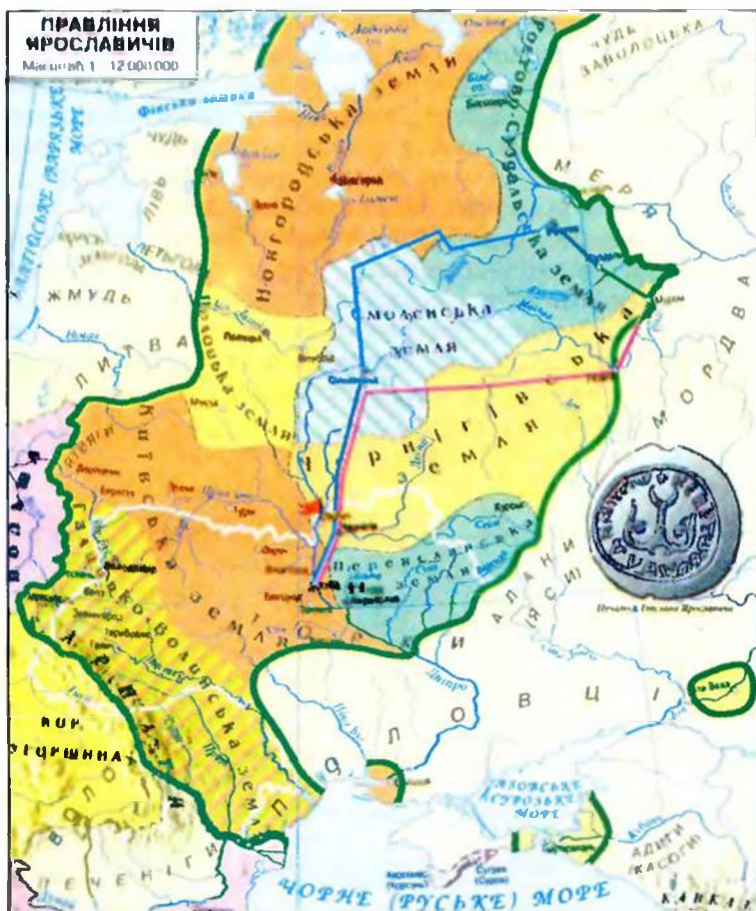
Если на второй вопрос ты ответил, что это Владимир, который в 988 году крестил Русь, внук княгини Ольги и князя Игоря, сын Святослава, твой ответ верен. Но ты уже знаешь, что былины, будучи близки «духу» истории, далеки от её «буквы». То есть былинные сказители, конечно, далеко не точно, не буквально передают исторические события.

В былинах, где главным городом Руси называется Киев (так называемые былины Киевского цикла), всегда присутствует добрый и ласковый князь Владимир Красное Солнышко. Князя Владимира помнили на Руси долго, потому что он был мудрым правителем. За время его правления территория страны выросла вдвое, вокруг Киева объединились все восточнославянские племена, а враги-печенеги опасались нападать на Русь. Поэтому Владимир и вошёл в народную память, в былины.

У Владимира было много сыновей, которые после его смерти боролись за власть в Киеве. Победил Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым. Его правление действительно было мудрым, но один изданный им закон вызвал многочисленные распри. Этот закон гласил, что престол должен переходить не от отца к сыну, а к старшему в роду — как правило, к брату умершего князя. Это привело к длительным жестоким междоусобицам. Начавшись после смерти Ярослава в 1054 году, они продолжались до 1113 года, когда в Киеве сел на престол Владимир Мономах, сын Всеволода, внук Ярослава, правнук Владимира Крестителя.

Во времена Ярослава Мудрого возникло выражение «сел на стол» (то есть — на престол). При этом князе был заведён такой обряд: нового князя «сажали на стол» в главной церкви. Это означало, что вся власть на Руси принадлежит этому князю.

Именно от этого обряда происходят слова *престол, столица, стольный град*.

Русские княжества и земли (IX—XI вв.)

Образы Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого в русских былинах слились с образом Владимира Мономаха не случайно: он продолжил дело своих предков — объединение раздробленной Руси. И так же успешно, как его прадед, боролся с кочевниками.

1. Рассмотрите карту Киевской Руси IX—XI веков. Какие кочевники и с какой стороны угрожали Руси?
2. Посмотрите, как проходила «прямоезжая» дорога (обозначена на карте красным цветом) от Муром до Киева (Чернигова), о которой в былинах сказано, что она «длиною в 500 вёрст», и как проходила окольная. Какая опасность подстерегала русичей, проходивших «прямоезжей дорожкой»?

Дорога, которую в былинах загородили враги, не выдумана. Северо-Восточную Русь с городами Владимиром, Суздалем,

Рязанью, Муромом отделяли от Приднепровья со стольным Киевом и прилегающими землями непроходимые дремучие леса. В середине XII века через лесные дебри была проложена дорога, ведущая от Оки к Днепру, раньше же приходилось объезжать верховья Волги, а оттуда по Днепру спускаться в Киев.

Так что Илья Муромец сделал очень важное дело: очистил от врагов (это могли быть и просто разбойники) новую дорогу.

Вероятно, около былинного Чернигова прямоезжая и окольная дорожки сливались, поэтому избежать встречи с Соловьём Разбойником путешественник уже не мог. И возле реки Смородины умирал от Соловьяго посвиста. Если ты попытаешься найти на карте Киевской Руси реку Смородину, у тебя ничего не получится. Точно так же, как в былинах нельзя искать вполне реальной истории, не совпадает с реальной и былинная география.

1. Выпиши в два столбика все географические названия, встречающиеся в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник». В один столбик — реально существующие или существовавшие, во второй — сказочные.
2. Сколько времени счал Илья из села Карачарова, которое и сейчас есть недалеко от города Муром, в Киев-град? Далеко ли эти города друг от друга? Как называется приём, с помощью которого создаётся в былине этот художественный образ?
3. Почему Илья отказался стать воеводой в Чернигове?

Исследователи фольклора называют былины народным учебником истории, потому что в народной памяти остаются только самые важные события, которые могут перемешаться с другими важными событиями. Илья Муромец воплощает ту силу, которая могла бы защитить Русь от врагов. Его цель — служить всей Руси, а не одному городу. Идея этой былины — Русь должна быть единым сильным государством.

Как ты помнишь, былина создана в период раздробленности Руси. Её не мог петь современник Владимира Мономаха великий Боян, который упоминается как былинный сказитель в «Повести временных лет» (о ней речь у нас впереди). Её пели несчастные беженцы, жители завоёванных или разрушенных городов, и их потомки. Спасаясь сперва от половецкого натиска, а потом (в гораздо большем количестве) от натиска монголо-татар, с юга всё дальше на север пробирались бывшие жители Переяславского, Киевского, Черниговского и ближайших к ним княжеств.

Потомки этих беженцев в течение последующих веков вступали в браки с близкими им по вере и языку жителями северных княжеств и постепенно забывали о своём южном про-

исхождении. Они стали петь те же песни и рассказывать те же сказки, что и местные жители.

И только те из бывших киевлян, черниговчан или переяславцев, которые ушли далеко на север, до Онежского озера, основывали там новые поселения. Местных жителей-язычников, говоривших на непонятных языках, они сторонились и с ними не смешивались. Вот так и получилось, что не новые песни они усвоили, а целых полтысячелетия хранили свои — старины...

В XIX веке, когда эти старины — былины — начали записывать фольклористы, сказители всё так же, как и столетия назад, пели их под гудок¹ или под гусли.

1. Рассмотрни картину Виктора Васнецова «Боян». Что изображено на ней? В какое время происходят события? Докажи свою точку зрения.

В. Васнецов. Боян

¹ *Гудок* — здесь: старинный трёх- или четырёхструнный смычковый музыкальный инструмент.

2. На чём играет Боян? Как художник передаёт его состояние?
3. Кто слушает Бояна? Почему живописец изобразил именно этих слушателей? Почему на картине нет ни одной женщины?

В Киевской Руси князья выступали в поход вместе с певцами-боянами, так что боян — это не имя, а профессия, которую художник Виктор Васнецов сделал именем героя своей картины. Ещё это имя встречается в «Слове о полку Игореве» — произведении древнерусской литературы, которое ты будешь изучать на уроках украинской литературы в 8 классе.

Традиция идти на войну с музыкой существует у разных народов. Например, украинские казаки выступали в поход вместе с кобзарями — певцами, которые играли на кобзах — инструментах, похожих на бандуру и заменивших древнерусские гусли. В минуты передышки украинские кобзари, как и древнерусские бояны, пели произведения, похожие на былины. В XIX веке их называли *думами*.

Думы — это украинские народные песни, в которых рассказывается о событиях и героях, связанных с историей народа. Как былины описывают «золотой век» Древней Руси —

Казак Мамай. Народная картина, XIX в.

А. Олейник. Остап Вересай, исполнитель
украинских дум, XIX в.

Киевскую Русь, так и думы описывают «золотой век» украинского казачества — XVI—XVII века. Часто думы сочиняли и исполняли в турецком плену, тоскуя о свободе и родной стороне.

Думы всегда связаны с тоской, плачем — и это закономерно. Они стали продолжением народных плачей — оплакиваний погибших на поле боя. Этим думы отличаются от былин, которые всегда, как и сказки, провозглашают победу добра над злом. Светлое и радостное настроение былин унаследовала древнерусская литература, о чём ты прочитаешь в последующих главах.

Рассмотри картину «Боян» В. Васнецова и картину «Казак Мамай». Смогли ли художники передать настроение думы и былины в каждой из этих картин? Обоснуй своё мнение.

Хотя думы и былины создавались в разное время и разными народами, у них одна цель — пробудить у слушателя любовь к родине, к своему народу, подвиги которого воспеваются. В думах нет богатырей, но есть народные герои. Некоторые из

них, как казак Голота, — вымышленные, подобно богатырям, а некоторые, как Маруся Богуславка, которая спасла пленников из турецкого плена, — очевидно, настоящие. Казак Голота очень похож на Илью Муромца. Так же, как Илья, он побеждает врага — злого татарина, так же, как Илья, он наделён сверхчеловеческой силой. Казаки в украинских думах наделены теми же качествами, что и древнерусские богатыри.

Подробно ты будешь изучать думы в 8 классе на уроках украинской литературы. Не забудь, что думы — «родственники» былин.

1. Чем думы похожи на былины, а чем от них отличаются? Что появилось раньше — былины или думы? Ответ объясни.
2. Прочитай отрывок из «Думы про казака Голоту». Даже этого отрывка достаточно, чтобы сказать, что ритм дум и былин очень отличается. Чем?

Ой полем, полем Килиїмським,
Та шляхом битим гординським
Ой там гуляв козак Голота,
Не боїться ні огня, ні меча, ні третього болота.

3. Рассмотрй рисунок А. Олейника. Какой инструмент в руках у О. Вересая? С образом какого украинского поэта связан образ народного певца — исполнителя дум?

Глава

четвёртая

Подвиги ратные и мирные

Наши предки очень ценили богатырские подвиги. Образ богатыря — защитника родной земли есть во многих былинах.

Былина, которую ты сейчас читаешь, создавалась на протяжении нескольких веков. Окончательный вариант сложился на русском Севере гораздо позже времён Киевской Руси. Её герои — князь Вольга Святославович и крестьянин Микула Селянинович. Неизвестно, жил ли когда-нибудь Микула Селянинович, а вот князь Олег Святославович — реальное историческое лицо (Вольга — это народный вариант имени Олег). Олег Святославович был двоюродным братом Владимира Мономаха, внуком Ярослава Мудрого.

Ещё раз напоминаем, что *былинное время, былинное пространство и былинные герои* не совпадают с историческими.

1. Прочитай былинку «Вольга и Микула Селянинович». Каков род занятий (сейчас мы бы сказали — профессия) героев былины?
2. Читая, старайся во всех деталях запомнить сюжет былины.
3. Каковы жизненные ценности Вольги и Микулы?

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

(В сокращении)

Когда воссияло солнце красное
На тоё ли на нёбушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович...

Как стал тут Вольга растёт-матерёт¹,
Собира́л себе дружи́нушку хоро́брую:
Три́дцать молодцо́в да без еди́ного,
А са́м-то был Вольга́ во три́дцатых...
Вот посе́ли на добрых коней, поехали,
По́ехали к городáм да за полу́чкою².

Повыехали в раздолы́це чисто́ поле,
Услыхали во чистом поле ора́тая³...

Как брет⁴ в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да помётывает,
А пеня-коренья вывёртывает,
А большие-то каменя в борозду валит.
У оратая кобыла солбвая⁵,
Гужи́ки⁶ у неё да шелко́вые,
Сошка⁷ у оратая кленовая,
Омешки⁸ на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да чёрна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян

¹ *Растёт-матерёт* — взрослеть и мужать.

² *Получка* — дань.

³ *Оратай* — пахарь.

⁴ *Орать* — пахать.

⁵ *Кобыла солбвая* — лошадь со светло-коричневой шерстью, белыми хвостом и гривой.

⁶ *Гуж* — мочальные или ременные петли, которыми оглобли прикрепляются к хомуту.

⁷ *Сошка* — соха (примитивное сельскохозяйственное орудие для вспашки земли, в соху впрягали лошадь).

⁸ *Омешки* — лемехи у сохи — заострённые концы сохи, которые втыкались в землю.

И. Билибин. Вольга и Микула

Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята-пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать,

А бороздки тебе да помётывати,
А пеня-кореня вывёртывати,
А большие-то каменя в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна Божья помощь крестьянствовать.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги¹ калиновы
Да потопят тебя в речке да во Смородине!
Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот лёжа лежит².

Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ты поедем-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,

¹ Сляга — жердь, тонкое бревно.

² Который стоя стоит, тот сидя сидит, который сидя сидит, тот лёжа лежит — кто стоял, тот стал сидеть, кто сидел — лежать.

Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.

Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у неё да завивается.
У оратая кобыла ступью¹ пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью² пошла,
А Вольгин конь да остается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи³ вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает-от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

¹ *Ступью пошла* — пошла тихим шагом.

² *Грудью пошла* — пошла тихой рысью.

³ *Обжи* — оглобли у сохи.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинишку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст...

Тут прогóворил Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?

Тут прогóворил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скірды сложу,
Я во скірды сложу да домой выволочу¹,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

Итак, былина «Вольга и Микула Селянинович» повествует о встрече двух богатырей: один из них князь, другой — крестьянин. В момент встречи каждый из них занимался своим делом: князь ехал воевать, пахарь работал в поле.

Сказитель подробно описывает труд пахаря.

1. Найди в былине и прочитай вслух описание работы пахаря. Докажи, что он хорошо умел делать своё дело.
2. В чём состоит преувеличение в описании орудия труда пахаря и как называется такой художественный приём?
3. Прочитай описание внешности и одежды пахаря. Если ты хорошо себе представил, как пашут, тебе легко будет ответить, удобно ли пахать в описанной одежде.

¹ Я во скирды сложу да домой выволочу — Микула говорит, что выволочит снопы, свезёт их волоком, сложив на длинные жерди, в которые будет впряжена его лошадь.

4. Рассмотрите иллюстрацию Ивана Билибина к былине (с. 30). Соответствует ли одежда Микулы её описанию в тексте? Как ты думаешь, почему художник отступил от текста былины?

Крестьяне не могли работать в такой одежде, которая описана в былине: бархат кафтана стал бы грязным, зелёные сапоги приобрели бы совсем другой цвет, на каблуках по полю вообще не пройдёшь, в пуховой шляпе работать жарко. Но у былины есть свои правила: богатырь должен быть красивым. Поэтому оратай одет в праздничную одежду.

1. Описана ли в былине внешность Вольги? Как ты думаешь, почему?
2. После какого события Вольга пригласил Микулу к себе в дружину?
3. Какой постоянный эпитет в былине доказывает, что воины Вольги были хорошими воинами?
4. С помощью какой гиперболы сказитель показывает недостаток дружины Вольги и какой это недостаток?
5. Всё ли, что умеет Вольга, умеет Микула? Всё ли, что умеет Микула, умеет Вольга? Свой ответ подтверди примерами из текста.

Два образа в былине «Вольга и Микула Селянинович» противостоят друг другу. Будничный труд крестьянина поставлен в былине выше воинского. И недаром. Во времена Киевской Руси любой крестьянин-пахарь мог стать воином, но не каждый воин может справиться с тяжёлым крестьянским трудом.

Открытие былины о славном богатыре Илье Муромце, о Вольге и Микуле, о новгородском купце Садко произвело настоящий переворот в русском искусстве второй половины XIX века, да и во всём обществе. Так, например, замечательный украинский и русский историк Николай Иванович Костомаров в 1861 году писал: «Когда вступишь и задумаешься в сокровища народной русской поэзии, то беспрестанно жалеешь, зачем не родился поэтом, живописцем, композитором. Вот, например, песни о Садко... Боже мой! Что за удивительный сюжет для оперы! Нельзя вообразить себе шире и плодотворнее поля, на котором бы музыка могла сочетать свои силы со всей художественностью сценической постановки».

Слова Костомарова оказались пророческими: именно опера-былина «Садко», которую в 1896 году завершил великий русский композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, стала вершиной былинной традиции в русском искусстве второй половины XIX века. До этого, ещё в 1867 году, 23-летний композитор написал первый опыт в этом роде — музыкальную картину для оркестра «Садко». И за прошедшие тридцать лет, на протяжении которых Римский-Корсаков вынашивал своё великое произведение, не только он один, но и всё его поколе-

ние русских художников именно в былинной традиции усердно искало национальные корни русского искусства.

В 1871 году в Петербурге с исполнением былин выступал уже известный тебе сказитель Трофим Рябинин. На одном из его концертов побывал молодой композитор Александр Порфирьевич Бородин. Он попробовал осуществить нотные записи былинных напевов. Их можно обнаружить среди черновиков Второй симфонии Бородина, с лёгкой руки музыкального критика Стасова прозванной «Богатырской».

Сам автор не только согласился со Стасовым, но и признался ему, что в третьей части симфонии «он желал нарисовать фигуру Бояна, в первой части — собрание русских богатырей, в финале — сцену богатырского пира при звуке гуслей, при ликовании великой народной толпы». Эти изобразительные задачи оказались столь новыми и сложными, что при первом исполнении проявились явные недостатки аранжировки и публика, оглушённая грохотом и звоном, ушла с концерта в полном недоумении. И тут на помощь Бородину пришёл его друг Римский-Корсаков, который, как мы уже знаем, в это время и сам пытался воплотить в современную музыку богатырскую мощь былин.

Тщательно проработав партии медных и духовых групп инструментов, друзья-композиторы в 1879 году вынесли на суд публики новую редакцию «Богатырской» симфонии. За дирижёрским пультом стоял Римский-Корсаков. На сей раз симфония имела колоссальный успех и вдохновила на обращение к былинной тематике не только музыкантов, но и поэтов, живописцев.

Среди последних был Виктор Михайлович Васнецов. В 1882 году глазам изумлённой публики как живой предстал его «Витязь на распутье», который с тех самых пор известен каж-

В. Васнецов. Один в поле воин

В. Васнецов. Автопортрет

дому русскому, да и не только русскому, человеку. А вот свой другой, ещё более грандиозный былинный замысел Васнецов, как и Римский-Корсаков, вынашивал около тридцати лет. И символично, что XIX век в русском искусстве завершают два шедевра — опера-былина «Садко» и монументальное панно «Богатыри» (1898).

И в начале XX столетия зрелый знаменитый художник В. М. Васнецов продолжал будоражить умы своими неожиданными произведениями о русской старине. На картине «Боян» и закалённые в битвах

богатыри, и юный русич потрясённо слушают вдохновенного певца... А вот «Один в поле воин» — картина, которой маститый художник опровергал известную пословицу. И глядя на этого русского богатыря, понимаешь: нет, неправда, что один в поле не воин. Если дело твоё правое, лети в бой, как этот богатырь, и Господь даст тебе силы...

В трудном для России XX веке сам Виктор Михайлович Васнецов казался таким же одиноким богатырём, стоявшим за дело земли русской. Однако были всё же и у него соратники и последователи — например, Сергей Васильевич Малютин. Та-

С. Малютин. Илья Муромец

кие его живописные полотна на былинные темы, как «Илья Муромец» и «Пир у князя Владимира», отличаются тщательной проработкой исторических деталей. Малютин умел заставить зрителя поверить: именно так всё и было на самом деле...

- 1*. Рассмотрите в учебнике репродукции картин на богатырскую тему. Составьте небольшой рассказ об одном из богатырей (по выбору).
2. Слышал ли ты произведения Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородина, о которых говорится в учебнике? Расскажи о своих впечатлениях от их музыки.

Глава пятая

«Откуда есть пошла русская земля»

Читая былины, сказки, мы всегда должны помнить, что это произведения *устного народного творчества*. То есть записали их совсем недавно, всего лет 150 тому назад, а до этого веками передавали устно, рассказывая друг другу. Это отличительная черта *фольклора* — он существует устно.

Слово *литература* произошло от латинского слова *litera* — буква. Литература возникает у народа тогда, когда возникает письменность. Древняя литература каждого народа указывает на *жизненные ценности* этого народа, как и фольклор. Но если фольклор создаёт весь народ, то древнюю литературу создают образованные люди. В Древней Руси это были монахи. Да и сами князья принимали участие в создании *памятников древнерусской литературы* (так учёные называют произведения древнерусской литературы).

Например, Владимир Мономах не только принимал участие в создании первой летописи — «Повести временных лет» (*временных* означает «минувших»), но и написал собственное произведение — поучение своим сыновьям, которое известно сейчас под названием «Пучение Владимира Мономаха».

Древнерусская литература — литература относительно молодая. Ей всего около тысячи лет. Сравни: древнегреческой литературе около трёх тысяч лет. Когда бы ни возникала литература, она свидетельствует о появлении у народа самосознания. Произведения древней литературы всегда показывают, каково место народа среди других народов, чем он отличается от них, каковы его жизненные ценности.

Например, в «Повести временных лет» перед читателем разворачивается широкая картина мировой истории, сделана попытка определить в ней место славян и Руси. Автор «Повести...» ведёт родословную славян от одного из сыновей спасшегося от потопа Ноя — Иафета. В «Повести...» подробно описа-

*В. Васнецов. Собор святителей русской церкви.
Эскиз росписи Владимирского собора в Киеве*

ны расселение славянских племён, легенды, связанные с возникновением древних городов, например Киева.

Ты можешь задать вопрос: откуда летописец, живший в XII веке, узнал о расселении славянских племён в VIII веке и о других, ещё более давних событиях?

Конечно же, из устных преданий, из фольклора. Ты можешь возразить, что фольклор — это вымысел, сказка. Однако древнерусский автор записывал только такие народные предания, в правдивость которых он сам верил. Древнерусская литература не знала вымышленных героев или сюжетов. В ней

действовали исторические лица и описывались исторические события. Конечно, современному читателю видно, что правда у древнего автора перекликается с вымыслом, но сам древний автор считал этот вымысел правдой.

1. Рассмотрите эскиз Виктора Васнецова «Собор святителей русской церкви». Какие черты древнерусских монахов-книжников хотел передать художник?
2. Прочитайте легенду из «Повести временных лет». Что в ней, с вашей точки зрения, правда, а что — вымысел?

СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКИХ КОЛОДЦАХ

В лето 6505 (997)¹. Владимир пошёл к Новгороду за воинами против печенегов, так как в это время была непрерывная война. Узнали печенеги, что нет в Киеве князя, пришли и стали под Белгородом². И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, печенегов же было многое множество. Затянулась осада, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали:

— Вот уже скоро помрём от голода, а от князя помощи нету. Не лучше ли нам сдаться печенегам: кого-то они убьют, а кого-то оставят в живых, а так все поумираем от голода.

На том и порешили.

Один старец не был на том вече, и спросил он:

— О чём было вече?

Люди поведали ему, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Слышал, что хотите сдаться печенегам.

Они же ответили:

— Не стерпят люди голода.

И сказал им старец:

— Послушайте меня, не сдавайтесь три дня и сделайте, что я вам велю.

Они с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей.

¹ В «Повести временных лет» все события датировались по древнему летосчислению «от сотворения мира». В современных изданиях «Повести...» рядом с этой датой (в скобках) указывается дата по принятому и ныне летосчислению от Рождества Христова.

² *Бѣлгород* — Белгород Киевский, древнерусский город-крепость в X—XIII вв., расположенный на правом берегу реки Ирпень. Основан князем Владимиром Красное Солнышко, крестившим Русь, для защиты Киева. В 997 г. Белгород выдержал осаду печенегов.

Они пошли и сыскали. И велел старец женщинам сделать болтушку, на чём кисель варят, и велел выкопать колодец, вставить в него кадь и налить её болтушкой. И велел выкопать другой колодец и поставить в него кадь и поискать мёду. Они пошли и взяли лукошко мёду, было оно спрятано в княжеской медуше. И велел сделать из него пресладкую сыту¹ и вылить её в кадь в другом колодце.

Наутро старец повелел послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите человек с десять в город посмотреть, что делается в городе нашем.

Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдать. Они взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали их в город, чтобы проведали, что делается в городе. Когда пришли они в город, сказали им люди:

— Почто вы губите себя? Разве вы можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сможете сделать нам? Нас ведь кормит сама земля. Если не верите, то посмотрите своими глазами.

И привели печенегов к колодцу, где была болтушка, почерпнули её ведром, вылили в латки² и сварили кисель. Затем пришли к другому колодцу, и почерпнули из него сыты, и стали есть сперва сами, а потом и печенегам дали. И удивились те и сказали:

— Не поверят нам князья наши, если не отведают сами.

Люди налили им корчагу³ болтушки и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали своим всё, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а тех отпустив, поднялись от города и пошли восвояси.

Если ты думаешь, что белгородцы не могли наполнить свои колодцы болтушкой и сытой, то, может быть, ты и прав, а может быть — нет. На городище в селе Белгородка, где когда-то был древний Белгород, археологи обнаружили колодец с дубовым срубом. Выкопали его на пятнадцать метров в глубину, и всё же до конца не дошли. Может быть, с такой глубиной местных колодцев и связано предание «о белгородских колодцах»?

«Повесть временных лет» — это летопись, составленная в 1113 году. Её создание приписывается монаху Печерского монастыря⁴ Нестору. Но и до Нестора над ней трудились ле-

¹ *Сыта* — сладкий напиток на меду.

² *Латки* — глиняные сковороды с высокими краями.

³ *Корчага* — большой глиняный сосуд с одной или двумя ручками, употреблявшийся обычно для хранения вина.

⁴ Современное название — Киево-Печерская лавра.

тописцы. Они тщательно собирали древние легенды и переписывали уже описанные события, стараясь не допускать ошибок. Древнейший свод (соединение всех кусочков в одну летопись) был составлен по повелению Ярослава Мудрого в 1039 году.

Как видишь, произведения древнерусской литературы писались не одним автором, а многими. После Нестора над «Повестью временных лет» трудился игумен (настоятель) Выдубицкого монастыря под Киевом Сильвестр. Он закончил свой труд в 1116 году. Эта летопись тоже сохранилась только в составе более поздней летописи — Лаврентьевской (1377 год). Ещё одна редакция «Повести временных лет» выполнена в 1118 году летописцем князя Мстислава Владимировича (имя самого летописца осталось неизвестно). Но и эта летопись дошла до нас только в составе более поздней Ипатьевской летописи (начало XV века).

Первые древнерусские летописи были написаны в Киеве и Новгороде, а затем и в других городах Руси. Но все последующие летописцы начинали изложение истории своих земель полным или сокращённым текстом «Повести временных лет», потому что она рассказывала о судьбе и происхождении Древней Руси в целом и поэтому интересовала каждого русича, где бы он ни жил.

В годы войн и деления Руси на княжества (уделы) летопись напоминала о золотом времени Древней Руси, когда она была единой под властью мудрого князя: Владимира Крестителя, Ярослава Мудрого или Владимира Мономаха.

«Повесть временных лет» — это сокращённое название летописи, полное ты видишь на рисунке.

Сказано как-то не совсем по-русски: земля стала есть. Действительно, не по-русски, а по-древнерусски. На этом языке говорили наши предки в XI веке. В те времена другим был не только язык, но и книги.

Книги писались вручную на специально обработанной коже —

М. Антокольский.
Нестор-летописец

СЕ ПОВѢСТИ
ВРЕМЯНЫХЪ ЛѢТЪ
ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА
РУСКАЯ ЗЕМЛЯ.
КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА
ПЕРВѢ КНАЖИТИ
И ОТКУДА
РУСКАЯ ЗЕМЛЯ
СТАЛА ЕСТЬ

пергаменте. Так называли его по имени греческого города Пергама, прославившегося мастерами кожевенного дела. Чернила в те времена по капле добывали из особых чернильных орешков. Книгу писали от руки не один год.

Каждое произведение существовало в одном экземпляре, поэтому, если книга сгорала или была похищена (что часто случалось во время набегов кочевых племён), произведение навсегда терялось для потомков. Некоторые произведения переписывали (делали копию).

Пергамент и чернила — материал дорогой и недолговечный, по этой причине летописец или монах-переписчик, делая копию, старался не допускать ошибок. С другой стороны, переписчик мог добавить что-то от себя, исправить описание события, если ему казалось, что он лучше знает об этом событии старины. Переписчик приспособлял труд своего предшественника к литературным вкусам и идейным требованиям своего времени. Такие варианты древнерусских произведений учёные называют *редакциями*.

Редкие памятники сохранились в том виде, в котором были написаны. Большинство произведений древнерусской литературы дошло до нас в более поздних копиях — *списках*.

Переписчику или летописцу древней литературы и в голову не пришло бы присвоить себе заслугу написания произведения. Имена древних авторов стали известны нам почти случайно. Нестор подписал своё имя под «Повестью...» не как автор, а скорее как составитель. *Отсутствие или неважность лич-*

Страницы из древнерусских книг

ности автора — ещё одна существенная черта древнерусской литературы. Как и фольклор, древнерусская литература была коллективной.

1. Что такое варианты фольклорных произведений? Есть ли варианты у современной литературы?
2. Есть ли автор у фольклорных произведений? Почему часто отсутствует указание имени автора в произведениях древнерусской литературы?
3. Представь себе, что ты решил немножко изменить какое-нибудь известное стихотворение. Имеешь ли ты на это право? Почему древнерусские авторы и переписчики так свободно добавляли от себя целые части произведений, и при этом никто не считает, что они поступали плохо?
4. Рассмотрю иллюстрацию (с. 41). В какой позе скульптор изобразил Нестора? Почему? Что ты можешь рассказать о Несторе-летописце, глядя на скульптуру М. Антокольского?

Как уже было сказано, древнерусские авторы и читатели относились к литературе как к правде, как к документу, как к свидетельству истории — недаром древнерусские произведения называются памятниками. Наши предки не представляли себе, что можно что-нибудь выдумать для развлечения и записать на драгоценный пергамент. Произведение древнерусской литературы было замершей историей, оно должно было поучать все последующие поколения.

Летописи описывали историю народа, содержали жизнеописания (*жития*) великих людей, как правило, святых. Но святость всегда была связана со служением родной земле. Были ещё описания путешествий — *хождения*, *военные повести* о борьбе с иноземными захватчиками, *поучения* и другие виды произведений.

Литературы было мало, читали и слушали её не для развлечения, как сейчас читают художественную литературу, не из-за увлекательного сюжета, не потому, что интересно. Слушатели и читатели уже хорошо знали всё содержание произведения.

Например, *жития* читали на праздник святого в церкви, как правило, каждый год в определённый день. Слушатель слышал *знакомый* текст — но от этого он был для него не менее интересным.

Ты поймёшь это, если любишь стихи. Стихи ведь читают не для сюжета, не для того, чтобы узнать, что было дальше, потому что во многих стихах сюжета нет. Стихи читают для поэзии, для наслаждения самими стихами, для сопереживания. Для этого же читали и слушали древнерусскую литературу. Книги сравнивали с морской глубиной, а читателя — с искателем жемчуга.

Древнерусская литература — это не стихи, но поэзия. Лучше всего это видно на примере древнерусского произведения, которое ты будешь изучать, — «Слова о полку Игореве». В этом произведении созданы такие *художественные образы*, к которым до сих пор обращаются поэты. Поэтические образы древнерусской литературы близки к фольклору.

1. Прочти отрывок из «Повести временных лет». Какую сказку с подобным сюжетом ты знаешь? Как фольклорный сюжет мог появиться в «Повести...»? Выскажи свои предположения.
2. О каком князе Владимире идёт речь в отрывке?
3. Какой троп, часто встречающийся в фольклоре, использован в отрывке?

ПОДВИГ ЮНОШИ КОЖЕМЯКИ

В лето 6500 (992). Пошёл Владимир на хорватов. Когда же пришёл он с хорватской войны, пришли печенеги с той стороны Днепра от Сулы; Владимир же пошёл против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались ни наши перейти на ту сторону, ни они на эту.

И приехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему:

— Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года. Если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года.

И разошлись.

Владимир, придя в стан свой, послал глашатаев¹ по лагерю со словами:

— Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенежником?

И не сыскался никто.

Наутро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших никого не было. И стал тужить Владимир и опять послал глашатая по всему войску. И пришёл к князю один старый муж и сказал ему:

— Княже! Есть у меня сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он остался дома. С самого детства его никто ещё не поборол. Однажды он мял воловью кожу, а я забранил его за что-то, тогда он, рассердившись на меня, разодрал кожу руками.

Услышав такое, князь обрадовался и послал за ним. И привели его к князю, и князь поведал ему всё. Тот отвечал:

¹ *Глашатаи* — в старину лицо, объявлявшее народу официальные известия.

— Княже! Не знаю, могу ли я схватиться с печенегом, — испытай меня: нет ли быка, большого и сильного?

И нашли быка, большого и сильного, разъярили его раскалённым железом и пустили. Бык побежал мимо него. Схватил он быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир:

— Можешь бороться с печенегом.

Наутро пришли печенеги и начали взывать:

— Где же ваш муж? Вот наш уже готов!

Печенеги выставили своего мужа: был же он очень велик и страшен. Тогда выступил муж Владимира, и, увидев его, печенег посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими полками и пустили борцов друг против друга. Они схватились и начали крепко жать друг друга, и удавил отрок печенежина руками до смерти. И бросил его оземь.

Раздался крик, и печенеги побежали, и русские гнались за ними, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо переял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

1. Благодаря каким качествам юноша кожемяка совершил свой подвиг?
2. Перечерти таблицу в тетрадь и заполни её: сделай вывод об особенностях древнерусской литературы.

Вопросы	Фольклор	Древнерусская литература	Современная литература
Есть ли у произведения автор? Известно ли его имя?			
Устная или письменная форма произведения?			
Как исполняется (читается) произведение?			
Есть ли у произведения варианты?			
Содержание произведения — правда или вымысел?			

Названием главы стали слова князя Владимира Мономаха, обращённые к его детям. «Поучение Владимира Мономаха» дошло до нас в единственном списке монаха одного из нижегородских монастырей — Лаврентия. «Поучение...» вставлено им в «Повесть временных лет». Конечно, были и другие списки «Поучения...», но они не дошли до нас. Подумай только, как важен был труд летописцев для сохранения нашей истории!

Владимир Мономах (1053—1125) был одним из выдающихся государственных деятелей конца XI — начала XII века.

С раннего детства его приучали переносить невзгоды и лишения. Когда княжичу исполнилось восемь лет, его «посадили на коня». Это означало, что ребёнок стал отроком и вместе с отцом мог участвовать в военных походах и охотах («ловах»). В шестнадцать лет Владимир Мономах совершил свой первый самостоятельный поход: через болота и леса он проехал в Ростов, входивший во владения его отца.

По обычаю того времени Владимира рано женили. Его невеста Гита была дочерью английского короля.

Владимир Мономах был мудрым и дальновидным политиком. Он собирал княжеские съезды, призывал князей к миру и единению: «Почто губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу раздирают на части и рады, что между нами рати. Объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю».

Владимир Мономах написал своё «Поучение...», очевидно, в преклонном возрасте, а прожил он для того времени очень долго — 72 года. Он пишет «Поучение...», по собственному выражению, «сидя на санях». Учёные спорят о том, что имел в виду Владимир: то ли перед смертью, то ли во время зимнего пути, который, как известно, совершался на санях. Большинство учёных склоняются к первой версии, потому что в Древней Руси был обычай перевозить тело умершего к месту захоронения на санях. На сани клали и умирающего.

Наиболее вероятная дата написания «Поучения...» — 1117 год. После этого Владимир прожил ещё восемь лет. Возможно, он болел и думал, что умрёт...

«Поучение...» делится на две части. Первая часть — наставление детям, которые должны заниматься добрым делом на благо родной земли. В этой части Владимир Мономах рассуждает так, как было принято в древних поучениях. Он использует библейскую мудрость о воспитании детей, о трудолюбии и миролюбии.

Вторая часть — первая в древнерусской литературе *автобиография*, то есть описание собственной жизни. Владимир

Мономах рассказывает о своих делах, давая пример трудовой, без лености, жизни, к которой он призывал всех князей. «Почучение...» охватывает период с 1066 по 1117 год.

1. Прочитай отрывок из первой части «Почучения Владимира Мономаха». Со всеми ли его наставлениями ты согласен? Какие из них тебе понравились больше всего?
2. О каких качествах Владимира Мономаха свидетельствуют его наставления?

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

(Отрывки)

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречённый в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил.

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь над нею, но примите её в сердце своё и не ленитесь, но усердно трудитесь...

В дому своём не ленитесь, но за всем наблюдайте, не полагайтесь на тиуна¹, ни на отрока², чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. Сторожей сами снаряжайте и ночью, со всех сторон расставив охрану, ложитесь около воинов, а вставайте рано. Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись; по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь и пьянства, от того душа погибает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас.

Везде, куда вы пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите просящего... Всего же более убогих не забывайте и подавайте сироте, и вдовицу рассудите сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Мы, люди, грешны, и если кто нам зло сотворит, то хотим его поглотить, кровь его пролить скорей.

Если же вам придётся крест целовать³, то, проверив сердце своё, целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав,

¹ *Тиун* — управляющий хозяйством.

² *Отрок* — здесь: слуга.

³ *Целовать крест* — клясться в чём-то.

соблюдайте своё слово, ибо, нарушив клятву, погубите душу свою.

Гордости не имейте в сердце и в уме: смертны все, сегодня живы, а завтра в гробу; всё, что мы имеем, дано нам на малое время. Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью, ни во что ставьте всеобщий почёт.

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. Более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то угостите его пищей и питьём; ибо он, проходя, прославит человека по всем землям или добрым, или злым.

Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите. Жёну свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Если забудете это, то чаще перечитывайте мою грамотку, тогда и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран. Лениость ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой покойный и все добрые мужи.

1. К кому обращается Владимир Мономах? С какой целью он решил дать свои наставления потомкам?
2. Как звали деда и отца Владимира, сколько языков знал его отец?
3. Что Мономах называет «матерью всему дурному» и почему?
4. Прочитай отрывок из второй части «Поучения Владимира Мономаха». Против каких двух сил воевал Владимир? Какая война была во благо, а какая — во вред?

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде моём, как трудился я в походах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошёл сквозь землю вятичей¹ — послал меня отец, а сам пошёл к Курску. И снова, второй раз ходил я к Смоленску, а из Смоленска пошёл во Владимир на Волыни. Той же зимой послали меня братья в Берестье² на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом мирно. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир³ — в Сутейске мир заключать с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Полыну, прошёл до Чешского леса, и ходил я в их земле четыре месяца. В тот год сын у

¹ *Вятичи* — древнерусское племя, жившее по реке Оке.

² *Берестье* — современный Брест.

³ *Владимир* — Владимир-Волынский.

меня родился старший. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

Когда Святослав умер, я опять пошёл в Смоленск. А летом с отцом — под Полоцк. Он пошёл к Новгороду, а я с половцами в Чернигов. И Олег пришёл туда, прогнанный из Владимира, и я позвал его к себе на обед в Чернигов, на Красном дворе.

И, из Смоленска вернувшись, прошёл сквозь половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и Олегом и победили их...

И весной посадил меня отец в Переяславле выше всей братии. И бились мы с половцами и ходили за Супой¹. И по пути в Прилуку встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и мы хотели было с ними биться, но наше оружие было отослано вперёд на возах, и мы вошли в город Прилуку.

И снова по смерти отца и при Святополке на Стугне² бились мы с половцами до вечера, а потом мир сотворили.

А потом Олег пошёл на меня со всею Половецкою землёю к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за Малый вал и не дала им войти в острог. Пожалел я христианских душ, и сёл горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И дал Олегу стол его отца, а сам пошёл на стол своего отца в Переяславль. И вышли мы из Чернигова в день святого Бориса и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек нас было, с детьми и с жёнами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах³. Бог и святой Борис не дали меня им на поживу, невредимы дошли до Переяславля. И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка⁴ за Рось⁵. Тогда же и торки⁶ пришли ко мне и ходили мы им на встречу на Сулу.

И опять со Святополком гнались за Боняком и не настигли его. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его. В Переяславль вернувшись к лету, собрал всех братьев на совет.

¹ *Супой* — приток Днепра.

² *Стүгна* — приток Днепра.

³ *Горы* — Болдины горы под Черниговом.

⁴ *Боняк* — половецкий хан.

⁵ *Рось* — приток Днепра, граничил с Половецкой степью.

⁶ *Торки* — кочевой народ.

И Боняк пришёл со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир и пошли к Смоленску, а потом пошёл я к Ростову.

А из Чернигова около ста раз ездил к отцу в Киев, за день проезжая, до вечери.

А всего походов было восемьдесят три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров я заключал с половецкими князьями без одного двадцать и при отце и без отца, и раздавал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков Шаруканевых¹ двух братьев и других сто лучших князей половецких.

А вот как я трудился, охотясь: коней диких ловил я своими руками в пущах и на равнинах и связывал их живых. Два тура метали меня рогами вместе с конём, олень меня бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник прокусил, лютый зверь вскочил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым. И с коня я падал много раз, голову разбивал дважды, и руки и ноги свои в юности повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днём, в зной и в стужу, не давая себе покоя, не полагаясь ни на посадников², ни на биричей³. Всё делал сам, что было нужно, весь порядок в доме у себя сам устанавливал. И следил за порядком у ловчих и у конюхов. И о соколах и о ястребах заботился⁴. Также и бедного смерда⁵ и убогую вдовицу не давал в обиду сильным.

Не осуждайте меня, дети или другой, кто прочтёт: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога за то, что он меня, грешного и ничтожного, столько лет оберегал от тех смертельных опасностей и создал меня не ленивым, но способным на всякие дела человеческие.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь, дети, совершать всякие добрые дела. Смерти, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог даст.

¹ *Шарукан* (Шарукань) — половецкий хан.

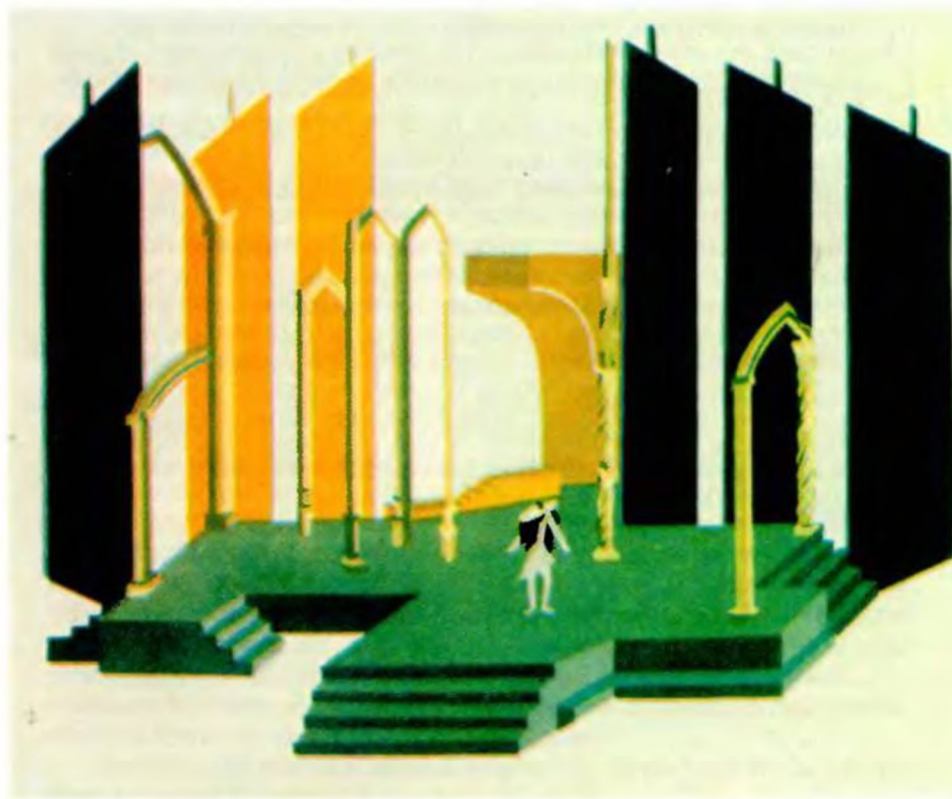
² *Посадник* — должностное лицо.

³ *Бирич* — то же, что глашатай (см. с. 44).

⁴ *О соколах и ястребах заботился* — с обученными соколами и ястребами охотился на диких птиц.

⁵ *Смерд* — зависимый крестьянин, живший на земле князя. За пользование наделом платил оброк и выполнял различные работы (извоз, ремонт и строительство дорог и т. п.).

1. О чём рассказывает Владимир во второй части «Поучения...»?
2. Какие кочевые народы упоминаются в «Поучении...»? С какими из них Мономах заключал союзы?
3. Какой город несправедливо занял Владимир, кому его уступил и почему? Найди и прочитай в тексте. О каких качествах Владимира свидетельствует этот поступок?
4. Сколько раз ездил Владимир из Чернигова в Киев к отцу? Чем он напоминает тебе былинного богатыря и какого? Какой троп создаёт богатырский образ?
5. Почему удачная охота была такой же гордостью древнерусских князей, как и победный воинский поход?
6. Кому и за что воздаёт славу и хвалу Владимир Мономах в конце жизни?
7. Как ты думаешь, почему дети не послушали отца и не стали жить в единстве?
8. Кому были доступны древнерусские книги? Для какого читателя создавались тексты древнерусской литературы? Имел ли возможность древнерусский автор донести свои идеи до всего народа?
9. Ты ознакомился с «Поучением Владимира Мономаха», написанным без малого тысячу лет тому назад. Как ты думаешь, предполагал ли сам автор «Поучения...» или летописец-переписчик, что этому тексту суждена столь долгая жизнь? Каковы его смысл и значение для нас?

Беседы о литературных жанрах

Глава первая

Что делает народ народом?

Изучая фольклор и средневековую литературу, мы видели, как много значат в жизни народа и каждого человека традиции. *Традиции — это то, что связывает нас с прошлым, со всем тем важным и ценным, что оставили нам наши предки.*

Традиции составляют основу культуры.

Культура — это вся совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом.

Оглянись вокруг себя. Что в окружающей обстановке — в твоих знаниях, умениях, мечтах — кажется тебе ценным? Запиши в две колонки: 1) материальные ценности; 2) духовные ценности.

Если в записанных тобою колонках нет слов *музыка, знание истории, компьютер, книга, литературное произведение, компьютерные игры, телевизор, новый кинофильм, старый кинофильм, новая песня, народная песня*, то дополни ими свои колонки — в том случае, если вещи и явления, называемые этими словами, кажутся тебе ценными.

Те из напечатанных выше слов, которые ты не выписал ни в одну из двух колонок, выпиши в третью колонку. Напротив каждого из слов напиши, почему ты не считаешь ценностью обозначаемую им вещь или явление.

Представь себе, что современный дорогостоящий компьютер каким-то образом попал в пещеру первобытного человека. Порассуждай, остаётся ли он «ценностью» и там.

Люди общаются, дружат, объединяются на основе *общих ценностей*. Конечно, ты вряд ли найдёшь человека, который любит, уважает и считает ценным всё то же самое, что и ты. Главное, чтобы совпадали *важнейшие ценности*. Люди становятся лучшими друзьями, если обнаруживают, что у них одинаковые важнейшие ценности. Самые крепкие семьи те, где мужа и жену объединяют общие ценности, которые они стараются передать своим детям и внукам.

А когда у множества людей совпадает ряд важнейших ценностей, мы говорим, что эти люди составляют единый народ.

«Страна — это единство народа, природы и культуры», — писал Дмитрий Лихачёв, выдающийся русский литературовед. Народ, страна — большая семья. И, конечно, если семья очень большая — миллионы, десятки миллионов людей, — то члены этой семьи очень разные, у них могут быть даже разные языки, но обязательно есть один общий — язык общих ценностей.

1. Чем определяется принадлежность человека к тому или иному народу — национальностью родителей; местом рождения; общими ценностями?
2. Когда человек становится представителем того или иного народа — с рождения, с детства, с момента овладения общими ценностями? Почему ты так считаешь?

Ценности практически не поддаются учёту и контролю. Они формируются на протяжении веков и проявляются в обычаях и традициях, моральных нормах и законах, в искусстве, в том числе и в литературе. Невозможно «обязать» людей

иметь общие ценности. Ценности не разрешаются и не за-
прещаются, не заучиваются и не забываются. Ценности пере-
даются от поколения к поколению, и литература здесь играет
важную роль.

Есть русская пословица: «*Что написано пером, того не вы-
рубишь топором*». Написанный текст предполагает наличие
автора, который и должен полностью отвечать за написанное.
Человек средневековья ещё не готов нести личную ответствен-
ность. И вместо автора появляется *переписчик*.

Переписчик мог бы рассуждать примерно так: «Я всего
лишь хочу передать современникам и потомкам те духовные
ценности, что я усвоил от предков. Были в древние времена
люди великие, получившие свой дар прямо с небес...» И даль-
ше следует имя певца: слепой Гомер, «вещий» Боян...

Миф о певце, который, как небесный дар, хранит и поёт
песни «самого народа», был необходим всегда, когда над наро-
дом, его языком, его культурой нависала реальная опасность
уничтожения.

Такая опасность обычно возникает вовсе не тогда, когда кто-
то угрожает извне. Как раз наоборот: завидя перед собою внеш-
него врага, народ сплачивается, вспоминает свои духовные
ценности и, таким образом, даже в поражении — выживает.

Опасность возникает тогда, когда соседи живут лучше,
богаче, и, кажется, стоит только перенять их культуру, ценно-
сти, образ жизни — и ты тоже станешь жить лучше... Обычно
это самообман, и вот тогда является Певец.

Певец приходит из самой гущи простого народа. В XVIII
или XIX веке — из крестьянства. Михаил Ломоносов, Роберт
Бёрнс, Тарас Шевченко...

1. Так что же делает народ — народом?
2. Что такое традиции? Какие традиции мы, говорящие по-русски,
унаследовали из русского фольклора и древнерусской литературы?
3. Что такое культура? Как ты понимаешь выражение «националь-
ная культура»?

Глава вторая

Какие песни поёт народ?

Говорят, было такое счастливое время, когда человек пел,
как дышал. Заговорит о чём-то важном, задушевном — а выхо-
дит песня.

Но не у всех это получалось одинаково хорошо. Испокон ве-
ков люди разные: кто ловок в ремесле, кто — в землепашестве,
а кто и в песне... И вот такой «ловкий» в песне человек и был
«автором», хотя «авторство» его сохранялось недолго: кто-то
переиначивал строку, куплет, а то и всю песню — «ещё

ловчее». Народ радостно принимал переделку, но при одном условии: если новое лучше, точнее старого отражало его коллективную народную душу — важнейшие духовные ценности.

Однако мы видели, что так было только до изобретения письменности и распространения грамотности в народе. Письменное слово потребовало от автора взять на себя ответственность... Тут, конечно, вмешались властители: прекрасно понимая силу слова, они пробовали приручить автора-Певца, посадить его в «золотую клетку», оторвать от народа. Поэтому превращение автора-Певца в профессионального художника слова сопровождалось часто болезненным его разрывом с родной почвой. Однако история мировой литературы знает и такие случаи, когда подобного разрыва не происходило.

Однажды два соседа-крестьянина поспорили: кто больше земли за день вспашет? К концу дня оказалось: вспахали поровну.

— И всё-таки я победил — я больше сделал за день,— сказал один из них.

— Это ещё почему? — возмутился второй.

— А я, пока пахал, ещё и новую песню сочинил.

Он спел свою новую песню — и все жители села, включая соперника, признали его победителем. Дело в том, что все старые песни своего односельчанина они уже знали наизусть...

Дело было в XVIII веке в Шотландии, а поэта-крестьянина звали Роберт Бёрнс (1759—1796).

Он сочинял стихи в традиционных ритмах, иногда даже на старые мелодии шотландских народных песен. Но ведь так поступали многие поколения народных поэтов, имена которых до нас не дошли. Почему же мы знаем имя Бёрнса, а стихи эти называем не шотландским фольклором, а поэзией?

Роберт Бёрнс был крестьянином и всю жизнь работал на своём поле. И, как многие крестьяне того времени, умер в относительно молодом возрасте — 37 лет. И был он главой семьи, основной заботой его жизни были не стихи, а то, как ему прокормить семью.

В то же время Бёрнс был по-настоящему образованным человеком. Он в оригинале читал латинские и французские стихи, был истинным знатоком английской классической поэзии, шотландского и английского фольклора, разбирался в философии и политике... Каким же образом этот крестьянин, не учившийся не только в университете, но даже и в настоящей школе, мог всё это узнать?..

Ответ уместается в одну фразу: в образовании главное — основа, крепкий фундамент, на котором могли бы устоять лю-

Хижина У. Бёрнса. Внутреннее убранство

бые знания. Эту истину понимал отец Бёрнса, и именно ему великий шотландский поэт обязан и основой своего образования, да и вообще всем тем, что он в жизни умел и кем в жизни стал.

Уильям Бёрнс своими руками соорудил глинобитную хижину, состоящую из двух комнат. Сюда привёл молодую жену Агнес. Здесь родились его дети.

Уильям Бёрнс верил в Бога и хотел передать свою веру сыновьям. Он не только читал им Библию и учил грамоте, но и сам написал руководство для их жизни — «Настольную книгу верующего». Её и сейчас можно увидеть в той самой глинобитной хижине, где родился Роберт Бёрнс. Всё, что связано с его памятью, бережно хранит шотландский народ.

В образовании своих сыновей Уильям Бёрнс не ограничился тем, что передал им всё то, что знал и ценил, во что верил сам. Он хотел, чтобы они знали больше и благодаря этому больше достигли в жизни. Но как же бедному крестьянину дать образование своим детям в шотландском захолустье, где нет даже начальной школы?..

И вот однажды Уильям Бёрнс обратился с таким словом к своим односельчанам на сельском сходе:

— Знания — свет, а невежество — тьма. Неужели мы хотим, чтобы и наши дети, как мы, продолжали жить во тьме? Неужели мы пожалеем сил и средств для того, чтобы мы, шотландцы, вырвались, наконец, из порочного круга невежества и нищеты?.. Да я отдам последний пенни¹, чтобы наши дети стали образованными людьми! А вы?..

¹ Пэнни — самая мелкая монета в Англии и Шотландии.

Оказалось, «всем миром» можно собрать на зарплату учителю. Нашёлся и сам учитель, недавний выпускник университета Джон Мердок, добросовестный, знающий языки и науки, любящий детей. И некоторые из его учеников действительно пошли гораздо дальше своих отцов: например, один из них стал химиком и бизнесменом — основателем первой в Шотландии химической фабрики.

Роберт Бёрнс

А вот другой ученик не так хорошо успевал в «точных» науках. Но именно о нём Джон Мердок однажды сказал: «А ведь из этого Роберта Бёрнса, при его любознательности и дивной памяти, будет толк!» А Роберт, польщённый вниманием учителя, легко и весело заучивал наизусть длинные латинские и французские стихотворения — и вот уже сам начинал что-то не то бормотать, не то напевать в ритмах выученных стихов... Потом вдруг надолго замирал, словно вслушиваясь в самого себя... И вдруг — гордо вскидывал голову, и будто прямо из души лилась дивная песня: вроде бы и на простом шотландском наречии — а какая-то новая, красивая, плавная...

Джон Мердок рассказывал ребятам, как полтора столетия тому назад шотландский король Джеймс прельстился английским троном. Его завещала ему бездетная английская королева Елизавета I. Так из двух королевств — Шотландии и Англии — образовалось Соединённое королевство Великобритании. Но переезд Джеймса (его стали именовать по-латыни Ясав — Яков) из шотландской столицы Эдинбурга в английскую — Лондон был обставлен таким образом, что фактически он превращался в пленника английской знати.

А Шотландия, всё ещё жившая средневековыми преданиями, стала отсталым деревенским придатком передовой промышленной Англии, куда, вслед за королём, подались образованные люди, мечтавшие о карьере и известности. Прекратил своё существование шотландский парламент. Шотландские лорды¹ срочно учились правильно, «по-лондонски», выговаривать английские звуки, чтобы в английской Палате лордов не смеялись над их произношением. А родной шотландский язык забыли.

Во времена Роберта Бёрнса уже и в больших городах Шотландии — Глазго и Эдинбурге — мало кто говорил по-шотландски. И только в деревнях, в захолустье, помнили свой язык.

¹ Лорд — титул, передаваемый по наследству среди самых знатных родов Великобритании. Этот титул давал его обладателю право заседать в верхней палате британского парламента (Палате лордов) и, таким образом, вершить судьбы нации, издавая законы.

Прекрасны стихи древних римских поэтов на чеканной латыни, мелодичны стихи французов, величественна английская речь в трагедиях Шекспира... «Но и наша шотландская песня хороша!» — упрямо твердил двенадцатилетний Роберт Бёрнс — лучший знаток поэзии в деревенской школе.

А учитель с ним и не спорил... И отец говорил: «Правильно, сынок! Ты ещё прославишь наш язык — не хуже, чем Шекспир прославил язык англичан!» Знал бы он, что благодаря его сыну, чьи песни в течение двух веков будут единственным «учебником» шотландского языка, этот язык не забудут...

С пятнадцати лет Роберту Бёрнсу пришлось работать в поле. «Читая Бёрнса, — говорил его переводчик на русский язык поэт Самуил Маршак, — мы удивляемся его виртуозной стихотворной технике, а главное тому, как мог он совместить свою тщательную работу над стихом с тяжёлым трудом земледельца...»

Вскоре после смерти Бёрнса, чьи песни уже пел народ, молодой лорд Байрон, впоследствии великий поэт, задумался, что было бы, если бы Бёрнс подобно ему, Байрону, родился в знатной состоятельной семье: «Стихи его были бы глаже, но слабее; стихов было бы столько же, а бессмертия не было бы...»

1. Расскажи об отце Роберта Бёрнса — Уильяме. Он не имел ни денег, ни богатых и влиятельных родственников, но у него были дом, семья, умные и образованные сыновья, уважение односельчан. Благодаря чему он всего этого добился?
2. Показалось ли односельчанам Уильяма Бёрнса неожиданным то предложение, с которым он к ним обратился на сельском сходе? Как ты думаешь, легко ли было ему уговорить односельчан? Приведи аргументы в пользу предложения Уильяма Бёрнса.
3. Что сделал Роберт Бёрнс для сохранения шотландского языка? Почему его называют народным поэтом?
4. Прочитай стихотворение. Как ты думаешь, почему оно легко переводится на другие европейские языки и легко понимается образованными читателями во всех уголках мира?

Р. Бёрнс

КУЗНЕЦУ

Устал в полёте конь Пегас¹,
Скакун крылатый Феба²,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

¹ *Пегас* — в античной мифологии крылатый конь, олицетворяющий вдохновение и поэзию.

² *Феб* (или *Аполлон*) — античный бог, целитель и прорицатель, покровитель искусств.

Б. Кустодиев. Кузнец

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мёрзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану¹ в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом² за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуёшь ли мне коня
За пять четверостиший?

Перевод С. Маршака

¹ Вулкан (или Гефест) — античный бог огня и кузнечного дела.

² Сонет — стихотворная форма с неизменным количеством строк — 14. На самом деле античная литература и тем более мифология этой формы ещё не знали.

5. Как ты думаешь, понятно ли было стихотворение «Кузнец» шотландским крестьянам во времена Бёрнса? Входит ли оно в число тех, которые сразу же становились народными песнями?
6. Рассмотрю иллюстрацию (с. 59). Что объединяет русского кузнеца, которого изобразил Борис Кустодиев, и героя стихотворения Р. Бёрнса?
7. Прочитай и сравни два текста.

Р. Бёрнс

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

У меня есть жена —
Не отдам никому,
Но зато и ничью
Не возьму я жену.

Пенни есть у меня —
Заработал я сам:
Я займы не беру —
И другому не дам.

Я ничей господин,
Никому я не раб.
Ум имею один,
Но зато не дурак.

Волен, весел всегда —
Да грустить-то о чём?
Ваше ль горе-беда
Горевать о моём?

Перевод В. Звянцковского

РУССКАЯ ШУТОЧНАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Сам толку,
Сам по воду хожу,
Сам мелю,
Сам и щи, кашу варю,
Кашеварничаю,
Пивоварничаю.

Посажу я жену
На перину пухову:

— Шей-ка, жена,
Мне кисейны рукава,
Мне не долгод стан,
Не короток стан,
Не по лавочкам гулять —
По тому коври,
По узорчатому,
Чайны чашки разливать,
Перепополнивать.

8. Есть русская пословица: «Не в деньгах счастье». Может ли, по-твоему, быть счастье в бедности? В чём оно — по мнению шотландского поэта-бедняка? Чем гордится бедняк в песне Бёрнса? Почему бедняк Бёрнса ни у кого не просит и никому не предлагает ни денег, ни сочувствия? Прав ли он, по-твоему? Закопчи фразу: *Бёрнс считает, что свободен не тот, у кого много денег, а тот...*
9. Попробуй одним или несколькими словами (письменно) определить тему и идею песни Бёрнса.
10. Попробуй одним или несколькими словами (письменно) определить тему и идею русской народной песни «Сам толку...».
11. Какое слово чаще всего употребляется в первой части (строфе) русской песни «Сам толку...»? О чём это свидетельствует? Беден

или на самом деле богат человек, который так поёт о себе? Почему жена «богача», сидя «на перине пуховой», сама шьёт ему рубашку? В чём «шуточность» песни?

12. Докажи, что в «Песне бедняка» Р. Бёрнса и русской народной песне «Сам толку...» широко применяется антитеза. Приведи примеры антитезы из «Песни бедняка» и песни «Сам толку...».
13. Сравни свои определения тем и идей обеих песен. В чём эти определения совпадают и в чём не совпадают? Чем ты можешь объяснить эти совпадения и несовпадения?

Одной из самых популярных в мире песен на тему бедности и богатства стала знаменитая «Честная бедность».

Р. Бёрнс

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьём,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шёлк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,
Таких зову я знатю.

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всём при том,
При всём при том,

Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всём при том,
При всём при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И всё такое прочее!

Настанет день, и час пробьёт,
Когда уму и чести
На всей земле придёт черёд
Стоять на первом месте.

При всём при том,
При всём при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

Перевод С. Маршака

1. Сравни между собой две песни Бёрнса — «Песню бедняка» и «Честную бедность». На каком приёме построена «Песня бедняка»? Найди примеры того же самого приёма в «Честной бедности». Можно ли сказать, что она «построена» на этом приёме?
2. В какой из двух сравниваемых песен есть припев и какую роль он играет?

Припев (в песнях), или **рефрен** (в любых стихотворениях) — это слово, стих или группа стихов, ритмически повторяющиеся после каждой строфы.

В старинных народных песнях и в подражаниях им в припев иногда входят восклицания, смысл которых давно забыт. Например, в русских песнях: «Ой, ладо, лель-люли». Или в «Честной бедности» Бёрнса: «For a' that, and a' that» (в переводе С. Маршака: «При всём при том, При всём при том»).

Итак, во все века, во всех странах люди понимали и понимают: песня имеет свои признаки и свои задачи.

Песня — это то, что поют «все», поёт простой народ.

Песня должна иметь определённую форму: такую, чтобы её можно было легко положить на музыку и петь.

Рассказ в прозе, самый замечательный, короткий и красивый — всё-таки не песня. Но и стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро»: *«Мороз и солнце, день чудесный, Ещё ты дремлешь, друг прелестный...»* — хотя и стихи, и понятные, и красивые, но тоже никак не песня...

Другое дело, хорошо получилась песня или плохо. Поётся она или не поётся... Но уж это ни от чего не зависит, кроме таланта тех, кто сочиняет песни — не важно, известен ли сочинитель или он остался неизвестен, подарив песню народу.

Но и песня, ставшая «народной» и передававшаяся многими поколениями из уст в уста, может вдруг на каком-то поколении «умереть» для пения. Если до этого её успели записать фольклористы — она остаётся в записях как памятник фольклора определённой эпохи (например, русская песня «Сам толку...»).

И наоборот: песня, сочинённая конкретным поэтом, по конкретному поводу, может ещё долго петься народом. Шотландец Роберт Бёрнс, украинец Тарас Шевченко, русский Николай Некрасов оставили своим народам несколько таких песен.

Наконец, бывает и так. Песня сохраняет все свои признаки, даёт нам всё то, чего мы ждём от песни. Но при этом она становится чисто литературным произведением. Попадает в новую для неё эпоху или даже (в переводе) в новую страну... И вызывает там такую же, а то и гораздо большую, бурю чувств, что и в своё время на родине...

Так получилось, например, с «Честной бедностью» Бёрнса, переведённой на русский язык Маршаком. И таких примеров можно привести немало.

Речь идёт об одном из важнейших законов мировой литературы. Современное литературоведение называет его *законом жанровых ожиданий*.

В этом словосочетании только одно слово для тебя ново и непонятно: *жанр*. Хотя, наверное, ты не раз его слышал в разных словосочетаниях: *жанр песни, жанр рассказа* и т. п.

Надгробие на могиле
Р. Бёрнса

Каждая песня хоть чем-то похожа на любую другую песню (а иначе это была бы не песня). И каждый рассказ — на любой другой рассказ.

Литературный жанр (от франц. *genre* — *род, вид*) — это понятие, объединяющее похожие произведения. Каждый из литературных жанров однажды возник для удовлетворения каких-то конкретных потребностей читателей определённой эпохи. И сохраняется как минимум на протяжении всей этой эпохи. Таковы уже известные тебе жанры древнерусской литературы: *летопись, поучение* и др.

Есть и такие жанры, которые, возникнув в незапамятные времена, живут долго, многие — по сей день. Такова, например, *песня*.

Признаком жанра могут быть особенности *композиции* (например, в песнях бывает припев).

В одном жанре могут объединяться произведения фольклора и письменной литературы. Однако есть жанры только фольклорные (*былина*) и только литературные (*роман*).

Само существование в искусстве такого понятия, как жанр, говорит о том, что в разных странах и во все времена людям свойственно ожидать от искусства примерно одинакового набора задач и функций. Одни жанры «отвечают» за смех, другие — за плач. Одни — за утешение наших душ и успокоение чувств. А другие — за то, чтобы, наоборот, не давать душе успокаиваться и лениться...

Иначе говоря, само существование в искусстве такого понятия, как жанр, говорит о необходимости искусства для человеческой жизни.

1. Почему нам важно понимать, что песни Р. Бёрнса, записанные на бумаге, изданные отдельной книгой и даже переведённые на другой язык, всё равно остаются именно песнями? Какие жанровые признаки песни они сохранили?
2. В чём состоит понятие литературного жанра и как оно помогает читателю ориентироваться в литературе?
3. Приведи примеры известных тебе литературных жанров, кроме тех, что перечислены в этой главе.

Глава третья

Поэт в поисках вечных ценностей, или Приглашение в мир баллады

Песни у людей разные. Но даже между песнями народов, далеко живущих друг от друга, есть много общего.

Например, русские в старину очень любили плясовые песни — т. е. песни, сопровождающие танец. Были такие песни и на юге Франции — в Провансе.

В старину, едва закончив осенний сбор винограда, крестьяне Прованса спешили отдыхать и веселиться до будущей весны. В просторном доме собирались гости попеть-поплясать — и так рождалась песня, сопровождаемая танцем, по-французски — *ballade* (от *balare* — танцевать).

В танце — показывали и одновременно в балладе — рассказывали о каком-то важном историческом событии (допустим, битве). Конечно, не настолько точно, как в летописи. Скорее провансальская баллада напоминала русскую былинку: обе правильно передавали только суть события, а забытые детали красочно домысливали.

Были и другие сходные черты у древних баллад и у наших древних былин. Те и другие коротки, насыщены событиями. И героев, как правило, немного — только самые важные, главные, любимые народом и потому часто переходящие из одной баллады в другую (или, как мы видели, из одной быliny в другую).

Но были и важные отличия. Например, русская былина, как ты помнишь, долго бытовала только на русском Севере. Она не получила развития в других областях России, не оказала влияния на фольклор соседних народов — в чём мы убедились, когда сравнивали русские былины с украинскими думами... А вот провансальские баллады в позднем средневековье стали популярны в международном сообществе европейских рыцарей во время их общих крестовых походов. И так породнились южный Прованс — и далёкая северная Шотландия.

Там в рыцарских замках и на городских площадях странствующие певцы (их называли *бардами*), вернувшись из дальних походов, распевали о них песни, называя эти песни по-провансальски *балладами*. Конечно, первоначального значения слова северные барды не знали, и потому их не смущало, что под их баллады никто уже не плясал...

Баллада — поэтический рассказ о чудесном или героическом. В этом своём новом (для XIV века) качестве шотландская баллада пережила полтысячелетия, перешла во все европейские литературы, включая украинскую и русскую, и к концу XIX века вернулась домой.

«Баллады» — так назвал одну из своих последних книг англо-шотландский поэт второй половины XIX века Роберт Луис Бэлфур Стивенсон (1850—1894).

По датам видно, что он жил примерно через сто лет после Бёрнса. За это время многое изменилось в Шотландии. Заводы вздымали чёрный дым над крупнейшим городом страны — Глазго. Древняя столица Эдинбург всё больше превращалась в провинциальный английский городок, забывший свою былую

Р. Л. Стивенсон

шотландскую славу. Казалось, лишь развалины древних замков помнили о ней...

Но на Северошотландском нагорье, называемом *Хайленд* (*Highlands* — высокие земли), природа Шотландии дышала всё той же первозданной прелестью. И люди — гэлы, потомки древних кельтов — там жили так, как и тысячу лет тому назад. И говорили на древнем гэльском языке. И пели песни и баллады о героях, какие были когда-то и каких теперь уже нет...

Если Шотландия — страна поэзии, то для Роберта Стивенсона она была поэтична вдвойне. Это страна его детства, страна-легенда, навек утраченный рай. Дело в том, что Стивенсону, с детства больному туберкулёзом, жить среди родных северных туманов запрещали врачи.

Впрочем, кто знает, стал бы юный Роберт поэтом или нет, останься он на родине. Здесь он должен был продолжить семейную династию инженеров — строителей маяков.

Конечно, и эта профессия очень романтична: недаром сам Стивенсон так красиво называл маяки «фантазией из камня и цемента». В молодости Роберт с увлечением постигал эту профессию, затем избрал другую стезю — выучился на адвоката.

Но, как бы то ни было, стать строителем маяков или адвокатом в родной Шотландии Стивенсону не довелось. Он стал поэтом — «свободным художником». Обошёл пешком всю Францию и посвятил ей свою первую книжку. Отправился в Америку, в Калифорнию, и чуть не умер в дороге. Потом жил в Швейцарии. Там Альпы поднимаются выше облаков и туманов — но Стивенсон, тяжело больной, прикованный к постели, мечтал о плоскогорьях Хайленда и бредил морем, которого нет и в помине на высокогорном курорте Давос... Зато здесь с ним были два преданных друга — жена Фанни и её маленький сын Ллойд.

Роберт увлечённо рассказывал пасынку, как он, ещё будучи маленьким мальчиком, сопровождал отца в его инспекционных поездках по шотландским маякам. Он и сам не замечал, как его детские воспоминания перерастали в возвышенный гимн морю, а пересказы легенд, в детстве слышанных от моряков, бакенщиков и маячных сторожей — в увлекательные, украшенные новыми смелыми деталями рассказы о морских путешествиях.

Однажды, когда затяжной осенний дождь надолго загнал всю семью в четыре стены и нужно было чем-то развеять тоску, Роберт предложил Ллойд у увлекательную игру. Он нарисовал карту Острова сокровищ. Вымышленный остров постепенно стал населяться людьми. Игра превратилась в «роман для мальчиков» — «и мальчик был тут же под рукой для проверки». Так вспоминал Стивенсон о том, как он писал свой самый знаменитый роман — «Остров сокровищ».

В то время романы о морских приключениях были очень популярны, но судьбы авторов самых знаменитых из них складывались по-разному. Американец Герман Мелвилл сперва был простым моряком, обошёл на китобойных судах все океаны, побывал в плену у туземцев Океании — и лишь потом взялся всё это описывать в своих морских романах (самый знаменитый из них — роман о ките «Моби Дик» ты когда-нибудь с удовольствием прочтёшь). А вот француз Жюль Верн, который с такой подкупающей достоверностью описал южные материки в «Детях капитана Гранта», на самом деле никогда не покидал своей родной страны и все сведения черпал из справочников и отчётов научных экспедиций.

Стивенсон так «вкусно» описал экзотические моря и острова, что сам захотел их увидеть и отправился в Южное полушарие — как он сам писал, «искать не то чтобы здоровье, но хотя бы возможность жить, как живут все люди».

Зафрахтовав яхту, Стивенсон с Фанни и Ллойдом отправляется на Таити, оттуда на Гавайи, а затем ещё два года плавает на попутных судах среди островов Полинезии. Попытка пожить в городе — австралийском Сиднее — привела к резкому обострению болезни. Оставив надежду когда-нибудь вернуться на родину, Стивенсон покупает землю на одном из островов архипелага Самоа, где для него была построена усадьба «Ваилима», куда он и перебрался с семьёй в 1890 году. Самоанцы уважительно называли его «Туситала» — «Слагатель историй». Несмотря на тяжёлую, неизлечимую болезнь, он буквально до самой смерти продолжал работать и умер над рукописью незаконченного романа. «Мужчине,— говорил он,— пристало умирать борясь». Короткое завещание он написал в стихах:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —
Написать на плите моей гробовой:
*«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шёл давно».*

Перевод А. Сергеева

Жанр баллады лучше всего выражал и эти настроения поэта, и те ожидания, с которыми связывали читатели его имя и один из любимых жанров XIX века.

Баллада, как мы уже сказали, повествует о чудесном или героическом. Именно таким — чудесным и героическим — видел поэт прошлое своей родной Шотландии. И ничего похожего не находил в её настоящем.

Чудной силой воображения поэта мы переносимся более чем на тысячу лет назад, когда в пещерах Хайленда обитал загадочный и воинственный народ — **пикты**.

О пиктах почти ничего не известно. Не известно даже, на каком языке они говорили и как сами себя называли. Завоеватели — англы, саксы и скоты (те самые «короли шотландские», о которых рассказывал Стивенсон в балладе «Вересковый мёд»), говорившие на языках, похожих на современные английский и шотландский, — называли их *picts* от слова *picture* — рисунок, картинка — из-за обычая пиктов раскрашивать лица и тела, как делали многие древние народы.

Пикты отличались маленьким ростом. Хорошо зная родные горы и ущелья, они подкрадывались к врагу незаметно и так же незаметно исчезали с поля боя. На шотландских равнинах одни завоеватели сменялись другими — но и этим, как и тем, по-прежнему угрожали с гор неуловимые, как и прежде, пикты...

Как считают некоторые современные историки, пикты были предками гэлов — современных жителей Хайленда. На холмах они возводили неприступные крепости, обнаруживая при этом изумительное инженерное искусство. Они производили крашеную и узорчатую ткань, замечательные металлические изделия. До нас дошли великолепные образцы пиктской резьбы по кости и камню.

В детстве у Стивенсона была любимая няня, она часто рассказывала маленькому Роберту о тайнах, которыми якобы владел «маленький народец». По легенде, главной из них была тайна приготовления эля из простого вереска. В результате употребления этого напитка пикты впадали в «божественную, благословенную бессознательность» и видели чудные видения, которым завидовали могущественные короли. Но как ни пытались властители выманить, выкупить или выбить секрет приготовления волшебного напитка, ничего у них не получалось... Ведь для пиктов это было не просто развлечение, а завещанный предками священнейший ритуал, слу-

Пиктский крест

жение их языческим богам... И они продолжали, на зависть завоевателям, удаляться в пещеры, варить эль и предаваться своим блаженным снам.

Так, во всяком случае, представил это себе и нам Стивенсон в балладе «Вёресковый эль. Гэловэйская легенда» (Heather Ale. A Galloway Legend)...

В 1940 году уже известный тебе Самуил Яковлевич Маршак, перелистывая томик баллад Стивенсона, впервые вышедший из печати ровно полвека тому назад, обратил внимание на «Вересковый эль». Стихи Стивенсона глубоко тронули его. Сам собой в воображении замечательного поэта и переводчика в ритме, заданном бардом Шотландии, зазвучал поэтический рассказ о вересковом эле на русском языке...

Но у Маршака таинственные и воинственные волшебники, умеющие варить чудесный эль, в переводе на русский язык превратились в мирных «малюток-медоваров», а всенародная языческая ритуальная трапеза — в тихий семейный ужин.

И всё же главное — *дух баллады* — перевод Маршака прекрасно передаёт. Дух простого, но так нелегко достижимого мужества.

Прочитай балладу «Вёресковый мёд». Вспомни определение баллады и подумай, насколько текст соответствует этому жанру.

Р. Л. Стивенсон

ВЁРЕСКОВЫЙ МЁД

(Баллада)

Из вереска напиток
Забыв давным-давно,
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.
В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.
Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.
На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый — на живом.
Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,

Но некому готовить
Вересковый мёд.

В своих могилах тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит утрумо:
«Опять в краю моём
Цветёт медвяный вереск,
А мёда мы не пьём».

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет,—
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но никто из пленных
Слова не произнёс.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждёт,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мёд!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю,

Выдам заветную тайну! —
 Карлик сказал королю.
 Голос его воробьиный
 Резко и чётко звучал:
 — Тайну давно бы я выдал,
 Если бы сын не мешал!
 Мальчику жизни не жалко,
 Гибель ему нипочём.
 Мне продавать свою совесть
 Совестно будет при нём.
 Пусть его крепко свяжут
 И бросят в пучину вод.
 А я научу шотландцев
 Готовить старинный мёд!
 Сильный шотландский воин
 Мальчика крепко связал
 И бросил в открытое море
 С прибрежных отвесных скал.
 Волны над ним сомкнулись.
 Замер последний крик...
 И эхом ему ответил
 С обрыва отец-старик:
 — Правду сказал я, шотландцы,
 От сына я ждал беды.
 Не верил я в стойкость юных,
 Не бреющих бороды.
 А мне костёр не страшен.
 Пускай со мной умрёт
 Моя святая тайна —
 Мой вересковый мёд!

Перевод С. Маршака

1. Сохранила ли баллада Стивенсона признаки жанра и в русском переводе Маршака? Свой ответ аргументируй.
2. Сколько лет было мальчику-пикту? Можно ли его назвать мужчиной?
3. Правильно ли поступил старик-пикт, выбрав лёгкую смерть для сына и мучительную — для себя? Может быть, правильное было бы им обоим сохранить жизнь? Порассуждай.
4. Почему завоеватели-скотты, которые дали даже имя завоёванной стране (*Scotland* — Шотландия), не могли считать её полностью «своей»? Что не нравится «королю шотландскому» в «его» стране?
5. Как ты думаешь, казались ли красивыми «королю шотландскому» луга, поросшие цветущим вереском? А пиктам? Чьими глазами смотрит на Шотландию автор баллады?
6. Стивенсон стремился к тому, чтобы его баллада была похожа на традиционную шотландскую балладу — фольклорный жанр, во

многим напоминающий нашу былинку. Так, он употреблял *постоянные эпитеты* шотландской баллады: версек у него — неизменно *милый*, колокольчики его — *красные* и т. д. Сохранил ли эти и подобные признаки фольклорной баллады переводчик? Каким образом? Приведи примеры из текста.

Глава

четвёртая

Певец во стане русских воинов

В русской литературе жанр баллады утвердился в начале XIX века благодаря творчеству В. А. Жуковского, автора «Людмилы», «Светланы» и многочисленных переводов баллад английских и немецких поэтов. Однако имя выдающегося поэта В. А. Жуковского стало популярным среди читающей публики не только благодаря балладам, но и поэме, которая была написана в период тяжёлых испытаний и посвящена Отечественной войне 1812 г.

Выражение *Отечественная война* появилось в русском языке задолго до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. *Отечественной войной*, т. е. войной, направленной на защиту Отечества от завоевателя, называли войну 1812 года.

Этим завоевателем был французский император Наполеон Бонапарт. Перед тем как двинуть свои войска на Россию, он завоевал всю Европу.

В ночь на 24 июня 1812 года армия Наполеона начала переправу через реку Неман, по которой тогда проходила русская граница. Быстро продвигаясь на восток, французы после яростного кровопролитного боя 17 августа заняли Смоленск и двинулись на Москву.

Когда до Москвы оставалось совсем немного, разведка донесла французскому императору, что русская армия прекратила отступление и заняла укреплённые позиции на поле близ деревни, которую Наполеон мог хорошо рассмотреть в подзорную трубу.

— Как называется деревня? — спросил Наполеон.

— Бородино, — ответил разведчик.

Это было 4 сентября — а о том, что было дальше, ты знаешь из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино», которое изучалось в 5 классе.

Но стихотворение Лермонтова — это, как ты помнишь, подслушанный поэтом рассказ старого солдата — участника Бородинской битвы. И это понятно, ведь автор «Бородина» родился только через два года после той войны...

10 августа 1812 года, когда неприятель уже стоял у стен Смоленска, в московское ополчение был принят в чине поручи-

чика (младшего офицера) дворянин Василий Андреевич Жуковский (1783—1852).

Что такое *ополчение*? В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова читаем: «*Ополчение* — военное формирование, создаваемое в помощь действующей армии, преимущественно на добровольных началах». То есть когда русские люди осознали, что в действующей армии вдвое меньше солдат, чем в армии завоевателей, и что при таком соотношении сил Россию неминуемо ожидает судьба всей остальной Европы, они стали добровольно вступать в ополчение.

В. А. Жуковский

Жуковский был уже не в том возрасте, когда обычно мужчины приходят в армию и начинают военную карьеру. Все те, кто действительно интересовался военным делом (начиная с самого Наполеона Бонапарта), в эпоху «наполеоновских» войн к тридцати годам становились генералами.

Среди русских друзей — ровесников Жуковского тоже были и полковники, и генералы. Кстати, многие из этих *профессиональных* военных писали очень неплохие стихи. Но к Жуковскому, ставшему в ополчении всего лишь поручиком, они относились с большим почтением. Дело в том, что Жуковский был, пожалуй, единственным в тогдашней России *профессиональным* поэтом!

В 9 классе ты узнаешь подробности жизни этого удивительного человека. Жизни, в которой всё — от рождения до смерти — было необычно. Но особенно необычным был сделанный им выбор профессии.

В сословии русского дворянства, к которому принадлежал Жуковский, принято было служить на государственной службе — военной или «статской» (т. е. штатской — гражданской). И когда 17-летний Василий Жуковский — один из лучших учеников Благородного пансиона при Московском университете — в 1800 году выпустился с серебряной медалью, все его друзья и учителя считали, что он либо продолжит научные занятия в университете, либо быстро сделает карьеру на какой-нибудь службе.

Казалось, именно служба больше привлекала Жуковского, и он поступил в московскую Главную соляную контору. Но вместо того, чтобы всё своё служебное время с рвением посвя-

щать проблемам снабжения города солью, юный чиновник писал стихи. Наконец начальнику конторы это настолько надоело, что он посадил Жуковского под арест!.. Поэта из-под ареста скоро выпустили, но он не стал искать примирения с начальником либо другой службы, а немедленно подал в отставку и отправился в свою родную деревню Мишенское Тульской губернии. Он уже точно знал, что будет делать: писать стихи и переводить стихи немецких, английских и французских поэтов.

Жуковский в совершенстве владел иностранными языками и прославился своими стихотворными переводами. Главный принцип своей переводческой работы он сформулировал так: «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* — соперник». В конце жизни Жуковский так напишет о себе: «У меня всё или чужое, или по поводу чужого, и всё, однако, моё».

1802—1807 годы Жуковский провёл у себя на родине, лишь изредка наезжая в Москву, чтобы встретиться с издателями, получить гонорар за стихи и переводы и навестить старых друзей, многие из которых тоже больше всего на свете интересовались литературой, но не рисковали уйти со службы.

Кроме литературных занятий, Жуковский понемногу учительствовал. Ученицами поэта были его родственницы и соседки — Маша и Саша Протасовы. И хотя старшая, Маша, была примерно в твоём возрасте — возрасте современной семиклассницы, а её сестра Саша была на два года младше, Жуковский занимался с ними самыми серьёзными предметами — от современной литературы (на трёх иностранных языках!) до философии. В то время женских гимназий ещё не было. Девочки из дворянских семей получали домашнее образование. Так что сёстры Протасовы своей исключительной образованностью, которой они выгодно отличались от большинства своих ровесниц, были всецело обязаны Жуковскому.

Итак, поэт, никогда нигде не служивший (если не считать неудачной попытки в соляной конторе), через полтора месяца после начала Отечественной войны записался в ополчение.

Казалось бы, какой прок армии от человека, не учившегося ни военному делу, ни даже стрельбе из пистолета и больше всего на свете занятого литературой?.. Оказалось — большой!

Уже в середине августа 1812 года части московского ополчения двинулись навстречу наступающей армии Наполеона. Полк, где служил Жуковский, в день Бородинского сражения находился в резерве, но был обстрелян вражеской артиллерией. Рядом с поэтом падали убитые и раненые.

Ополченцы пополняли сильно поредевшие ряды полков и дивизий, побывавших на поле битвы. Но главнокомандующий

Михаил Илларионович Кутузов, узнав, что в ополчении находится известный поэт Жуковский, взял его в свой штаб.

Кутузов был великий военачальник. И один из секретов его военного мастерства состоял в том, что он хорошо разбирался в людях, видел сильные и слабые стороны каждого человека и каждому на войне умел найти такое применение, в котором раскрывались именно его сильные стороны.

Жуковский был прикомандирован к походной типографии, где составлялись и печатались боевые листовки и военные сводки.

Факты, которые Жуковскому пришлось сообщать в своих сводках русской армии и населению осенью 1812 года, поначалу были весьма невесёлыми. Истощённая Бородинской битвой армия без боя оставила Москву, и 15 сентября Наполеон въехал в Кремль...

Но русские и тут нашли чем удивить императора, привыкшего к тому, что европейские столицы почтительно подносят ему символические ключи от городских ворот и дают балы в его честь. Ни того, ни другого делать было просто некому: все знатные и богатые люди выехали из древней столицы России, да и многие простые люди подались кто в ополчение, кто в партизаны. В опустевшем городе запылали пожары. 20 октября французская армия оставила Москву и растянулась вдоль Старой Калужской дороги. Русские, избегая генерального сражения, нападали на французские части, пытавшиеся укрепиться в небольших городах.

В эти октябрьские дни, когда вся русская армия была воодушевлена вестью об оставлении Наполеоном Москвы и о начале бесславного, с большими потерями, отступления французов, в штабе Кутузова читались стихи! Поэма, написанная и с воодушевлением прочитанная Жуковским, — один из лучших образцов русской военной поэзии — называется «Певец во стане русских воинов».

В поэме Певец поимённо обращается к каждому из боевых русских генералов, даёт точную характеристику и грамотную стратегическую оценку его заслуг на полях сражений 1812 года. А русские генералы того времени — люди образованные, они искренне любили и ценили литературу, и многие из них, как уже было сказано, сами писали стихи!

Все они прекрасно понимают, чего стоит стихотворное прославление их подвигов лучшим поэтом России. До этого вечера в штабе Кутузова они уже знали: «непобедимого» Наполеона русские *могут победить*. После него — понимали, что теперь уже они *не могут не победить*! В воспоминаниях офицеров 1812 года можно прочитать, что поэму В. А. Жуковского «почти все наши [офицеры] выучили наизусть»...

Весь ноябрь русская армия преследовала отступавшую, сильно поредевшую армию Наполеона до самых границ. Русским помогали свирепые морозы, рано в том году сковавшие русскую и белорусскую земли, по которым в своих лёгких мундирах шли и шли непривычные к такому холоду французы — и многие гибли не в боях, а от холода и болезней.

Военная карьера поэта, когда французы были изгнаны за пределы Российской империи, закончилась: «Так как теперь война не внутри, а вне России, — пишет он школьному другу в начале 1813 года, — то почитаю себя вправе сойти с этой дороги...»

Жуковский справедливо полагал, что он своё дело сделал, внёс свой ничем не заменимый вклад в победу. Так же считал и Кутузов, представивший поэта к чину штабс-капитана и ордену Святой Анны.

1. До 1812 года Жуковский никогда не был на войне. Он не разбирался в военной стратегии и тактике. Как ты думаешь, почему Кутузов решил взять его в свой штаб?
2. Вспомни или перечитай стихотворение Лермонтова «Бородино». Расскажи, как сражались в этой битве русские солдаты и офицеры. Почему полковник — герой стихотворения Лермонтова — спрашивает солдат: «*Ребята, не Москва ль за нами?*»
3. Чего ожидал Наполеон от взятия Москвы? Оправдались ли его ожидания? Если нет, то почему?
- 4*. Почему Кутузов решил именно поэту поручить сообщать войскам и населению и о поражениях, и о победах?
5. Почему друзья и ровесники Жуковского, ставшие полковниками и генералами, уважали его выбор профессии? Почему им так важно было в решающий момент войны 1812 года услышать его стихи о себе?

Глава пятая

«Чудо — любимое дитя веры»

Вернувшись с войны, Жуковский со свойственным ему философским отношением к жизни, конечно же, задумался о том, что осталось бы после него в случае его гибели.

Ах, нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой...

Этими строками о жизни и смерти начиналось творчество Жуковского: мы читаем их в том первом стихотворении, которое привлекло внимание знатоков поэзии к 19-летнему поэту. Это «Сельское кладбище» (1802), вольный перевод произведения английского поэта Томаса Грея. Стихотворение заканчивается *эпитафией* (надписью на могиле) «бедного певца»:

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашёл приют от всех земных тревог;
Здесь всё оставил он, что в нём греховно было,
С надеждою, что жив его Спаситель Бог.

Эту надежду и веру поэт искренне разделял и хотел донести до своего читателя.

В 1808 году Жуковский принёс в Россию новый жанр, как раз тогда ставший модным в Европе. Ты знаком уже с этим жанром: это баллада, поэтический рассказ о чудесном или героическом.

«Чудо — любимое дитя веры». Эти слова великого немецкого поэта Гёте Жуковский взял эпиграфом к книжке своих баллад.

Интересно, что уже первая баллада Жуковского заявляет о том, что русский поэт начал борьбу за чистоту жанра. Слишком сумрачным показался ему мир популярных немецких баллад. «Чудесного» в смысле «волшебства» злых, тёмных сил — в них было хоть отбавляй. Но подлинным чудом, этим любимым дитятей веры, европейские авторы конца XVIII — начала XIX столетия одаривали своих читателей не так уж часто. Может быть, им самим недоставало веры?..

В. А. Жуковский пишет первую свою балладу. Это «Людмила» (1808) — вольный перевод баллады известного немецкого поэта XVIII века Готфрида Бюргера «Ленора», которая была очень популярна в Европе начала XIX века.

Незадолго до того, как «Ленору» Бюргера на русский язык перевёл Жуковский, на английский язык её перевёл тоже ещё молодой, но в будущем знаменитый шотландский писатель Вальтер Скотт. Позднее на французский язык «Ленору» перевёл знаменитый французский поэт Жерар де Нерваль, а русский поэт Павел Катын, соревнуясь с Жуковским, дал свой вольный перевод «Леноры» на русский язык под названием «Ольга».

Баллада Бюргера — мрачное, тяжёлое произведение. Современников оно потрясало «правдой жизни». Жених юной Леноры погиб на войне. В горе, в отчаянии она упрекает самого Бога, виня Его в несправедливости, в своём несчастье...

В «Людмиле», где не только имя героини, но и вся обстановка изменены на русский лад, Жуковский старается сгладить мрачное впечатление, оставить читателю ту самую надежду, о которой говорится в последних строках «Сельского кладбища». Вскоре после выхода «Людмилы» в свет в русской критике развернулась целая дискуссия о ней. Большинство критиков, прекрасно знакомых с немецким оригиналом, обвиняли Жуковского в смягчении простонародной «грубости» бюргеровской баллады, которой, дескать, она только и была интересна...

Но Жуковского волнует в поэзии совсем другое. Вновь и вновь обращается он к сюжету «Леноры», который в России теперь как никогда актуален: ведь сколько девушек потеряли своих женихов на Бородинском и других полях сражений!..

Понюхав порошу, повидав кровь, текущую рекой, поглядев в глаза смерти — стал ли Жуковский так же мрачен, как Г. Бюргер, чего хотелось критикам русского поэта?.. Нет, Жуковский стал достойным и равным ему *соперником*. Тьме и мраку он противопоставил свет.

Прочитай балладу Жуковского, тоже написанную по мотивам «Леноры» Г. Бюргера. Как ты думаешь, почему она называется «Светлана»?

В. А. Жуковский

СВЕТЛАНА

Раз в Крещенский вечерок¹

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали;

Снег пололи; под окном

Слушали; кормили

Счётным курицу зерном;

Ярый воск топили;

В чашу с чистою водой

Клали перстень золотой,

Серьги изумрудны;

Расстилали белый плат

И над чашей пели в лад

Песенки подблюдны.

Тускло светится луна

В сумраке тумана —

Молчалива и грустна

Милая Светлана.

«Что, подруженька, с тобой?

Вымолви словечко;

Слушай песни круговой;

Вынь себе колечко.

Пой, красавица: «Кузнец,

Скуй мне злат и нов венец,

Скуй кольцо золотое;

Мне венчаться тем венцом,

Обручаться тем кольцом

При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?

Милый друг далёко;

Мне судьбина умереть

В грусти одинокой.

Год промчался — вести нет;

Он ко мне не пишет;

Ах! а им лишь красен свет,

Им лишь сердце дышит...

¹ Крещение (6 января по старому стилю) — последний праздник на Святки, т. е. зимние праздничные дни, которые начинались от Рождества. В течение всех этих дней никто не работал. Праздничные дни делили между молитвами в православных храмах и языческими обрядами, сохранившимися на Руси с дохристианских времён, причём каждый христианский праздник сопровождался определёнными языческими обрядами.

Жуковский в начале баллады точно описывает всё то, что полагалось делать незамужним девушкам на Крещение.

Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг, в её влетает слух

Тихий, лёгкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса:
Укrotились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп;
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;

Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над саями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони быстрые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избышке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избышке гроб; накрыт
Белою попоной;
Спасов лик¹ в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;

И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, пролетел,
К ней на перси² тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот, Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами,
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах

¹ Спасов лик — икона с изображением Иисуса Христа.

² Перси — грудь.

Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьёт крылом петух,
День встречая пенем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;

Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало склада.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье¹.
Благ Зиждителя² закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

1. Расскажи об обычаях, описанных в начале баллады. Перечисли детали русского народного быта, которые точно воспроизвёл В. А. Жуковский.

¹ Провиденье — Высшая Сила, Бог.

² Зиждитель (у с т а р.) — Создатель, Бог.

2. Из попытки *перевода* какого произведения на русский язык возник замысел «Людмилы», а потом и «Светланы»? Как ты думаешь, является ли начало «Светланы» переводом с немецкого?
3. О каком новом жанре русского фольклора ты узнал из баллады В. А. Жуковского? Какую роль он играет в сюжете «Светланы»?
4. Почему Светлана отказывается от участия в гаданиях и не хочет верить подблюдной песне?
5. Напиши краткое изложение «Сон Светланы» (постарайся излагать приснившееся ей своими словами, а не словами Жуковского).
- 6*. Чего больше всего на свете боялась Светлана? Насколько подлинным было её чувство к жениху?
7. Расскажи о характере Светланы — какая она? Свой рассказ подтверди цитатами из баллады.
8. Рассмотрю репродукцию картины Карла Брюллова «Гадающая Светлана». Какой увидел Светлану художник? Такой ли ты её себе представлял?

К. Брюллов. Гадающая Светлана

9. Если бы ты не читал балладу Жуковского, то что мог бы сказать о девушке, изображённой на картине: о её костюме, позе, лице, характере? Можно ли догадаться о её переживаниях?
- 10*. Можно ли сказать, что Жуковский, изображая Светлану, имел в виду какую-то конкретную девушку? Найди то место в балладе Жуковского, по которому можно об этом судить.
- 11*. Как можно было бы назвать заключение (эпилог) баллады: прославлением Светланы, комплиментами той девушке, с которой «списана» Светлана, или молитвой о ней?

- 12*. Как ты понимаешь слова Гёте, вынесенные в название этой главы? Напиши небольшое сочинение-рассуждение на эту тему.
13. Вспомни, в судьбе какого украинского поэта и какую роль сыграли поэт Василий Жуковский и художник Карл Брюллов. Расскажи об этом. Можно ли эту историю назвать чудом? Возможно ли чудо без любви и доброты?

Глава «Победителю ученику шестая от побеждённого учителя»

Вынесенная в название этой главы фраза была адресована одному из учеников Василия Андреевича, и в конце этой главы мы поговорим об обстоятельствах, при которых возникла эта фраза — высшая из возможных оценок, которую учитель может поставить ученику... А если вдуматься — и самому себе.

Интересно, что эту высшую из возможных оценок Василий Андреевич мог бы поставить каждому из своих учеников.

Может быть, идеальным учителем ему удалось стать потому, что учеников у него за всю жизнь было совсем немного? Да, их можно пересчитать по пальцам. Но, во всяком случае, каждый из них рано или поздно хотя бы в чём-нибудь достиг идеала. А Жуковский, как всякий настоящий учитель, никогда не считал, что его уже достиг. Но он искал, изучал и прокладывал те пути для своих учеников, на которых каждый и каждая из них могли бы достичь совершенства в том, к чему они были предназначены. А может быть, особую чуткость и тонкость Жуковского учителя определил его первый учительский опыт?..

Когда Василий Жуковский начинал регулярно заниматься науками с сёстрами Протасовыми, то самому ему было девятнадцать лет, Маше девять, а Саше семь. Часто встречаясь со своим молодым учителем, вместе читая и совершенно свободно беседуя с ним обо всём на свете на четырёх языках, девочки за пять лет занятий узнали всё то, что знал их учитель, стали такими же образованными и интересными собеседницами.

Это, собственно говоря, только и требовалось от дворянки начала XIX века. В будущем её не ожидала никакая профессия, кроме профессии жены и матери. К тому же крепостные слуги делали всю домашнюю работу, крепостные кормилицы и няньки вскармливали и растили дворянских детей... Так что дворянской женщине оставалась её гостиная — «салон», где она должна была уметь принять и развлечь гостей, стать украшением и душою избранного общества.

Саша Протасова в 18 лет вышла замуж за писателя Александра Воейкова. На свадьбу Жуковский преподнёс ей специально для неё написанную «Светлану». Это к ней обращены последние слова баллады. В литературных кругах её так и

называли — Светлана. Умная, образованная, прекрасно понимавшая искусство, хорошо владевшая пером и кистью, ученица Жуковского, по словам современников, восхищала их своей «лунной красотой»... Но ещё прекрасней была её старшая сестра: о ней мы поговорим в 9 классе, когда прочтём стихотворения Жуковского, посвящённые ей.

Жуковский учил своих учениц, что красота бывает доброй, но может быть и злой. Конечно, он не раз обсуждал с ними этот поразительный контраст между красивой внешностью и злой сущностью, который, к сожалению, слишком часто встречается в жизни. Жуковский терпеливо объяснял, что телесная красота непременно должна найти подтверждение в красоте душевной. Только доброта, убеждал учитель, рождает свет подлинной красоты. А злоба сеет тьму — и если, в конце концов, не убивает, то от себя же самой отвращает...

Следя за современной литературой и не пропуская ни одной интересной новинки, сёстры Протасовы под руководством своего молодого учителя, конечно, прочли и вот эту очень модную тогда балладу замечательного немецкого поэта **Фридриха Шиллера** (1759—1805). На русский язык Жуковский перевёл её гораздо позже: его ученицы прекрасно знали языки и в переводах не нуждались.

Прочитай балладу В. А. Жуковского «Перчатка». Вспомни определение баллады, докажи, что «Перчатка» соответствует этому жанру.

В. А. Жуковский

ПЕРЧАТКА

(ИЗ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА)

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На попроще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;

Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прынул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И кра́дется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,

В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

1. Сколько места занимает в балладе описание зверей и описание людей? Почему поэт избрал именно такое соотношение?
2. Выпиши эпитеты, которыми в балладе характеризуются: все дамы, лев, тигр, два барса (у Шиллера — леопарды).
- 3*. Можешь ли ты сказать, что внешний вид зверей соответствует их внутреннему облику? Что значит «быть естественным»?
4. Выпиши эпитеты, которые относятся к улыбке красавицы. Как ты думаешь, её лицо стало более или менее красивым от этой улыбки?
5. Кто в «Перчатке» ведёт себя героически?
6. Объясни последнюю фразу Делоржа.
- 7*. Ради чего Делорж «к зверям идёт»? Какая судьба ждала его в случае отказа? Не забудь, что он рыцарь, что рыцарство — это его профессия и что действие происходит в средние века.
8. Как, по твоему мнению, можно отличить настоящую любовь от показной?

Все те качества, которые учитель Жуковский хотел искоренить в своих учениках, ему удавалось в них искоренить. А все те качества, которые ему хотелось им привить, — удавалось привить. Почему же его учительству сопутствовал такой успех?.. На это есть простой ответ: он никогда не учил тому, чего сам не умел. Уча доброте — умел быть добрым. Уча не завидовать — никогда и никому не завидовал.

В 1812 году друзья и ровесники Жуковского отличались на поле битвы, вели полки, осуществляли блестящие тактические манёвры — и становились генералами. И, разумеется, всё это не вызывало ни малейшей зависти у поручика Жуковского. Он вышел сражаться за родину, он тоже рисковал своей жизнью, совесть его была чиста, но манёвры — это «не его».

Друг Жуковского поэт Батюшков писал ему: «Ты, наш балладник, чудес наделал если не шпагою, то лирою». Это и была для Жуковского высшая оценка — похвала его «лире», его поэзии.

В сентябре 1815 г. поэт заезжает по делу в Царскосельский лицей. И после посещения лицея пишет другу-поэту Вяземскому: «Я сделал ещё приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным... Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку к моему сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт! Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились!»

Царскосельский лицей, г. Пушкин

Пушкину в этот момент всего шестнадцать лет. А Жуковский считается первым, лучшим поэтом России. Державин — первый поэт конца XVIII столетия — как бы официально передал это звание Жуковскому в таких стихах:

Тебе в наследие, Жуковский,
Я ветху лиру отдаю...

И вот, едва приняв «лиру», поэт готов отдать её другому? «Гиганту, который всех нас перерастёт»! Мальчишке шестнадцати лет!

Друзья посмеивались над его добротой. Вот уж и увидел в мальчишке «гиганта»! Но Жуковский — учитель от Бога — никогда не ошибался, выбирая себе ученика и шлифуя в ученике его призвание.

Обрати внимание: первое, о чём подумал Жуковский, как только познакомился с Пушкиным: «Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились!» Недовольный тем, как учат литературе в лицее, Жуковский стал часто ездить к Пушкину, читать ему свои стихи и слушать его.

Пушкин обладал феноменальной памятью и сразу запоминал каждое новое стихотворение Жуковского. Если же какая-то строка запоминалась Пушкиным не сразу, Жуковский её исправлял. Он учил, что стихи должны быть простыми, звучными, лёгкими, с ходу запоминающимися. А ещё он учил искусству исправлять: «Чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть!» Но если Жуковский — знаменитый, «первый» поэт — исправляет свои стихи — значит, и ему,

Пушкину, следует исправлять свои!.. И здесь, как и во всём, сила учения Жуковского — в личном примере.

После выхода Пушкина из лицея Жуковский ввёл его в литературное общество «Арзамас». На «субботах» — еженедельных литературных вечерах у Жуковского — Пушкин читал новые главы («песни») своей поэмы «Руслан и Людмила». Когда Жуковский узнал, что Пушкин закончил свою поэму, он послал ему свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя, в тот высоко-торжественный день, когда он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». Это случилось в сентябре 1820 г. — ровно через пять лет после знакомства двух поэтов. Пятилетняя «школа» Пушкина у Жуковского была окончена с отличием.

1. Существуют ли такие качества, которыми обязательно должен обладать любой человек? Какие из них, по-твоему, наиболее важны?
2. Существуют ли такие недостатки, которые могут испортить жизнь любому человеку? Какие из них, по-твоему, самые неприемлемые? Обоснуй свою точку зрения.
3. Какую школу прошёл юный Пушкин под руководством В. А. Жуковского?

Глава

седьмая

Я и мы. Из бесед узника с орлом

В сентябре 1820 года поддержка Жуковского тем более была важна для молодого поэта: Александр Сергеевич Пушкин (1799 — 1837) в это время уже находился в ссылке...

А. С. Пушкин

Увлёкшись идеями борьбы с самодержавием, популярными среди его поколения дворянской молодёжи, Пушкин написал несколько стихотворений с прямыми угрозами царю. Они, конечно, не были нигде напечатаны, но переписывались от руки, и одну такую рукописную копию «доброжелатели» Пушкина доставили лично Александру I. Царь рассвирепел. Жуковский — в то время учитель жены брата царя — пытался вступить за своего юного друга. Хлопотал за Пушкина и старший друг и учитель самого Жуковского — писатель и историк Николай Михайлович Карамзин.

Заступничество Карамзина, Жуковского и других старших друзей поэта значительно облегчило его участь: ведь царь хотел сослать его в Сибирь. Вместо этого Пушкин отправился на юг: он был назначен чиновником в канцелярию генерал-лейтенанта И. Н. Инзова, находившегося в Екатеринославе (теперь это город Днепропетровск).

Южная ссылка — первое, но не последнее гонение, обрушившееся на Пушкина. Когда через четыре года царь вновь сослал поэта — теперь уже в его имение Михайловское в Псковской губернии, Жуковский так утешал его в очередном своём письме (а поэты дружили, встречались и переписывались всю жизнь, вплоть до трагической гибели Пушкина в 1837 г.): «На всё, что с тобою случилось и что ты сам на себя навёл, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья и обратить в добро заслуженное (подчёркнуто Жуковским. — *Авторы*); ты более, нежели кто-нибудь, можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рождён быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, всё твоё возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастные, — шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! Я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, я только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывёт, если захочет сам. Плыви, силач!»

1. Что Жуковский считал главным утепением для Пушкина во всех его бедах?
2. Почему, по мнению Жуковского, любой человек должен быть «выше незаслуженного несчастья»?
3. Как Пушкин мог ссылку «обратить в добро»?

Если, отвечая на последний вопрос, ты исходил из того, что новые впечатления — это всегда добро для поэта, то, конечно, пришёл к верному ответу, хотя и не единственно возможному.

Пушкин увидел Украину и могучий Днепр. Затем у него появилась возможность увидеть Чёрное море, Кавказ и Крым. А пока он путешествовал, его начальник Инзов перенёс свою резиденцию из Екатеринослава в Кишинёв, так что Пушкин отправился в молдавскую степь.

Дом Инзова в Кишинёве, на первом этаже которого поселился Пушкин, стоял в стороне от города. Вскоре после приезда Пушкина случилось землетрясение, и семья Инзова покинула полуразрушенный дом. Пушкин остался жить в развалинах и был в полном восторге: ведь это так романтично!..

В Кишинёве все знали, что Пушкин — «первый поэт России», а многие читали его стихи: офицеры и дамы, высшие чиновники и даже сам «старичок Инзов», как ласково называл поэт своего начальника в письмах к петербургским друзьям.

Правда, за малейшую провинность «старичок Инзов» сажал поэта под арест. В этом, конечно, не было ничего необычного для русских нравов начала XIX столетия (вспомним арест молодого Жуковского в «соляном» заведении). Кстати, Инзов, посадив Пушкина на пару дней под арест, сам же навещал его, чтобы развлечь «узника» беседой о последних политических новостях (как об этом весело сообщал поэт в письмах).

Но жизнь «в развалинах» вдали от родины и сидение «в темнице» должны были напоминать вольнолюбивой душе молодого поэта о том, что он не может по своему собственному усмотрению распоряжаться жизнью и свободой...

А. С. Пушкин

Дом генерала И. Н. Инзова
в Кишинёве

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

1. От чьего лица написано стихотворение?
2. После какой строки (какого стиха) нужно сделать паузу в первой строфе?
- 3*. Узнаём ли мы из стихотворения только о мыслях узника или о чьих-то ещё?
4. Как называет узник орла? Почему?

5. Выпиши из стихотворения эпитеты в три колонки: относящиеся к узнику — «я», к орлу — «он», к ним обоим — «мы».
- 6*. Почему орёл не улетает?
- 7*. Сравни описание орла с описанием диких зверей в «Перчатке» Жуковского (с. 84). Есть ли что-то общее в том, как описаны животные в обоих произведениях, и в том, зачем они описаны?

Глава Зачем мы читаем стихи?

Восьмая Виды лирики

Ты, конечно, давно знаешь слово *стихотворение*. С самого твоего детства звучание этого слова коварно (и неправильно!) подсказывало тебе своё «значение»: стихо-творение — творение в стихах.

Но в этом году, когда мы серьёзно занялись литературными жанрами, ты уже чувствуешь, что что-то здесь не так. И песня — в стихах, и баллада — в стихах. И всё это — отдельные жанры. Теперь мы говорим: есть ещё *жанр стихотворения*!

Может быть, всё дело в устной или письменной форме? Да, отчасти это так. Как мы видели, песня — это жанр, прежде всего, фольклорный. И музыкальный. Даже если мы знаем имя автора текста песни, то, как правило, интересуемся ещё именем автора музыки к ней. Иногда установить автора музыки уже невозможно. Бёрнс писал именно песни, и они тут же становились народными...

Но вот Пушкин песен не писал — а многие его стихотворения положены на музыку. Когда их поют — они песни. Что не мешает им раз и навсегда оставаться именно стихотворениями в сборниках произведений Пушкина.

Может быть, всё дело в размере? Баллада — большая, стихотворение — поменьше? Но вспомни маленькую балладу — «Перчатку»: бывают стихотворения побольше, чем эта баллада.

Некоторую подсказку даёт слово *сюжет*. Из предыдущих классов тебе известно, что *сюжет* — это система событий в художественном произведении, раскрывающая характеры действующих лиц и отношение автора к изображаемым явлениям.

Вот рассказываются рыцари и дамы вокруг арены-клетки. В клетку один за другим входят звери. Падает перчатка. Дама обращается к рыцарю. И вот зрители, затаив дыхание, наблюдают за тем, как рыцарь входит в клетку. Облегчённый вздох присутствующих — и новое напряжение чувств при словах рыцаря, возвращающего даме её перчатку.

Так в балладе точно, ясно, напряжённо рассказано о происшествии. И это соответствует тем жанровым ожиданиям, с которыми слушатель приступает к слушанию, а читатель — к чтению баллады.

Но если с теми же самыми ожиданиями мы станем слушать или читать стихотворения, то будем разочарованы. Представим себе, что мы «перепутали» жанры и решили, что «Узник» Пушкина — это такая же баллада, как и «Перчатка».

Вот кто-то сидит за решёткой. Почему и за что — неизвестно. Под окном «вскормлённый в неволе орёл молодой» клюёт «кровавую пищу» — т. е., видимо, просто сырое мясо, которым угостили его хозяева.

Если читатель настроен на *обычный сюжет*, у него сразу возникает масса вопросов. Кому понадобилось вскармливать орла? (Орёл — не охотничья птица, не сокол, он «в хозяйстве» бесполезен.) А уж по вопросу о том, почему орёл не улетает, очевидно, в твоём классе развернулась целая дискуссия, с привлечением данных орнитологии (науки о птицах). И вряд ли получила достаточное научное обоснование версия о том, что если орла «вскормить в неволе», он останется, словно курица, клевать пищу под окном. Цепь или канат на лапе у орла в данном случае более правдоподобны...

Однако почему-то поэт ничего нам не говорит о том, что же именно удерживает орла под окном темницы. Более того, в последней строке орёл думает (!) о том, что он «гуляет» где-то над морем, у скал, вместе с ветром...

Вот к чему приводят неправильные жанровые ожидания, в данном случае — ожидание обычного действия и его последовательного развития, т.е. сюжета. Но в стихотворении почти нет сюжета, а только **лирический сюжет** — переживания и мысли героя. Поэтому и герой стихотворения называется **лирическим героем**. А само такое стихотворение называется **лирическим стихотворением**.

Слово *лирика* пришло к нам от древних греков, происходит от слова *лира* и буквально означает «то, что поётся под звуки лиры». Древнегреческие поэты-лирики впервые в европейской истории выражали в кратких стихотворных произведениях свои собственные, личные чувства. Эти первые лирические стихотворения они произносили нараспев, аккомпанируя себе на лире или другом музыкальном инструменте. В Древней Греции было много разновидностей музыкальных инструментов, используемых для аккомпанемента к лирическому стихотворению: для каждой жанровой разновидности — свой инструмент.

В XIX веке европейские поэты давно уже обходились без музыкального сопровождения. Однако **виды лирики** существовали и продолжают существовать. И с каждым из них тоже связаны определённые жанровые ожидания.

Например, *гражданская лирика* предполагает утверждение или отрицание лирическим героем каких-то важных обще-

ственных целей, норм или задач, оценку современного ему общества. Часто для того, чтобы правильно понять смысл какого-нибудь образца гражданской лирики, нужно помнить о существовании таких тропов, как *аллегория* и *метафора*. Вспомни, что значат эти термины, или загляни в «Словарь литературоведческих терминов» в конце учебника.

А вот *пейзажная лирика* не требует поиска какого-то скрытого смысла за картинкой природы, которой наслаждается лирический герой и которая на новый лад настраивает его душу. В этом смысле пейзажное лирическое стихотворение напоминает пейзаж в живописи. И точно так же, как художник-живописец, поэт может избрать своим предметом так называемую «жанровую сценку» (подсмотренную картинку из жизни) и сочинить образчик *жанровой лирики*. Но лирикой такое произведение будет оставаться лишь до тех пор, пока в нём будет существовать лирический герой, «лирическое я», чьи размышления и чувства по поводу увиденного (а не развитие самой сценки, не сюжет) останутся в центре внимания автора и читателя.

Кстати, очень часто поэт просто говорит *я* вместо *он* или *она*. Такая лирика называется *ролевой*. Смысл её в том, что поэт как бы становится актёром, он перевоплощается, играет роль какого-то придуманного им героя. Но этот герой становится лирическим героем стихотворения: от его лица ведётся разговор с читателем.

А есть ещё *философская лирика*. От неё мы требуем не просто «размышлений по поводу», а новых, ярких мыслей. Отдельную разновидность лирики составляют многочисленные стихотворения о любви, называемые *любовной* или *интимной лирикой*.

Мы перечислили лишь основные, но далеко не все виды лирики. Понятно, что между ними нет непреодолимых границ. И всё же их существование нужно учитывать. Зачем? Давай вернёмся к «Узнику» Пушкина — и ты легко поймёшь смысл разделения лирики на виды.

Ведь если перед нами образец гражданской лирики, то в таком случае уже с самого заглавия нам приходится выбирать между аллегорией и метафорой. Аллегии, видимо, лучше оставить для басен, но вот без поиска метафор в таком случае нам не обойтись. Тогда «*темница сырая*» должна быть истолкована в переносном смысле и означать «всё общество», «вся страна» и т. п. В пользу особой важности «*темницы сырой*» свидетельствует и явление её прямо в первой строке. Видимо, эта метафора (если это метафора) должна задать тон всему стихотворению — точно так же, как и метафора «*узник*» (опять-таки — если это метафора) в его заголовке.

В пользу принадлежности «Узника» к гражданской лирике как будто говорит и биография поэта. Ведь в то время, когда написано стихотворение, молодой поэт Пушкин не только является ссыльным, но и часто сидит под арестом...

Но вот тут сама природа лирики говорит читателю: стоп! Лирическое *я* — не биографическое. Смысл стихотворения не в том, что Пушкин рассказывает читателям, как он сидит в темнице. Тогда это было бы не стихотворение, а просто жалобное письмо друзьям на волю (в стихах просто потому, что поэту часто проще и удобнее писать стихами, чем прозой).

Безусловно, для того, чтобы написать стихотворение, поэт должен ярко мыслить, остро чувствовать. Но настоящее стихотворение получается тогда, когда его мысли и чувства становятся *не только*, а иногда и *не столько* его собственными мыслями и чувствами. Настоящий поэт не тот, кто носится с собственными переживаниями, а тот, кто способен понять переживания другого.

Может быть, перед нами просто «жанровая сценка», изображённая средствами ролевой лирики?

В этом случае нам не нужно истолковывать образы стихотворения как метафоры. Не нужно нам знать для понимания стихотворения и биографии Пушкина. Если мы только что-то слышали о южной ссылке поэта и о том, как в Кишинёве его сажали под арест, то, конечно, можем, приняв узника за самого Пушкина, посочувствовать ему. Но чем больше биографических подробностей мы узнаём (например, о том, как «посадивший» Пушкина Инзов развлекал его в «темнице» политическими беседами), тем меньше сочувствия *такому* узнику у нас остаётся... Но разве *такому* узнику призывает нас сочувствовать автор стихотворения «Узник»?..

Может быть, перед нами — образец философской лирики? В пользу подобного истолкования говорит, например, то, что тут нам придётся поступить так, как поступает сам узник: перевести взгляд на орла. Об орле мы совсем забыли, пока рассуждали обо всём остальном. А напрасно: ведь большая часть стихотворения посвящена описанию орла и передаче того, что он *«вымолвить хочет»*.

В этом случае, как и в случае «гражданского» истолкования, нам тоже не обойтись без понятия метафоры. Но только теперь метафорическими станут не заголовок и первая строка (они останутся элементами ролевой лирики внутри философского прочтения), а всё то, что связано с орлом.

Мы, люди, — такие же *«вольные птицы»*, как орлы. Самой природой в нас заложена тоска по воле. Мы — орлы, *«вскормлённые в неволе»*.

«Чем хороша» неволя, тюрьма?.. Тем, что тюремщики кормят своих узников. Можно привыкнуть так жить, кормиться себе, не думая о том, где взять пищу. Чем не жизнь? Но разве это — жизнь?..

Литература и вообще искусство — вестники свободы. Они предназначены для того, чтобы напоминать нам обо всей полноте жизни, открывать все грани бытия. Каждый литературный жанр открывает нам какую-то его грань. Но мир лирики — это как бы «рабочая модель» литературы.

«Есть целый мир в душе твоей», — сказано в одном стихотворении Ф. И. Тютчева, известного тебе поэта, современника Пушкина. Каждый вид лирики — это тоже грань бытия, увиденная в своём воздействии на душу человека — лирического героя.

Итак, предложены следующие истолкования стихотворения Пушкина «Узник» — в зависимости от вида лирики, к которому оно принадлежит: 1) гражданская лирика с биографическим подтекстом (*узник и темница* — метафоры *поэта и общества*, в котором он живёт); 2) «жанровая сценка», изображённая средствами ролевой лирики (переживания узника и его мысленный разговор с орлом); 3) философская лирика (размышления о смысле жизни человека: мириться ли ему с *сытой жизнью в неволе* — или во что бы то ни стало *стремиться к воле*?).

Выбери то истолкование, которое ближе лично тебе. Приведи аргументы в его пользу. Попытайся отстоять своё мнение в дискуссии на уроке со сторонниками двух других точек зрения.

Глава Я и ты. Ещё о законах девятая лирического стихотворения

Если в дискуссии, которой закончился предыдущий урок, нашёлся хоть один человек, который попытался примирить все три точки зрения, то этот человек поступил мудро. Конечно, труд он взял на себя тяжёлый, почти невыполнимый. Но это как раз тот самый труд (со стороны читателя), который (со стороны писателя) брал на себя сам Пушкин! И чем дальше — тем больше.

Он вообще верил в утешительную, примирительную и спасительную силу поэзии. В одном из своих последних стихотворений он даже выразил такую надежду:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Надежда поэта сбылась. Однако вопрос остался. Почему для того, чтобы пробудить в народе «чувства добрые», вообще нужно пользоваться *лирой* (которая везде у Пушкина и его со-

временников выступает метафорой *лирики*)? Разве не проще всё то, что нужно людям объяснить, сказать «нормально», «человечески», т. е. прозой?

1. Прочитай стихотворение А. С. Пушкина и определи, к какому виду лирики оно относится.

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чём, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль, какую хочешь:
Её с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

2. Определи *тему* и *идею* стихотворения «Прозаик и Поэт». Можно ли сказать, что тема и идея в данном случае совпадают? Характерно ли это для данного вида лирики?
3. Сколько предложений в этом стихотворении? Много это или мало для выражения новой, яркой мысли?
4. Как ты думаешь, имеется ли в виду в последней строке стихотворения такой «враг», которому поэт желает смерти?
5. Известно ли тебе значение слова *наудалую*? Раскрой его значение. Если не известно, загляни в толковый словарь.
6. Выпиши из стихотворения все метафорические выражения. Можно ли каждому из них дать отдельное истолкование?
7. Можно ли рассматривать всё стихотворение как единую метафору? Какое толкование можно дать стихотворению-метафоре? Совпадёт ли оно с темой, идеей стихотворения?
8. В названии стихотворения — два героя. Является ли само стихотворение диалогом между этими героями? Если нет, то чьи слова мы слышим в стихотворении? Почему?
9. Кто является лирическим героем стихотворения? К кому в стихотворении обращается Поэт?
10. Являются ли Прозаик и Поэт, несмотря на спор между ними, в чём-то главным — единомышленниками? Свой ответ подтверди одной строкой из стихотворения.
- 11*. Почему мысль, посланная «наудалую» при помощи поэзии, причиняет «горе врагу»?

Конечно, далеко не всегда лирическое «я» стихотворения предполагает такое же ясное лирическое «ты», как в стихотворении Пушкина «Прозаик и Поэт». Гораздо чаще стихотворение обращено просто к другу-читателю.

Кстати, читатель лирических стихов — всегда только друг. С кем, кроме друга, можно поделиться сокровенным? А лири-

ческое стихотворение всегда говорит о сокровенном и этим похоже на дружескую беседу. Разница только в том, что в жизни ты беседуешь о самом важном для тебя с тем человеком, которого ты уже считаешь своим другом и веришь, что он не будет над тобой смеяться в глаза или, что гораздо хуже, за глаза... Поэт же обращается к читателю, которого он надеется сделать своим другом.

Что же касается того предполагаемого «врага», о котором идёт речь в стихотворении Пушкина «Прозаик и Поэт», то «горе» ему будет, конечно, вовсе не от того, что он прочитает стихи. «Горе» ему будет от того, что их прочитают другие и, быть может, согласятся с высказанными в стихотворении мыслями Поэта.

Кстати, если человек не согласен с мыслями поэта (в особенности это касается, конечно, философской лирики), но любит и понимает стихи, он всё равно прочтёт хорошее стихотворение как друг — и получит удовольствие от чтения.

Прочитай стихотворение. Подумай, во всём ли ты согласен с тем, в чём старается убедить друга-читателя лирический герой.

А. С. Пушкин

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

1. Как видишь, стихотворение состоит из советов-пожеланий. Сколько их?
2. Сколько строф в стихотворении Пушкина «Если жизнь тебя обманет...»? Как ты думаешь, важно ли членение этого стихотворения на строфы?
3. Всегда ли, по мнению лирического героя этого стихотворения, «сердце в будущем живёт»? Если нет, то к каким именно моментам жизни относится данное высказывание?
4. Всегда ли, по мнению лирического героя этого стихотворения, «настоящее уныло»?.. Если нет, то к каким именно моментам жизни относится данное высказывание?

5. Означает ли последняя строка стихотворения, что сердце может жить и в прошлом? Не противоречит ли она первой строке последней строфы?
- 6*. Чем, по-твоему, должно «жить» сердце: прошлым, настоящим или будущим?
7. Если человека «обманула» жизнь, то могло бы его утешить это стихотворение в том случае, если бы оно состояло из одной лишь первой строфы? Только из второй строфы? Свой ответ аргументируй.
- 8*. Могла ли бы каждая из строф этого стихотворения быть напечатана поэтом как отдельное стихотворение?

Глава десятая

Я и они. Лирический герой в мире,
которому нет до него дела

Итак, *«не печалься, не сердись»* на свою жизнь — советует Пушкин каждому из нас. Ведь это только твоя жизнь и больше ничья. Она неповторима. Это твой и только твой путь в непредсказуемое, многогранное, таинственное *бытие*. Никто другой за тебя его не пройдёт. Человечество — это множество «я», которые жили, живут или ещё будут жить на земле. Но каждый из нас за свою жизнь ответствен: только «я сам», не «они».

Пушкин удивителен тем, что пытался изнутри понять другое «я» и ближе всех других поэтов подошёл к этому пониманию. В нём — вся многогранность жизни. Иногда, читая Пушкина, кажется: ну вот же, он всё понимает обо мне — и лучше меня.

Но даже Пушкин, пытаясь изнутри своего «я» понять бытие любого другого «я», часто в бессилии отступает...

Прочитай стихотворение и подумай: почему оно состоит из одних вопросов?

А. С. Пушкин

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный¹,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем,

¹ *Безуханный* (устар.) — не имеющий запаха.

Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок? _____

1. К какому виду лирики принадлежит это стихотворение? Какова его тема и идея?
2. Выпиши из стихотворения все эпитеты. Какое общее настроение они выражают (веселье, тоска, отчаянье, грусть и т. п.)?
3. Три сюжета о том, как цветок попал в книгу, «прячутся» в третьей строфе стихотворения. Попробуй их отыскать.
- 4*. Так почему же всё-таки это стихотворение состоит из одних вопросов?
5. Прочитай ещё одно стихотворение-вопрос, на который нет ответа. Читая его, постарайся понять, что может значить одно человеческое «я» для всего огромного мира или для другого конкретного «я».

А. С. Пушкин

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нём? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я... _____

История этого стихотворения такова.

В 1821 году молодой Пушкин, во время своей южной ссылки, был в Киеве, познакомился с красавицей-полькой Каролиной Собаньской и влюбился. Затем они встречались в Одессе... Прошли годы, и они снова встретились в Петербурге. Каролина была так же прекрасна, как в юности. Прежнее чувство вспыхнуло вновь. «Напишите мне в альбом Ваше имя», — попросила Каролина поэта. В ответ он написал это стихотворение.

1. К какому виду лирики принадлежит это стихотворение?
2. В чём сходство главной мысли этого стихотворения и стихотворения «Цветок»? В чём отличие?
3. Есть ли тематическое сходство между этими двумя стихотворениями? Как принадлежность стихотворений к разным видам лирики сказывается на решении общей темы?
4. Какое из стихотворений Пушкина, помещённых в этом учебнике, тебе понравилось больше других? Почему?
5. Какие ещё из прочитанных стихотворений Пушкина тебе запомнились и понравились? Чем именно?

Глава одиннадцатая

Лирический герой становится «нормальным» рассказчиком

Как ты уже, наверное, убедился, Пушкин обладал огромной любознательностью и интересом к людям. Он был настоящий поэт-философ, он хотел понять такую сложную вещь, как человеческая судьба.

Но чтобы понять судьбу человека, о ней прежде необходимо верно и точно рассказать. Однако это не дано лирическому герою.

Свиданье, разлука, одиночество — всё это лишь названо в стихотворении «Цветок». Оно написано как раз в ту пору, когда Пушкин всё больше интересуется этими простыми, со всеми бывающими, общечеловеческими событиями. И он всё больше понимает: рассказать о них нужно так же точно и просто, как просто они происходят.

Но кто может это сделать? Он, Александр Пушкин, «первый поэт России»? С самой вершины славы — посмотрит на того самого простого человека, от всех переживаний, свиданий и разлук которого остаётся только засохший цветок?.. Так рассказать — видимо, ничем не лучше, чем просто назвать, перечислить...

Любой человек неповторим и непрост — эту грань человеческого бытия открывает нам лирическая поэзия. Ведь чтобы почувствовать то же самое, что чувствует лирический герой Пушкина, совсем не обязательно писать стихи, как Пушкин. Для этого достаточно научиться читать стихи — а это может

каждый, стоит только захотеть. И выходит, что каждый из нас способен на неповторимое и нестандартное, великое чувство.

Но точно так же любой человек и предсказуем, и прост — эту грань человеческого бытия открывает нам проза. Все боятся смерти, одиночества, бедности, неудач, несчастья. Все хотят любви и счастья.

О простом человеке должен рассказать такой же простой человек. Пушкин — такой же простой человек, как все мы, его читатели. Но только мы, читатели, привыкли видеть в нём первого поэта России, вот в чём проблема!.. И современники Пушкина в этом смысле ничем не отличались от нас. Они даже ещё менее, нежели мы, склонны были верить в «простоту» Пушкина.

И тогда Пушкин решил их перехитрить. Перестать быть «писателем», а стать «издателем».

Осенью 1830 года в своей деревне Болдино он пишет книгу под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Читатель должен поверить, что все пять повестей в этой книге написаны И. П. Белкиным, который недавно умер, не успев их издать. Вполне естественно, что кто-то из знакомых покойного Белкина принёс его рукопись известному писателю.

Болдино. Дом-музей
А. С. Пушкина. Кабинет

Болдино. Дом-музей А. С. Пушкина

И этот известный писатель решил издать повести Белкина и даже написал к ним небольшое предисловие, подписав его скромными инициалами А. П. Читатель понимает, чьё имя скрывают эти инициалы. Но должен верить, что уж имя Ивана Петровича Белкина не скрывает ничьё другое...

Прочти предисловие к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина» и попробуй разгадать его тайну.

А. С. Пушкин

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Г — жа Простакова.

То, мой батюшка, он ещё сызмала к историям охотник.

Скотинин.

Митрофан по мне.

Недоросль.¹

Взявшись хлопотать об издании Повестей И. П. Белкина, предлагаемых ныне публике, мы желали к оным присовокупить хотя краткое жизнеописание покойного автора и тем отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы к Марье Алексеевне Трафилиной, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но, к сожалению, ей невозможно было нам доставить никакого о нём известия, ибо покойник вовсе не был ей знаком. Она советовала нам отнестись по сему предмету к одному почтенному мужу, бывшему другом Ивану Петровичу. Мы последовали сему совету и на письмо наше получили нижеследующий желаемый ответ. Помещаем его безо всяких перемен и примечаний, как драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружества, а вместе с тем как и весьма достаточное биографическое известие.

Милостивый Государь мой ****!

Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца, в коем вы изъявляете мне своё желание иметь подробное известие о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина, бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям. С великим моим удовольствием исполняю сие ваше желание и препровождаю к вам,

¹ «Недоросль» — популярная комедия писателя конца XVIII века Д. И. Фонвизина.

милостивый государь мой, всё, что из его разговоров, а также из собственных моих наблюдений запомнить могу.

Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец его, секунд-майор Пётр Иванович Белкин, был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных. Он был человек не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смыслённый. Сын их получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. В 1815 году вступил он в службу в пехотный егерский полк (числом не упомяну), в коем и находился до самого 1823 года. Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину.

Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведённый покойным его родителем. Сменив исправного и расторопного старосту, коим крестьяне его (по их привычке) были недовольны, поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории. Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой; крестьяне, коим она всем была кума, её вовсе не боялись; ими выбранный староста до того им потворствовал, плутуя заодно, что Иван Петрович принуждён был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки.

Быв приятель покойному родителю Ивана Петровича, я почитал долгом предлагать и сыну свои советы и неоднократно вызывался восстановить прежний, им упущенный, порядок. Для сего, приехав однажды к нему, потребовал я хозяйственные книги, призвал плута старосту и в присутствии Ивана Петровича занялся рассмотрением оных. Молодой хозяин сначала стал следовать за мною со всевозможным вниманием и прилежностью; но как по счетам оказалось, что в последние два года число крестьян умножилось, число же дворовых птиц и домашнего скота нарочито уменьшилось, то Иван Петрович довольствовался сим первым сведением и далее меня не слушал, и в ту самую минуту, как я своими разысканиями и строгими допросами плута старосту в крайнее замешательство привёл и к совершенному безмолвию принудил, с великою

моею досадою услышал я Ивана Петровича крепко храпящего на своём стуле. С тех пор перестал я вмешиваться в его хозяйственные распоряжения и передал его дела (как и он сам) распоряжению Всевышнего.

Сие дружеских наших сношений несколько, впрочем, не расстроило; ибо я, соболезнуя его слабости и пагубному нерадению, общему молодым нашим дворянам, искренно любил Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человека, столь кроткого и честного. С своей стороны Иван Петрович оказывал уважение к моим летам и сердечно был ко мне привержен. До самой кончины своей он почти каждый день со мною виделся, дорожа простою моею беседою, хотя ни привычками, ни образом мыслей, ни нравом мы большею частию друг с другом не сходились.

Иван Петрович вёл жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случалось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почесться может); к женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нём истинно девическая¹.

Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминает изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние potrzeby. Таким образом пропало зимою все окна её флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию справедливы и слышаны им от разных особ². Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сёл и деревень заимствованы из нашего околотка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения.

Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, несмотря на

¹ Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает. — *Примеч. А. С. Пушкина.*

² В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестью рукою автора надписано: слышано мною от *такой-то особы* (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: *Смотритель* рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., *Выстрел* подполковником И. Л. П., *Гробовщик* приказчиком Б. В., *Метель* и *Барышня* девицею К. И. Т. — *Примеч. А. С. Пушкина.*

неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как то мозолей и тому подобного. Он скончался на моих руках на 30-м году от рождения и похоронен в церкви села Горюхина близ покойных его родителей.

Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав.

Вот, милостивый государь мой, всё, что мог я припомнить касательно образа жизни, занятий, нрава и наружности покойного соседа и приятеля моего. Но в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступить полагаю излишним и в мои лета неприличным. С истинным моим почтением и проч.

1830 году Ноября 16.

Село Ненародово

Почитая долгом уважить волю почтенного друга автора нашего, приносим ему глубочайшую благодарность за доставленные нам известия и надеемся, что публика оценит их искренность и добродушие.

А. П. _____

1. Какие черты характера Ивана Петровича Белкина названы в письме его друга?
2. Какие черты характера друга Белкина отмечает «издатель А.П.»?
3. Расскажи о дружбе Белкина с автором письма. Что говорит автор письма о том, почему он дружил с Белкиным и за что он его любил? Как ты думаешь, за что Белкин любил автора письма?
4. Выпиши из текста портрет Белкина. Похож ли он внешне на Пушкина? А по характеру?
5. Какая участь постигла рукопись неоконченного романа Ивана Петровича Белкина?

Глава двенадцатая

«Так это были вы?». О том,
как следует рассказывать истории

А теперь твоему вниманию предлагается одна из пяти повестей Ивана Петровича Белкина, изданных А. П.

Прочитай повесть «Метель». Обрати внимание на эпиграф. Из какого произведения В. А. Жуковского он взят? Если узнал, заметь отличия цитаты у Пушкина от той редакции, которая приведена в учебнике.

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий.

.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поестъ, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили её за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Рисунок А. С. Пушкина. Пейзаж с фигурой. Ветер

Наши любовники были в переписке и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романтическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала, но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелье... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее

обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили её беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться весёлою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружавшими.

Подали ужинать; сердце её сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела тёплый капот¹, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и её девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терёшки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготовляться.

¹ *Капот* (устар.) — женская или мужская верхняя одежда без перехвата в талии.

И. Суриков. Рисунок к повести «Метель»

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надёжного Терёшку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь и один, без кучера, отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более полчаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать — и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а поля не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опроки-

дывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак дерев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избытки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; вёрст десяток будет». При сём ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик,— сказал он,— достать мне лошадей до Жадрина!» — «Каки у нас лошади»,— отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой,— сказал старик, опуская ставень,— я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиною и пошёл вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвенёт»,— отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафорке¹ на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша, вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терёшка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от её постели, могла понять из них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною её болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

¹ Шлафóрк, шлафóр или шлафрóк (устар.) — просторная домашняя одежда без пуговиц (подпоясывалась поясом).

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приёмом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что ноги его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единю надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству...

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины, были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностью*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задумчивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы:

Se amor non è, che dunque?...²

Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытнос-

¹ ...И в воздух чепчики бросали — стих из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова, современника А. А. Пушкина.

² Если это не любовь, то что же?.. (*итал.*) — стих из сонета Франческо Петрарки, великого итальянского поэта XIV века.

тию, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слышала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовию, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностию и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приуготавливала развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романтического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: по крайней мере Бурмин впал в такую задумчивость и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, —

¹ Сен-Прё (франц.) — герой романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвёртый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя вёрстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле неё перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё

лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошёл!»

Рисунок А. С. Пушкина.
Женщина в обмороке

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?»

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаёте меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

1. Перечисли все случаи «переключки» повести Белкина «Метель» с балладой В. А. Жуковского «Светлана».
2. Рассмотрите рисунок А. С. Пушкина (с. 106). Каково настроение рисунка? Как поэту удалось нарисовать ветер?
3. Какую роль играет метель в балладе Жуковского и в повести Белкина?
4. Почему Марья Гавриловна и Бурмин считали, что они не могут пожениться?
5. Почему, выслушав рассказ Бурмина о случившемся с ним происшествии, Марья Гавриловна назвала себя его «бедною женою»?
6. Как ты помнишь, жанр баллады настраивает читателя на определённое ожидание — ожидание чуда. На что настраивает читателя «Метели» эпиграф из баллады? Можно ли сказать, что и с героями «Метели» в финале произошло чудо?
7. Как называется поместье Машиных родителей? В каком тексте тебе уже встречалось это название? Как в том тексте объяснены подобные совпадения?
- 8*. Как ты думаешь, у человека, жившего в настоящем Ненарадове, были какие-нибудь особые причины утверждать, что подобные совпадения случайны и ничего не значат?
9. В «Метели» ничего не сказано о том, от кого Белкин узнал эту «справедливую» (т. е. правдивую) историю. Однако читатель «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» должен это знать. Откуда он может об этом узнать? Почему это важно знать?
10. Обрати внимание на даты в тексте повести. Почему они важны? В каком году была окончена «Светлана» В. А. Жуковского?

Вспомни, почему нам важно было это знать при обсуждении баллады.

11. Порассуждай о важности эпиграфа для понимания общего настроения повести «Метель».
12. Рассмотрй рисунок А. С. Пушкина (с. 116). Можно ли назвать поэта художником? Аргументируй свою точку зрения.

Следует заметить, что в России первой четверти XIX века к прозе относились весьма пренебрежительно. Её, «презренную прозу», противопоставляли «высокой поэзии».

Считалось, что душу возвышают только поэмы, баллады, стихотворения. А романы и повести служат для развлечения. В лучшем случае для поучения посредством развлечения.

То есть жанровые ожидания читателя романа и читателя повести в целом совпадали. Отличие между ними видели только в объёме. Роман больше, он развлекает дольше, если не наскучит. В нём много героев. Действие происходит не в одном городе или уезде, а в разных городах, часто в разных странах, а то и в разных частях света. Повесть должна была значительно уступать роману и по объёму, и по охвату жизненных явлений. А слово «рассказ» как обозначение жанра появилось только во второй половине XIX века.

Всё, что меньше романа «по объёму» и «по охвату», называлось повестями. Повести могли быть большие и маленькие. К числу последних, несомненно, принадлежат и повести Белкина. С нашей современной точки зрения их следовало бы отнести не к жанру повести, а к одному из тех жанров, которым посвящён следующий раздел учебника (к какому именно — решишь, когда его прочтёшь).

Но как было сказано, в пушкинскую эпоху актуально не противопоставление повестей другим жанрам, а противопоставление прозы — поэзии.

В стихотворении «Прозаик и Поэт» Пушкин определённо отдавал предпочтение поэзии для выражения мысли: ясного, точного, а главное — убедительного для читателя. Прошло пять лет, и любимицей Пушкина стала проза.

Нет, он не перестал писать стихи. Но, кроме стихотворных произведений, в 30-е годы XIX века Пушкин создаёт прозу. Более того — искусство прозы. С «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», по сути, начинается русская художественная проза.

До Пушкина прозаики рассказывали истории, попутно выражая собственные мысли, но главное — старались удержать внимание читателя при помощи смешных и незатейливых или, наоборот, серьёзных и поучительных сюжетов. Главным в прозе считался сюжет. Вспомогательную, но тоже важную роль

играли подробные описания: место действия, портреты героев, характерные черты описываемой обстановки — словом, всё то, что помогало читателю лучше представить себе сюжет и поверить в его правдоподобие. Ибо прозаический рассказ, в отличие от поэтического (поэмы или баллады), должен был заставить читателя поверить в то, что всё рассказанное происходило (или, по крайней мере, могло происходить) на самом деле. На описания прозаики времени и места не жалели, как видно, руководствуясь принципом: чем подробнее, тем правдоподобнее.

А вот в повестях, рассказанных читателю Иваном Петровичем Белкиным, ничего подобного нет. Он не просто «к историям охотник» (на что намекает эпиграф к тексту «От издателя»), но и мастер их рассказывать. А если учесть, что эти повести «были первым его опытом» (как сообщает издателю друг Белкина), то мастерству его нельзя не подивиться...

В центре сюжета каждой из пяти повестей Белкина не просто «история», но поворот судьбы. Такого сюжета допушкинскому прозаику хватило бы на целый роман. «Бесхитростный» рассказчик Иван Петрович рассказывает каждый такой сюжет всего лишь на десяти страницах.

К тому же, как мы помним, это «вовсе не его» истории. Он мог бы повторить то, что часто повторяют устные, бытовые рассказчики: «Хотите верьте, хотите нет. За что купил — за то продал» (т.е. как слышал, так и рассказал). Просто Иван Петрович умеет молчать и слушать. Потому что он искренне интересуется другими людьми — своими соседями.

Вот, например, есть среди его соседок острая на язычок девица К.И.Т., знающая всё про барышень своей округи. Как мы помним, именно от неё Ивану Петровичу стали известны истории, описанные им в «Метели» и «Барышне-крестьянке»...

Но только внимательного читателя не может не взять сомнение: «За то ли он, Белкин, купил, за что продал?» Разве девушка стала бы рассказывать так коротко? Неужели не расписала бы во всех подробностях, например, наряды героинь своих рассказов? Не пустилась бы в рассуждения об их чувствах: о той любви, которую они испытывали к героям, или о том ужасе, который должны были ощутить, решившись на поступок? Не вздыхала бы, не кокетничала: «А вот я бы — ни за что... Я б со страху умерла...» и т. д., и т. п.?

Ничего этого нет ни в «Метели», ни «Барышне-крестьянке». Рассказчик этих и трёх других повестей почти никак не комментирует их сюжеты. Вместо этого он их выстраивает, организует.

В повестях Белкина не менее важную роль, чем сам сюжет, играет сюжетная композиция.

Большинство сюжетных произведений мировой литературы строится примерно одинаково и состоит из пяти неравных частей. Это *экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка*. Прочитав их определения, ты ясно увидишь, что без наличия в произведении каждого из них просто невозможно рассказать никакую связную историю.

Экспозиция (от лат. *expositio* — объяснение) — предыстория события (событий), о котором (которых) рассказывает художественное произведение. То есть это ещё не сами события, а их фон. **Завязка** — это начало противоречия (конфликта), составляющего основу сюжета. **Развитие действия** — основная сюжетная часть произведения. **Кульминация** (от лат. *culmen* — вершина) — высшая точка напряжения в развитии действия. И, наконец, **развязка** — это исход событий, решение противоречия (конфликта), заданного завязкой.

Если когда-нибудь объявят конкурс на самые короткие экспозицию, завязку, кульминацию и развязку в мировой литературе, то «Метель» будет иметь хорошие шансы на первое место.

Уже первыми словами — «*в конце 1811 года*» — сказано всё необходимое об эпохе и о том, почему она может иметь самое непосредственное влияние на судьбы героев. Затем буквально в одной фразе даны все необходимые сведения о семействе Р**, а в следующей — о том, что 17-летняя Марья Гавриловна считалась выгодной невестой. Вот и вся вполне достаточная экспозиция.

Первое предложение следующего абзаца, своими первыми словами как будто собираясь длить экспозицию (воспитание Марьи Гавриловны на французских романах), делает резкий вираж — и вводит завязку: «*...и, следовательно, была влюблена*». Говоря о влюблённости Марьи Гавриловны как о следствии чтения французских романов, повествователь сразу же чётко обозначает противоречие (конфликт), составляющий основу сюжета. Это конфликт между мечтой Машеньки о счастье и суровой действительностью — так сказать, климатом её страны и эпохи, наименее приспособленным для произрастания такого теплолюбивого растения, как девичье счастье.

Олицетворение этой действительности — в названии и в развитии действия. И это, конечно, метель. Вот почему так важен эпиграф из «Светланы», в которой метель играет не последнюю роль в развитии действия. В этом эпиграфе содержится указание и на источник вдохновения рассказчика, и на его веру в чудо.

Хорошо ли Машенька продумала свой выбор и свою будущую жизнь с «*предметом, избранным ею*», — бедным армей-

Д. Арсенин. Рисунок к повести «Метель»

ским прапорщиком Владимиром? Нет, она, если честно, об этом вообще не думала. Она действовала по стандарту: так, как поступали героини её любимых французских романов. Именно они заразили её упрямой мечтой о счастье — что само по себе прекрасно. Мечтой о красивой жизни с любимым человеком. Мечта эта вечна. Сейчас девушки не читают тех французских романов, которые читала Машенька, но с той же самой целью — мечтать и укрепляться в своих мечтаниях — смотрят сериалы, которые, впрочем, имеют тот же самый недостаток: у них мало общего с действительностью.

Но у Маши была одна серьёзная возможность счастья, о которой сама она даже не подозревала. Она верила в Бога. Верила настолько, что благословение священника в церкви приняла так, как оно и должно быть принято: как Божье благословение для её брака. Бог даёт его один раз. Он только один

раз в жизни человека освящает его брак. Веря в Бога и любя Его, Маша, которая легко могла бы обмануть людей и ещё раз выйти замуж, не могла обмануть Бога.

Но мы помним, что чудо — любимое дитя веры. В ситуации с перепутанным женихом Маша думала, что Бог её наказал — а на самом деле Он её сохранил от глупой ошибки поспешного брака с Владимиром. Владимир получил высшее оправдание своей жизни: он погиб, защищая родину. А Маше, оказывается, Бог давно уже дал в мужья её единственного и настоящего суженого, с которым и благословил её брак! О чём читатель не подозревает до начала рассказа Бурмина, Маша — до конца его рассказа, а сам Бурмин — до последней — кульминационной — фразы Маши: *«...так это были вы? И вы не узнаете меня?»*

Кульминация же во всех пяти повестях Белкина совпадает с развязкой. И этот принцип настолько важен, что последняя фраза последней повести (и всей книги Белкина!) звучит так: *«Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку»*.

Конечно избавим, дорогой Иван Петрович! Ведь в своих кульминациях вы одновременно дали нам и развязки, хоть и сами не заметили.

1. Прочти любую из четырёх (ещё не прочитанных) повестей Белкина. Выдели в ней все пять частей сюжетной композиции.
2. На примере прочитанной тобой повести подтверди или опровергни мнение авторов учебника о том, что кульминация во всех пяти повестях Белкина совпадает с развязкой.
3. Какой момент сюжетной композиции изобразил художник Дмитрий Арсенин (см. с. 120)? Герои изображены в Болдине. Какую роль на картине играет пейзаж?

Глава тринадцатая

«... и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях...». Иван Петрович Белкин в поисках «хэппи энда»

В любимых Марьей Гавриловной романах и в любимых современным девушкам сериалах всё заканчивается хорошо. А в следующем разделе учебника ты узнаешь о большой стране, где в журналы не принимались для публикации рассказы, а сейчас на крупнейшие киностудии не принимаются сценарии фильмов, в которых всё заканчивается плохо. И никакие аргументы авторов о том, что в жизни плохие концы встречаются не реже, если не чаще, хороших, хозяевами киностудий точно так же не берутся в расчёт, как когда-то — издателями журналов: не будет читатель покупать журналы с такими рассказами

или билеты на такой фильм, где кто-то, в конце концов, останется несчастен. Рождённый в этих условиях термин *happy end* (хэппи энд), что по-английски и означает «счастливый конец», стал международным.

Иван Петрович Белкин, разумеется, этого термина не знал. Но всей своей простой душой он стремился к обозначаемому этим термином счастью в жизни человека, считая, что каждый человек заслуживает права быть счастливым.

Конечно, главное счастье — это любовь и семья. «Метель» и «Барышня-крестьянка», в финале которых происходит обыкновенное чудо соединения двух истинно любящих сердец вопреки всем обстоятельствам, ярко иллюстрируют эту любимую мысль Белкина.

В предыдущей главе мы видели, что «Метель» Белкин рассказывает совсем не так, как её рассказала бы барышня. А что, если это — просто приём, для придания большей достоверности рассказываемому: о барышнях рассказывает барышня?..

Проверяем на других повестях. Так и есть! О военных («Выстрел») «рассказал» Белкину «подполковник И. Л. П.». О государственном служащем нижнего чина («Станционный смотритель») — мелкий чиновник, «титularный советник» А. Г. Н. Наконец, об изготовителе и продавце гробов («Гробовщик») — продавец (или, по-старинному, «приказчик») Б. В.

При этом в двух повестях, где рассказ ведётся от первого лица («Выстрел» и «Станционный смотритель»), это явно одно и то же лицо и явно не подполковник и не титулярный советник. Подполковник — это довольно крупный чин, а рассказчиком в «Выстреле» выступает молодой младший офицер, который очень скоро выходит в отставку. А в «Станционном смотрителе» рассказчик говорит о себе: *«Находился я в мелком чине...»* Но титулярный советник так в мелком чине и остался, а рассказчик — скорее всего офицер — потом ещё немного поднялся в чине, хоть и не дослужился до подполковника. И все эти подробности биографии рассказчика совпадают с биографией самого Белкина, рассказанной его другом в письме к издателю.

Так что Белкин тут, конечно, недосмотрел: во-первых, по неопытности (всё же «первый опыт»!), а во-вторых — он же не знал, что повести будут напечатаны посмертно, вместе с его собственной биографией!..

С Белкиным всё ясно. Но куда смотрел «издатель А. П.»?..

Наверное, ты уже догадался, «куда он смотрел». «Он смотрел», он очень тщательно следил за тем, чтобы им самим же и придуманный Иван Петрович Белкин был главным, связующим героем-рассказчиком «своих» повестей!

В «Выстреле» и в «Станционном смотрителе» Белкин не только рассказчик, но и действующее лицо. Но, например, и в «Метели» нам, читателям, очень важны его простая вера в чудо, ожидание именно Божьего чуда в Божьем храме (сравни образ Божьего храма в «Светлане» В. А. Жуковского), а не просто «удачного совпадения».

Удача и счастье не могут быть «простым совпадением»! Скорее простым совпадением являются несчастья и неудачи:

В день уныния смирись:
День всеселья, верь, настанет.

Жизнь самого Белкина — пример философского отношения «простого человека» к переменам бытия. Именно благодаря своему оптимистическому взгляду на мир Белкин и становится писателем-художником. В каждой из пяти повестей есть герой, которому вроде бы в жизни не повезло. Но это как раз такие люди, для которых моральное, философское оправдание их жизни важнее всего остального — они и получают то, что для них важнее. Сильвио остался «доволен» смятением и робостью своего всегда невозмутимого соперника-графа («Выстрел»); гробовщик Прохоров — просто тем, что он проснулся и оказалось, что все ужасы случились с ним во сне, а не наяву («Гробовщик»); мисс Жаксон — нежностями Лизы («Барышня-крестьянка»); о Владимире («Метель») мы уже говорили... Обиднее всего Белкину за станционного смотрителя — главного героя одноимённой повести. Самсон Вырин (так звали смотрителя) прожил жизнь под картинками, изображающими сцены из Евангелия — историю раскаяния блудного сына. Начало этой истории напоминало Самсону то, что произошло с его собственной дочерью Дуней, и он, веря, что Дуня вернётся, терпеливо ждал — да так и умер, не дождавшись...

Дуне помешало вернуться счастье, которого она, подобно Маше из «Метели», так ждала — и дождалась... Но бедный её отец думал, что дочь несчастлива! Где же «хэппи энд» в этой повести?... Неужто вера Белкина в Высшую Справедливость потерпела здесь поражение?..

Нет, он, Белкин, не может и не хочет с этим смириться. Казалось бы, всё, конец, Вырин умер, ничего уже не исправишь и не вернёшь. Но Белкин, не желая так заканчивать повесть, упрямо ищет счастливого финала... Где же? На кладбище, на могиле Вырина, куда он попросил местного мальчишку его провести. Но зачем, какой в этом смысл?

И тут из рассказа мальчишки о «барыне», которая приезжала поплакать на могилке, Белкин понимает: Дуня вернулась! И, значит, хотя бы после смерти старого смотрителя, вера его осуществилась. И пусть поиски счастливого финала

обошлись Белкину в семь рублей, издержанных на дорогу (сумма по тем временам и по скромным доходам Ивана Петровича весьма значительная), он в самом конце своей повести о зрителе бесхитростно сообщает читателю, что *«не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях...»*

Пусть и не так, как во французских романах, прочитанных Марьей Гавриловной, и в любимых современных девушками сериалах, — но всё заканчивается хорошо. Там счастье просто падает героям на голову. А в жизни так не бывает... В жизни счастье всегда что-нибудь стоит. Цена счастья — страдания и терпение. Для того, кто не раскисает и умеет терпеть, счастливый день настанет. Обязательно!

- 1*. Вспомни, как В. А. Жуковский в письме к А. С. Пушкину рассуждал о заслуженном и незаслуженном несчастье. Почему, по его мнению, любой человек должен быть *«выше незаслуженного несчастья»*?
2. Чем заслужили своё счастье герои прочитанных тобой повестей Белкина?
- 3*. Чем похож Иван Петрович Белкин на лирических героев прочитанных тобой стихотворений Пушкина? Чем он от них отличается?

Глава

четырнадцатая «...Он даром славы не берёт»

Углубляясь в вопрос о том, что может и чего не может литература, мы должны помнить: литература — один из видов искусства.

Литература не может и не должна сводить богатство реальной жизни (то, что мы называли гранями бытия) к схемам и понятиям. Это дело науки. Наивно пользоваться литературным произведением как схемой, «инструкцией» для «подобных» случаев жизни. Бессмысленно подражать писателю, литературному герою. Ведь у каждого из нас свой путь...

Писатель создаёт полнокровный и очень личный образ — образ мира и человека. В конечном итоге именно личность самого писателя лежит в основе создаваемого им художественного образа. Без большой личности нет большой литературы! В этом смысле очень интересен и поучителен опыт Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841) — младшего современника Пушкина.

Имя Лермонтова и его стихи знакомы тебе с самого детства так же хорошо, как имя и стихи Пушкина. Даже странно, что эти великие поэты не были знакомы лично — но это так. Погибший на дуэли Пушкин не успел «передать лиру» младшим современникам так, как в своё время передали ему поэтиче-

скую эстафету его, Пушкина, старшие современники. А Лермонтов погиб на дуэли меньше чем через пять лет после гибели Пушкина...

Вспомни, как приветствовал Жуковский 16-летнего Пушкина и какую прекрасную школу поэзии прошёл юный Пушкин у своего старшего друга и учителя. Да и в Лицее учителя видели великое предназначение Пушкина в поэзии, опекали и лелеяли его талант.

Лермонтова никто не опекал и не лелеял. С самого раннего детства жизнь его складывалась драматически. Мать будущего поэта умерла, когда ему не исполнилось и трёх лет. Он жил в деревне Тарханы Пензенской губернии — родовом имении Е. Арсеньевой, бабушки со стороны матери. Отцу будущего поэта бабушка не разрешала видеться с сыном, ибо с самого начала была против брака Юрия Лермонтова со своей дочерью. Михаил тяжело переживал семейный разлад и продолжал любить отца, хоть и видел его очень редко, а в 17-летнем возрасте смерть отца разлучила их навсегда.

До тринадцати лет Лермонтов получал домашнее воспитание в Тарханах, потом учился в Москве — в пансионе и на словесном отделении университета, но, не доучившись из-за конфликта с преподавателями и соучениками, переехал в Петербург и поступил в военное (юнкерское) училище. Через два года, снова вступив в конфликт с начальством, перевёлся в гвардию...

Таковы факты детства и юности Лермонтова. Но главной жизнью для самого Михаила была его внутренняя — поэтическая — жизнь. Лермонтов уже в 14—16 лет не просто писал стихи (этим занимались и занимаются многие его ровесники). Он знал, что будет великим поэтом. Хотя, в отличие от того, как это было в судьбе Пушкина, никто не разделял его уверенности. Не было рядом людей, способных оценить его необычное, мощное, страстное поэтическое дарование.

М. Ю. Лермонтов

Неизвестный художник.
Портрет Е. Арсеньевой

Конечно, Пушкин стал бы великим поэтом и без посторонней помощи — но это был бы, наверное, совсем другой поэт. И если о Пушкине всё же можно сказать, что его поэтическое дарование во многом развивалось благодаря окружению, то о Лермонтове точнее всего было бы сказать, что он как поэт развивался вопреки всему, что его окружало.

Да, несомненно, жизнь его поэтического гения время от времени «подпитывалась» внешними впечатлениями. Но таких радостных впечатлений было слишком мало. Зато Михаил Лермонтов и ценил их на вес золота...

Например, однажды в детстве бабушка повезла Мишу на Кавказ. Это был совсем другой, новый, яркий мир. Впечатлений хватило на несколько лет — и несколько настоящих, совсем уже не детских стихов.

Прочитай стихотворение шестнадцатилетнего поэта и подумай о цене истинной радости.

М. Ю. Лермонтов

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомян тот взор:
Люблю я Кавказ.

1. Вспомни, что такое строфа. У каждой строфы стихотворения Лермонтова «Кавказ» есть своя отдельная тема. Назови их.
2. Какие виды лирики тебе известны? Можно ли сказать, что каждая из трёх строф стихотворения «Кавказ» тяготеет к какому-то отдельному виду лирики? К каким именно? Что объединяет стихотворение, не даёт ему «распасться» на строфы?
- 3*. *Отчизна, мать, любимая...* Почему три эти образа в воображении лирического героя так крепко связаны с Кавказом?

4. Что дают повторы в конце каждой строфы для понимания и выразительного чтения стихотворения? Есть ли в нём рефрен?
5. Сравни стихотворение Лермонтова «Кавказ» с его картиной-пейзажем. Какие общие настроения и впечатления поэта отразились в них?

М. Лермонтов. Крестовый перевал

Итак, уже подростком Лермонтов знал, что будет великим поэтом. А к 18 годам эта уверенность у него уже полностью сложилась.

Почему? На каком основании?.. Легко ли было стать великим поэтом в то самое время, когда гений Пушкина достигает своего расцвета?.. Когда вся Европа читает и перечитывает стихи великого английского поэта Байрона, «гонимого миром странника», не так давно трагически закончившего свой жизненный путь?

1. Быть может, ответ на эти вопросы ты отыщешь в трёх стихотворениях восемнадцатилетнего Лермонтова.
Читая их, попробуй определить общую мысль — то, что больше всего интересовало и волновало поэта.

Нет, я не Байрон, я другой,
 Ещё неведомый избранник,
 Как он, гонимый миром странник,
 Но только с русскою душой.
 Я раньше начал, кончу ране,
 Мой ум немного совершит;
 В душе моей, как в океане,
 Надежд разбитых груз лежит.
 Кто может, океан угрюмый,
 Твои изведать тайны? Кто
 Толпе мои расскажет думы?
 Я — или Бог — или никто!

Я жить хочу! хочу печали
 Любви и счастью назло;
 Они мой ум избаловали
 И слишком сгладили чело.
 Пора, пора насмешкам света
 Прогнать спокойствия туман;
 Что без страданий жизнь поэта?
 И что без бури океан?
 Он хочет жить ценою муки,
 Ценой томительных забот.
 Он покупает неба звуки.
 Он даром славы не берёт.

ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
 Дайте мне сиянье дня,
 Черноглазую девицу,
 Черногривого коня.
 Дайте раз по синю полю
 Проскакать на том коне;
 Дайте раз на жизнь и волю,
 Как на чуждую мне долю,
 Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатый
 С полусгнившею скамьей,
 Парус серый и косматый,
 Ознакомленный с грозой.

Я тогда пущуся в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зелёный сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

2. С чем сравнивается человеческая душа в первом стихотворении?
3. Говорят, что человек — целый мир. Относится ли это утверждение к каждому человеку или только к поэту? Порассуждай на эту тему.
4. В чём, согласно первому стихотворению, состоит задача поэта?
5. В первом и втором стихотворениях найди общее сравнение. Как от первого стихотворения ко второму изменяется, углубляется смысл сравнения?
6. Какой общий образ связывает третье стихотворение со вторым?

Философская лирика 18-летнего Лермонтова — явление удивительное и достаточно редкое в истории мировой поэзии.

Как ты помнишь, от философской лирики читатель ждёт и требует не просто «размышлений по поводу», а новых, ярких мыслей. И вот не умудрённый богатым опытом долгой жизни, а совсем ещё молодой человек вносит эту новизну в замечательную, насыщенную мыслью русскую философскую поэзию 1830-х годов. Как это ему удалось? Свою философскую лирику Лермонтов выстрадал.

Своим ровесникам он в одном из своих философских стихотворений бросает тяжкое, но заслуженное обвинение:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злоте, ни любви...

По сути, Лермонтов подхватывает здесь ту самую мысль, которая следует из пушкинских «Повестей Белкина»: за всё настоящее в жизни нужно платить сполна. И за счастье, и за любовь, и за ненависть. Надо жертвовать! Иначе жизнь превращается в кошмарную цепочку случайностей: добивался одного — получил совсем другое... Видимо, не сильно добивался. Ради своей мечты ни от чего не отказался, ничем не пожертвовал. Так была ли настоящая мечта?

А у Лермонтова всё настоящее. Собственно говоря, настоящая поэзия для того и существует на свете, чтобы напоминать нам о том, чего мы больше всего, на самом деле, в этой жизни хотим. И настоящий поэт — тот, кто пишет, как живёт, а живёт — как решил:

Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт.

1. Какие мечты и стремления, воспетые в «Кавказе» шестнадцатилетнего Лермонтова, сохранила философская лирика восемнадцатилетнего поэта?
2. Какое общее слово содержится в первых строках «Желанья» Лермонтова и «Узника» Пушкина? Можно ли лирического героя «Желанья» назвать узником? Можно ли сказать, что у этих стихотворений Лермонтова и Пушкина общие темы и идеи? Чем они непохожи друг на друга?

Глава пятнадцатая

Поэма, или Рассказ о себе как о «другом»

Итак, Лермонтову близки пушкинские размышления о том, что человек должен решиться на поступок — размышления о случайном и неслучайном в человеческой судьбе. И так же, как Пушкин, Лермонтов не может ограничиться чисто лирическим сюжетом, жанром лирического стихотворения. Начинаются поиски большого сюжета.

Лермонтову, в отличие от Пушкина, вовсе не свойственно стремление к объективной, спокойной оценке окружающего мира. Маленькая повесть со счастливым концом — пушкинский, но не лермонтовский жанр. Лермонтову ближе та грань бытия, когда на лирического героя всей мощью обрушиваются не просто духовные испытания (мучительная мысль, неразрешимая философская проблема), а самые настоящие жизненные испытания с самым настоящим, предельно острым жизненным конфликтом. Вступая на эту стезю, лирический герой тем самым вступает в область поэмы.

Поэма — сюжетное произведение. Этим она похожа на балладу. И баллада, и поэма — в стихах, поэтому неопытному читателю легко их перепутать. В балладе главное — поэтический рассказ, причём, как правило, о чудесном или героическом. Если в балладе и есть главный герой, то он ничем не напоминает лирического героя стихотворения. У поэмы же принципиально иные задачи. Она развивается не из балладного рассказа, а из философской или ролевой лирики. В первом случае лири-

ческий герой поэмы («автор») даёт развёрнутые комментарии к сюжету. Во втором случае лирическим героем поэмы становится её главное действующее лицо: герой, который не только действует, развивает сюжет, но и много рассуждает по ходу действия.

Итак, поэма — это стихотворное произведение. Ему свойственно повествование о действующих лицах и событиях и в то же время — их раскрытие через восприятие и оценку лирического героя. Развитие сюжета тесно связано с так называемыми лирическими отступлениями, т. е. внесюжетными частями произведения. Выражение это не вполне точно, ибо на самом деле это никакие не «отступления», а вполне «законные» части поэмы. В идеале поэма настолько же лирична, насколько и сюжетна (эпична).

Конечно, такие идеально гармоничные, сбалансированные поэмы не так часто встречаются в мировой литературе. Лучшие поэмы Лермонтова — из их числа.

Прочитай поэму «Мцыри» и запиши, какие её главки являются лирическими отступлениями героя-повествователя от рассказа о единственном событии — его бегстве из плена на волю.

М. Ю. Лермонтов

МЦЫРИ¹

Вкушая, вкусих мало мёда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,

¹ *Мцъири* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». — *Прим. М. Ю. Лермонтова.*

Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ...

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез

Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келей душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

Старик! я слышал много раз,
 Что ты меня от смерти спас —
 Зачем?.. Угрюм и одинок,
 Грозой оторванный листок,
 Я вырос в сумрачных стенах,
 Душой дитя, судьбой монах.
 Я никому не мог сказать
 Священных слов «отец» и «мать»..
 Конечно, ты хотел, старик,
 Чтоб я в обители отвык
 От этих сладостных имён,—
 Напрасно: звук их был рождён
 Со мной. Я видел у других
 Отчизну, дом, друзей, родных,
 А у себя не находил
 Не только милых душ — могил!
 Тогда, пустых не тратя слёз,
 В душе я клятву произнёс:
 Хотя на миг когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать с тоской к груди другой,
 Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья те
 Погибли в полной красоте,
 И я, как жил, в земле чужой
 Умру рабом и сиротой.

Меня могила не страшит:
 Там, говорят, страданье спит
 В холодной вечной тишине;
 Но с жизнью жаль расстаться мне.
 Я молод, молод... Знал ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не знал, или забыл,
 Как ненавидел и любил;
 Как сердце билось живей
 При виде солнца и полей
 С высокой башни угловой,
 Где воздух свеж и где порой
 В глубокой скважине стены,
 Дитя неведомой страны,
 Прижавшись, голубь молодой

Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежее толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

Ф. Константинов. Мцыри

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестёр...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей

Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышной.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть

В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,

Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног

Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — лёгкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух ее поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои

Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... — больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объяты жадные раскрыв.
Мир тёмен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк

То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшной и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал,
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.

Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц,— и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь

Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остатки сил,

Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?... Чтoб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых, ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.

Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И, как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую голову:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,

Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном,
Хотя бы крикнул коростель.
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.

Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд холодная струя,

Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, люблю мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор её зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! Не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенести меня вели

В наш сад, в то место, где цвели
 Акаций белых два куста...
 Трава меж ними так густа,
 И свежий воздух так душист,
 И так прозрачно-золотист
 Играющий на солнце лист!
 Там положить вели меня.
 Сияньем голубого дня
 Упыюся я в последний раз.
 Оттуда виден и Кавказ!
 Быть может, он с своих высот
 Привет прощальный мне пришлёт,
 Пришлёт с прохладным ветерком...
 И близ меня перед концом
 Родной опять раздастся звук!
 И стану думать я, что друг
 Иль брат, склонившись надо мной,
 Отёр внимательной рукой
 С лица кончины холодный пот
 И что вполголоса поёт
 Он мне про милую страну...
 И с этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!...

1. Выразительно прочитай замеченные тобой лирические отступления. Каким темам они посвящены?
2. Чем поэма «Мцыри», особенно её финал, напоминает стихотворение Лермонтова «Кавказ»?
3. Что общего между поэмой «Мцыри» и стихотворением «Желание» (тема, идея, тропы)? Чем отличаются поэма и стихотворение по своим функциям, жанровым задачам?
4. Можно ли главного героя поэмы «Мцыри» назвать не только лирическим, но и автобиографическим героем? Сравни общее в жизни, в характере Лермонтова и его героя.
- 5.* Почему у героя поэмы нет имени?
- 6.* О чём поэма? Выбери вариант ответа или предложи свой: а) о свободолубии кавказских горцев; б) о судьбе человека в мире.
- 7.* Почему мцыри не нашёл путь в родные края? В чём состоит смысл лирического отступления, составляющего главку 21?
- 8.* Сравни пушкинскую метафору *вскормлённый в неволе орёл молодой* и лермонтовскую — *в тюрьме воспитанный цветок*. Вспомни или перечитай, как истолкована пушкинская метафора. Можно ли примерно так же истолковать лермонтовскую — или она принципиально отличается от пушкинской? Если да, то в чём состоят эти принципиальные отличия?
- 9.* Можно ли «Мцыри» назвать философской поэмой?
10. Рассмотр и иллюстрацию (с. 136). Как ты думаешь, художник изобразил мцыри в монастыре или на воле? Объясни свою мысль.

Мы узнаём человека, изображённого на портрете, сразу — **Николай Васильевич Гоголь** (1809—1852), ведь это лицо знакомо нам с самого раннего детства, — точно так же, как лица Пушкина и Лермонтова. И, конечно, ты прекрасно помнишь прочитанный в 6 классе рассказ «Ночь перед Рождеством» из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Гоголь мог бы считаться классиком не только русской, но и украинской литературы. Ты ведь, наверное, знаешь, что во времена Гоголя многие украинские писатели языком прозы избирали русский. Сам Тарас Григорьевич Шевченко писал стихи по-украински, а прозу — по-русски. Гоголь стихов не писал, но в двух первых сборниках его прозы — «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» — есть немало истинно поэтических страниц, которыми Николай Васильевич, сам уроженец Миргородского уезда Полтавской губернии, навек прославил родные места...

Мы говорим о поэтических страницах, а могли бы назвать их лирическими. Ведь проза Гоголя — полная противоположность пушкинской, где редко встретишь какое бы то ни было «отступление». Гоголь же — истинный мастер лирических отступлений в прозе. Своему последнему художественному произведению «Мёртвые души» он даёт жанровый подзаголовок — поэма.

Изучая повесть Гоголя «Тарас Бульба», мы продолжим разговор о народных песнях, былинах и думах, об их особенностях и о мечте любого писателя создать нечто подобное: произведение, которое могло бы «уйти в народ».

Правда, в своей литературной молодости Гоголь считал, что самый большой шанс «уйти в народ» имеют его смешные повести. В августе 1831 года Гоголь сообщал в письме к Пушкину, что только что посетил типографию, где печатается его книжка «Вечера на хуторе близ Диканьки», и что, по отзыву типографского начальника («фактора»), помещённые в ней «штучки... наборщикам принесли большую забаву».

Н. В. Гоголь

В сентябре книжка вышла из печати. А уже 3 октября появилась очередная номер «Литературных прибавлений к «Русскому Инвалиду»¹. В нём читателю внушалась мысль о том, что в современной русской литературе ничего нет смешнее гоголевских «Вечеров...», причём рецензент ссылаясь на авторитет Пушкина, а Пушкин, в свою очередь, на авторитет тех самых наборщиков, о которых ему рассказал сам Гоголь. И это не говоря уже о том, что и от своего собственного лица авторитетный 32-летний Пушкин в своём письме в редакцию засвидетельствовал «высокое качество» смеха 22-летнего Гоголя: «Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности».

Поначалу и вторая книга гоголевских повестей на темы украинской жизни — «Миргород» — задумывалась, прежде всего, как весёлая и смешная. Но в это же самое время Гоголь увлекается историей своей родной Украины, её песнями и думами. У него появляется мысль отразить в «Миргороде» и эту сторону украинской жизни — её традиции и славное прошлое. Уже в 1832 году Гоголь начинает писать повесть «Гетман» из жизни казаков-запорожцев, но ему недостаёт яркого сюжета.

В октябре 1832 года в тех же самых «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду», идейно близких пушкинско-гоголевскому кругу и внимательно в нём читаемых, появляется перевод нового рассказа известного французского писателя Проспера Меримé. Это произведение называется «Маттéo Фальконé», по имени главного героя, убившего своего сына за предательство. Сюжет Мериме так заинтересовал Гоголя, что он решил перенести его на историческую почву Украины. Так возник замысел исторической повести «Тарас Бульба».

Сначала понимая слово «повесть» в пушкинском смысле (короткий рассказ, позволяющий всё время держать читателя в напряжении и завершающийся быстрой и неожиданной кульминацией-развязкой), Гоголь в процессе работы над «Тарасом Бульбой» постепенно создаёт повесть в современном понимании этого слова.

«Тарас Бульба» выделяется своими необычайно подробными историческими описаниями уже в составе сборника

¹ «Русский Инвалид» и «Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду» — газеты, издававшиеся в пушкинскую эпоху в Санкт-Петербурге. Их главный редактор А. Ф. Воейков, одноклассник В. А. Жуковского и муж А. Протасовой, поддерживал тесное общение с А. С. Пушкиным и его кругом, поэтому «Литературные прибавления...» отображали мнение и вкусы этого круга.

«Миргород» (1835). Однако с выходом сборника работа над повестью не прекратилась и продолжалась вплоть до 1842 года, когда вторая редакция, то есть новый вариант «Тараса Бульбы» был напечатан почти одновременно с прозаической поэмой «Мёртвые души». По количеству и характеру лирических отступлений этот вариант «Тараса Бульбы», который мы теперь и читаем как окончательный, тоже вполне мог бы претендовать называться поэмой.

Впрочем, жанр повести, и особенно исторической повести, в русской литературе 30—40-х годов XIX столетия, под влиянием возросшего интереса писателей и читателей к реальной исторической действительности, существенно меняется не только по объёму. Повесть в этом новом смысле начинает отличаться от «повести» в традиционном, пушкинском, смысле. Сам Пушкин в последний год своей жизни опубликовал «Капитанскую дочку», которую ты будешь изучать в следующем году и увидишь, что эта повесть «в новом роде» существенно отличается от «Повестей Белкина».

В современном значении повесть — это прозаическое художественное произведение среднего объёма. В повести обычно изображается картина жизни нескольких персонажей на протяжении длительного времени и на широком историческом и бытовом фоне, который, как правило, не менее важен для повествователя, чем изображаемые им герои.

Историческая повесть — одна из широко распространённых жанровых разновидностей повести не только в XIX, но и в XX веке. В последнем разделе этого учебника ты прочтёшь главы из повести Анатолия Алексина «В тылу как в тылу»: она повествует о событиях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и написана гораздо позднее, но не только поэтому является именно исторической повестью. Гораздо важнее, что автор, изображая жизнь самых обычных людей, пытается осмыслить такие сложные исторические явления, как жизнь в тылу, взаимодействие фронта и тыла...

В исторических повестях часто встречается много грустного и даже трагического. Ведь простые люди, жизнью которых интересуются авторы повестей, на крутых поворотах истории погибают, мучаются, страдают. Наверное, любая правдивая историческая повесть должна была бы наполнять наши души безысходным отчаянием, если бы искреннее сострадание авторов их героям подспудно не внушало нам веру в конечную победу добра и справедливости.

Н. В. Гоголь пишет историческую повесть, где на фоне казачьего периода в истории Украины разворачивается жизнь полковника Тараса Бульбы и его семьи. Сыновья полковника

прибывают в родной дом после окончания курса обучения «наукам» в Киеве. Их мать, жена Тараса, рассчитывала, что сыновья какое-то время будут при ней, но сам полковник иного мнения: он на следующий же день вместе с сыновьями отправляется в Запорожскую Сечь.

Казаки воюют с поляками. Андрий, младший сын Тараса, ещё со своих студенческих киевских лет влюблён в красавицу-польку. Казаки осадили крепость. Польский гарнизон и население голодают. Ночью служанка красавицы-польки проникает в стан осаждающих крепость казаков и находит Андрия: она сообщает ему, что его возлюбленная в городе, что она умирает от голода. Недолго думая, Андрий уходит к полякам, чтобы спасти возлюбленную. *«Отчизна моя — ты»*, — говорит он ей в порыве страсти. *«И погиб казак...»* — так комментирует эту сцену повествователь в одном из лирических отступлений.

Андрий сражается на стороне поляков. Однажды в бою казаки, по просьбе Тараса, заманили Андрия в ловушку. Здесь поджидает его разгневанный отец. *«Я тебя породил, я тебя и убью!»* — с этими словами он убивает собственного сына.

Старший же сын Тараса, Остап, до последнего остаётся отцовской гордостью и образцом казацкой доблести. В неравном бою он был пленён и увезён в Варшаву. Тарас тщетно пытается спасти его. Единственное, что отец может сделать для сына, — это с риском для собственной жизни подать знак: он здесь, он всё видит и гордится стойкостью и мужеством Остапа в его последний час.

Но, увы, приближается последний час и самого Тараса. С мужеством и достоинством встречает его старый казак...

Таково краткое содержание повести, неизменное в обеих её редакциях. Однако во второй редакции поэма врывается в повесть. Герои отрываются от «грешной земли» и «презренной прозы», становясь грандиозными олицетворениями стихий и страстей. Повествователь воспекает родную Украину, а то и просто «вкладывает» напевные речи в уста героев. Будучи замечательным мастером слова, Гоголь на века запечатлевает поэтические образы украинской степи, исторической Украины, запорожского казачества. Тарас Бульба и его сыновья становятся поистине народными героями, подобными героям песен, дум и былин.

Прочитай отрывок из первой главы повести. Обрати внимание, как писатель использует украинские слова в русском тексте.

ТАРАС БУЛЬБА

ГЛАВА I

(Отрывок)

Бульба повёл сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных мониствах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрومتью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине бородатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине... Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвёртые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пёстрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время;

М. Дерзгус. Тарас Бульба

Е. Кибрик. Остап

приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов¹ били, и турков бы били, и татар-ву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как,

¹ *Бусурмён (басурман)* — в старину: иноземец, иноверец (преимущественно о мусульманине).

Е. Кибрик. Андрий

бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё старый, собака, знает, а ещё и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит¹ не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий. — Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтoб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! — И старый Бульба мало-

¹ *Архимандрит* — монашеское звание (обычно настоятеля мужского монастыря), а также лицо, имеющее это звание.

помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозки, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счёту никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак¹, то козак».

1. Интересно ли тебе было читать описание внутреннего убранства (интерьера) украинской хаты наших предков эпохи Козаччины? Как ты думаешь, интересно ли это было читать современнику Гоголя, например, в Москве или в Петербурге, зарубежному читателю (произведения Н. В. Гоголя переведены на все основные языки мира)? Ответ аргументируй.
2. Как интерьер дома Бульбы характеризует его и его семью? Что можно сказать об их быте, вкусах, привычках, прочитав описание интерьера их дома?
3. Как повествователь относится к жене Бульбы? Подобное отношение характерно для эпохи Бульбы или для эпохи повествователя?
4. Как, по мнению повествователя, историческая действительность влияет на характер, взгляды, духовный мир живущего в ту или иную историческую эпоху?

¹ *Байра́к* — пригорок.

По мнению Гоголя, характер человека связан не только с исторической действительностью, но и с природой, среди которой человек родился, воспитан и живёт.

В пору работы над «Тарасом Бульбой» Гоголь написал набросок введения в историю Украины и напечатал его в своей книге «Арабески». Она вышла в свет в том же 1835 году, в котором была напечатана и книга «Миргород» с первой редакцией «Тараса Бульбы». В своих рассуждениях об истории Украины Гоголь утверждал, что «только народ, сильный жизнью и характером, ищет мощных местоположений» и что «только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ».

Итак, Бульба и его сыновья едут в Сечь, пересекая океан украинской степи, *«ещё не знавшей плуга»*...

Прочитай отрывок из второй главы повести. Обрати внимание на пейзаж и подумай о его значении для понимания характеров главных героев.

Н. В. Гоголь

ТАРАС БУЛЬБА

ГЛАВА II

(Отрывок)

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи чёрные шапки одни мелькали между её колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал наконец Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, пригнавшись к коням, пропали в траве. Уже и чёрных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Ново-

россию, до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козачков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёною; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щёк. Вся музыка, звучавшая днём, утихала и сменялась другою. Пёстрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили

себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, — всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу.

1. Докажи, что гоголевский пейзаж живописен, музыкален, кинематографичен¹. Какова роль пейзажа в художественном произведении?
2. Какими средствами автор повести показывает постепенные изменения пейзажа в зависимости от времени суток?
3. Какие чувства вызывает у тебя ночной пейзаж?

Глава

восемнадцатая

«Нет уж святее товарищества!»

Накануне решающей битвы под стенами осаждённой крепости Тарас говорит запорожскому войску речь о товариществе. Он уже знает, что Андрий изменил запорожскому товариществу и ушёл к полякам. Но ещё не верит, что его сын будет сражаться против своих...

Прочитай отрывок из девятой главы повести. Подумай о том, каковы причины поступка Тараса Бульбы.

Н. В. Гоголь

ТАРАС БУЛЬБА

ГЛАВА IX

(Отрывки)

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех

¹ Краткое прилагательное от *кинематографичный* — здесь: пригодный, подходящий для воспроизведения на киноплёнке, для кино.

была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седею головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные мёды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, и да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чёботом своим бьёт их в морду, дорожке для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившиеся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли быва-

лыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удачью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувствовавшего молодую жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами...

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамаки¹. Впереди других понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрее и молодой всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрее козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю

¹ Аргама́к — верховая лошадь восточной породы.

прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части; и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и падает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, все ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

1. Как и почему речь Тараса подействовала на его товарищей?
- 2.* Как ты думаешь, не обращался ли Тарас много раз с подобными речами и к Андрию? Если нет, то почему? Если да, почему на Андрия они не подействовали?
3. С кем сравнивается Андрий, выехавший на битву? Почему?
4. С кем сравнивается Андрий, увидавший перед собой отца? Почему «*в один миг пропал... гнев Андрия*»?
5. Почему вместо того, чтобы говорить с отцом, Андрий произносил имя возлюбленной?
6. Чем отличается реакция Остапа при виде мёртвого Андрия от реакции Тараса? Как уже по этим реакциям можно заключить, что за человек Тарас и что за человек Остап?
- 7*. Мог ли Остап изменить воинскому товариществу, полюбить «прекрасную полячку»?

Глава

девятнадцатая

«Да разве найдутся на свете
такие огни, муки и такая сила...»

Война жестока. На войне не бывает хорошо. Но хуже всего на войне тому, кому приходится выбирать между жизнями любимых людей, как это пришлось делать Андрию Бульбе.

Заморить голодом поляков в осаждённом городе?.. Но тогда умрёт любимая девушка. Спасти её?.. Но тогда тебя проклянут отец, брат, товарищи... Легко и даже интересно в мирное время рассуждать нам о том, как бы мы поступили на месте Андрия. Но не дай Бог никому оказаться на его месте!

Тут возникает ещё более интересный вопрос: а что делал бы Тарас Бульба, если бы не было войны, а был мир?.. Ответ нам известен из первой главы повести: он тосковал бы в мирной жизни, бранил жену, бил горшки и рвался бы из мирного дома — но куда?.. Конечно, на войну.

Интересно, что Гоголь отправляет Тараса в Запорожье как раз в тот самый момент, когда по всей Украине установился мир, о чём и сообщает ему кошевой атаман. Но слова о мире глубоко возмущают Тараса. «*Так, стало быть, следует, чтобы пропадала козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела?.. Так на что же мы живём, на какого чёрта мы живём, растолкуй ты мне это*», — в гневе кричит он атаману. А затем устраивает в Запорожье бунт, в результате чего кошевой атаман всё же вынужден нарушить мирные договоры с соседями и начать войну...

Прочитай последний эпизод повести — гибель Тараса — и подумай о том, как и для чего жил, как и во имя чего погиб этот человек.

ТАРАС БУЛЬБА

ГЛАВА XII

(Отрывок)

Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелий старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского позволения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно как на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донёс его слов.

— Вот, пропадут, пропадут ни за что! — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

— К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему

тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много даёт в сторону извивов. «А, товарищи! не куды пошло!» — сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули — и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конём за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конём своим и прямо грянулся на острые утёсы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал ростшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чёртовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых

Е. Кибрик.
Гибель Тараса Бульбы

камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несётся по нём, и много куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

1. Высоко ли Тарас Бульба ценил свою жизнь? Чем можно объяснить его отношение к жизни и смерти?
2. О чём думал Тарас в последние мгновения своей жизни?
3. Вспомни последние слова старика-пикта из баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд». Чем похожи старик-запорожец и старик-пикт? Чем ты можешь объяснить это сходство?
4. Рассмотрю рисунки на с. 155, 156, 157, 167. Помогли ли тебе иллюстрации Михаила Дерегуса и Евгения Кибрика к повести «Тарас Бульба» точнее представить её героев? На какие общие черты старого Тараса, Остапа и Андрия обратил внимание художник Е. Кибрик?

Мы помним из былин, что ещё в эпоху Киевской Руси народ мечтал о таких богатырях, которые защитят его свободу и мирный труд от захватчиков. И в древнерусских летописях запечатлены подвиги таких героев. И в украинских думах народ воспевал своих защитников-казаков... Подобными богатырскими образами древней литературы и фольклора навеян Гоголю характер Тараса Бульбы.

В образе Тараса Бульбы Гоголь хотел воссоздать, во-первых, исторический характер запорожского казака и, во-вторых, основные черты национального характера украинца: «Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы...», — пишет автор исторической повести о своём главном герое.

Так что же такое литературный характер?

Литературный характер — это образ человека в литературе.

Великие художественные произведения открывают нам столь «живые» человеческие характеры, что многие до сих пор убеждены в их реальности. Некоторые читатели — современники Гоголя — были убеждены, что некогда действительно жил запорожский полковник Тарас Бульба. А, например, в Лондоне, на Бейкер-стрит, существует музей сыщика по имени Шерлок Холмс, придуманного писателем А. Конан Дойлом. И в этот музей до сих пор приходят письма, адресованные великому сыщику и написанные новыми читателями книг о нём. Они уверены, что Шерлок Холмс не только жил, но и до сих пор живёт и работает по адресу, указанному в книге...

Конечно, пока читатель читает, он просто должен быть поглощён действием книги. Он должен хотя бы на некоторое время поверить в реальность всего происходящего и отнестись к персонажам художественного произведения именно так, как он относился бы к живым людям... И всё же полезно отличать литературный характер от реального. Ведь писатель, даже когда он «воссоздаёт» характер конкретного исторического лица, а уж тем более — когда придумывает никогда не существовавшего героя, всегда руководствуется своей фантазией и своим пониманием жизни.

Таким образом, литературный характер — и «меньше» и «больше», чем портрет одного лица. «Меньше» — потому что «портрет» этот, созданный средствами художественной литературы, будет субъективен, неточен. А «больше» — потому что характер литературного героя включает в себе не только индивидуальные черты какого-то одного человека, но и художественное обобщение. Он включает в себе и познание жизни, и её оценку, и образное представление о её возможностях и перспективах.

Каждый литературный жанр отражает лишь некую грань бытия. Но характеры литературных героев часто выходят живыми и многогранными. Это нас не удивит, если мы вернёмся к той мысли, с которой начинали эту книгу: цель художественной литературы — показать нам «всего» человека как живую личность.

1. Что такое литературный характер? Каковы принципиальные отличия между характером литературного героя и характером реально существующего или существовавшего человека?
2. Почему Гоголь был убеждён, что герой-запорожец должен выглядеть и вести себя так, как Тарас Бульба? На какие исторические и фольклорные источники опирался писатель? Оказали ли влияние на автора «Тараса Бульбы» литературные произведения его современников (например, Проспера Мериэ)?
3. Вспомни, откуда Р. Л. Стивенсон — автор баллады «Вересковый мёд» — мог узнать о героических поступках и характере пиктов.
- 4.* На примере сравнения запорожца Тараса Бульбы и старика пикта объясни, каким образом литературный характер совмещает в себе познание жизни, её оценку и образное представление о жизненных возможностях и перспективах.

Два «малых» жанра: рассказ и новелла

Глава первая

Рождение рассказчика

— Вот, Иван Иванович, хочу «Тараса Бульбу» в трагедию переложить...

С этими словами третьеклассник Таганрогской гимназии Антон Чехов появился на пороге лавки своего дальнего родственника купца Лободы.

— Я и понимаю, как это надо сделать, — продолжал Антоша, — да всё бы хотелось кой о чём совета спросить у знающих людей...

Третий класс гимназии второй половины XIX века по возрасту примерно соответствует современному седьмому классу. Стало быть, Антоша Чехов (школьное прозвище — Чехонте) — твой ровесник. Точно так же, как и ты, он только что закончил изучать «Тараса Бульбу». И вот решил с ним немного поэкспериментировать.

И каков, спросишь ты, результат эксперимента?..

Если говорить о *конечном* результате — он в том, что мы будем читать литературные произведения **Антон Павловича Чехова (1860—1904)**, который стал великим писателем.

А. П. Чехов

Ну, а если говорить о *ближайшем* результате, то им была трагедия «Тарас Бульба», которую дружная семья Чеховых общими усилиями написала и поставила на любительской сцене. Потом Антоша ещё и комедию написал, называлась — «Недаром курица пела»... А потом так вошёл во вкус, что стал писать рассказы.

Детей в семье Чеховых держали в большой строгости. Отца, Павла Егоровича Чехова, боялись все: и старшие братья Антоши — Александр и Николай, и младшие — Ваня и Миша, и даже сестра Маша, хотя ей, как девочке, от отца доставалось меньше всех. Отец был хозяином небольшой лавки и требовал, чтобы все дети по очереди обслуживали покупателей и при этом вовремя выполняли домашние задания и хорошо учились в гимназии. Все беды, как учил детей Павел Егорович, происходят от того, что дети не слушаются своих родителей. Сердясь на сыновей, он любил полушутя повторять слова Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Почему произошла беда с самим Павлом Егоровичем, точно неизвестно, но что-то не заладилось в его торговле. Он разорился, лавку отдал за долги и перебрался со всей семьёй в Москву. Только Антон, как раз тогда заканчивавший последний класс гимназии, остался ещё на год в Таганроге. С семнадцати лет у будущего писателя началась трудная самостоятельная жизнь, которая затем продолжилась в Москве.

Старшие братья — журналист Александр и художник Николай, будучи ещё студентами, самостоятельно зарабатывали себе на жизнь. Один писал рассказы в юмористические журналы, другой рисовал для тех же журналов смешные рисунки.

Своим заработком они поддерживали материально отца, мать, младших братьев и сестру. Антон, поступив на первый курс медицинского факультета Московского университета, не остался в стороне от этой новой семейной работы, которую было не так уж просто сочетать с учёбой на врача.

Во времена молодости Антона Чехова юмористические журналы были очень популярны. За чтением их горожане того времени проводили много свободного времени, как сейчас проводят перед телевизором.

Читатели обратили внимание на смешные рассказы, подписанные тоже смешно: *Антоша Чехонте*. Из обычной школьной клички родился литературный псевдоним. Уменьшительное имя *Антоша* намекало на то, что автор молод. И действительно, он был очень молод.

Первые рассказы Антона Чехова появились в журналах, когда автору было двадцать лет. Обычно он печатал несколько рассказов в неделю. И мастерство его из года в год росло.

Прочитай короткий рассказик, написанный А. П. Чеховым и напечатанный в петербургском юмористическом журнале «Осколки», когда автору было 23 года.

Антоша Чехонте

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги¹ встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом² и флёр-д'оранжем³. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчины и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

¹ Николаевская железная дорога — так до 1917 г. называлась железная дорога от Петербурга до Москвы.

² Херес — дорогое крепкое виноградное вино.

³ Флёр д'оранж — туалетная вода с лёгким приятным запахом.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка¹... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом² за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня Эфиальтом³ за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским асессором⁴ уже второй год и Станислава⁵ имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно⁶ из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте,

¹ *Лютеранка* — женщина лютеранского вероисповедания. Лютеранство (по имени основоположника протестантизма Мартина Лютера) — разновидность протестантизма, т.е. одной из трёх (наряду с православием и католицизмом) ветвей христианства. В России XIX века слово *лютеранин* по сути было синонимом слова *немец*, т.к. эту веру исповедовали в основном выходцы из Германии и их потомки.

² *Герострат* — древний грек, который в 356 г. до н.э. сжёг одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской с единственной целью: заставить человечество запомнить своё имя. Оно стало нарицательным именем честолюбца, добивающегося славы любой ценой.

³ *Эфиальт* — древний грек, который в 480 г. до н.э. показал завоевателям-персам одну из горных тропинок, ведущих в ещё не покорённую южную Грецию. Это позволило персам ударить в тыл греческому войску, охранявшему Фермопильский проход, считавшийся единственным сухопутным путём в южную Грецию. Имя Эфиальта стало нарицательным именем предателя.

⁴ *Коллежский асессор* — 8-й гражданский чин (класс) в Российской империи (всего было 14, высший — 1-й). Чин коллежского асессора получали, например, учителя гимназий.

⁵ *Станислав* — орден святого Станислава, которым награждались представители младших чинов.

⁶ *Приватно* — т.е. на дому, «частным образом».

С. Алимов. Рисунок к рассказу «Толстый и тонкий»

а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский¹? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше,— сказал толстый.— Я уже до тайного² дослужился... Две звезды³ имею.

¹ Статский (советник) — 5-й гражданский чин.

² Тайный (советник) — 3-й гражданский чин, соответствовавший военному званию генерал-лейтенанта. Лица, имевшие этот чин, могли занимать должности, например, заместителей (или, как это тогда называлось, «товарищей») министров, а также должности послов (посланников) — официальных представителей Российской империи в других государствах.

³ Две звезды — т.е. два ордена из тех, которыми награждали чиновников первых классов.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство¹... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1. Откуда толстый и тонкий знали друг друга? Давно ли они не виделись?
2. Какие чувства испытали толстый и тонкий в первый момент встречи? Найди и прочитай вслух отрывок текста, по которому можно судить об этих чувствах.
3. В какой момент изменил своё отношение к толстому тонкий и почему?
4. В какой момент изменил своё отношение к тонкому толстый и почему?
5. Что ты можешь сказать о знании истории Древней Греции русскими гимназистами XIX века? Свой ответ подтверди двумя деталями из чеховского рассказа.
6. Что могут поведать о персонажах рассказа их школьные прозвища? Можно ли сказать, что их характеры в основном сложились уже в гимназии? Может ли прозвище, полученное в школе, заставить человека задуматься о своём характере и изменить его?
7. Сколько лет сыну тонкого? Похож ли его характер на характер отца? Свой ответ подтверди тремя деталями из чеховского рассказа.

¹ *Ваше превосходительство* — официальное обращение к генералам и чиновникам первых классов.

Как видишь, в рассказе большую роль играет художественная деталь (от франц. *detail* — подробность) — подробность, черта или штрих, позволяющие автору художественного произведения дать яркое и глубокое представление о характере героя и изображаемом обществе.

1. Перечерти таблицу в тетрадь и «собери» все детали о толстом и тонком.

Художественные детали	Толстый	Тонкий
Как выглядел в начале рассказа?		
Чем от него пахло?		
Школьная кличка		
Семья		
Чин		
Ордена		
Как выглядел в конце?		

2. Как называются слова, противоположные по смыслу? Почему именно такие слова вынесены в заглавие рассказа?
3. Узнаёт ли читатель настоящие имена персонажей рассказа?
4. Почему автору рассказа оказалось недостаточно имён, данных родителями, и прозвищ, данных одноклассниками? Почему он придумал для персонажей свои собственные прозвища? Что эти прозвища говорят о внешнем виде и общественном положении персонажей рассказа?
5. Рассмотрите рисунок С. Алимова (с. 174). Какие художественные детали рассказа Чехова отражены в иллюстрации? Какие детали художник домыслил и изменил сам?

Глава вторая

Собиратель осколков

Десятки юмористических журналов печатались в России 80—90-х годов XIX века. Но самым популярным из них был журнал «Осколки», который издавал в Петербурге Николай Лейкин. Сам известный писатель-юморист, он быстро оценил перспективного юношу из Москвы Антошу Чехонте и доверил ему вести постоянную рубрику «Осколки московской жизни». В ней молодой юморист высмеивал глупость местных обывателей, грубость и беспринципность властей, бездарность некоторых «людей искусства» и т.п. Нажил себе немало врагов... Но зато был замечен читателями, которые полюбили Антошу Чехонте и всегда с нетерпением ждали его публикаций.

Именно в «Осколки» молодой Чехов отсылал и самые удачные свои рассказы. Там впервые увидели свет и «Толстый и тонкий», и «Хамелеон».

За что же любили читатели рассказы Антоши Чехонте?..

На этот вопрос можно ответить только вопросом. Как ты думаешь, какова была жизнь тонкого, т.е. чиновника 8-го класса Порфирия, его жены Луизы и их сына, гимназиста третьего класса Нафанаила?..

Человеку XXI века этого вообще не понять. Сейчас жизнь меняется очень быстро. Разве ты не уверен, что будешь жить совсем не так, как твой отец?.. Если не уверен, то спроси его, и он тебе, скорей всего, скажет, что живёт совсем иначе, чем жил его отец. А потому предполагает (или надеется), что и ты будешь жить лучше, чем он...

В XIX веке жизнь, конечно, тоже менялась. Но очень медленно. И потому сын «тонкого» вряд ли мог себе представить такую жизнь, которая не была бы похожа на жизнь его отца. Звать его будут Нафанаил Порфирьевич, служить он будет с утра до вечера и дослужится до чиновника 8-го... нет, пожалуй, 7-го класса. А если помечтать — то и до 6-го... Всю жизнь проживёт в одном городе. Ну, а если вдруг переведут по службе в другой — навьючится чемоданами, узлами и картонками и отправится в «путешествие»...

Вот от такой скучной перспективы гимназисты, их матери и отцы читали юмористические журналы. Юмористов нынче десятки и сотни. Представь, во времена Чехова их было не меньше. И в те времена рассмешить читателя было не легче, чем нынче — зрителя. Когда юмора много, он приедается, шутки поневоле повторяются. Люди в таком случае начинают ждать от юмористов чего-нибудь *особенно* смешного — или *по-новому* смешного.

К моменту появления таких рассказов, как «Толстый и тонкий», читатели «Осколков» устали от... осколков. Ведь в названии, которое Лейкин придумал для своего журнала, была заложена некая идея. Состояла она примерно в следующем: время крупных событий и ярких личностей прошло безвозвратно. Мир распался на мелочи — «осколки». Эти «осколки» следует подбирать и посмеиваться над ними, а то и высмеивать.

Может, сто, а может, двести раз юмористы до Чехонте успели посмеяться над каким-нибудь несчастным Порфирием, который, встретив Михаила, показавшегося ему сильным и значительным, согнулся перед ним «в три погибели»... А некоторые юмористы, считавшиеся самыми смелыми, пытались писать о том, что общество несовершенно и что жить так

больше нельзя... Тут, правда, вмешивалась цензура — и подобные произведения не доходили до читателя.

Полагалось считать, что в России процветают закон и право и что русское общество бодро верит в свои перспективы. В 60—80-е годы XIX века прошли реформы Александра II, установившие формальное равенство всех перед законом. Крепостное право отменено. *«Нынче все равны...»* — кричит Хрюкин, «золотых дел мастер» (т.е. ремесленник-ювелир), один из героев рассказа Чехова «Хамелеон». И он же кричит: *«Нынче не велено кусаться...»* Вот и цензоры так считали. Произведения слишком «кусачих» авторов они из журналов регулярно вырезали...

В рассказе «Толстый и тонкий» цензор не заметил никаких непозволительных намёков. Рассказ благополучно попадает в очередной номер «Осколков», а этот номер — на журнальный столик в квартире чиновника 8-го класса, и он читает как бы о себе самом. И вдруг, всего на одной журнальной странице, где помещается всего лишь очередной «осколок», читатель видит всю свою жизнь, от гимназии до пенсии: настолько «говорящие» детали подобрал автор, настолько точно сумел он «выстроить» главную антитезу!..

Смеётся ли читатель?.. Да, он смеётся. Поди удержишься от смеха, когда так живо представлено это «окаменение» тонкого, узнавшего чин толстого!.. И горький этот смех словно снимает камень с его души. Может, и сам он не «окаменеет» при следующей встрече с высоким начальством?.. Это вряд ли. Но что будет с нетерпением ждать следующей встречи с Антошей Чехонте — это точно.

Прочитай рассказ «Хамелеон» и объясни смысл названия.

Антоша Чехонте

ХАМЕЛЕОН¹

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполненным конфискованным³ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

¹ *Хамелеон* — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² *Городовой* — низший чин полицейской охраны в городе.

³ *Конфискованный* — от *конфисковать*; здесь: отобрать, отнять.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит выпешисанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

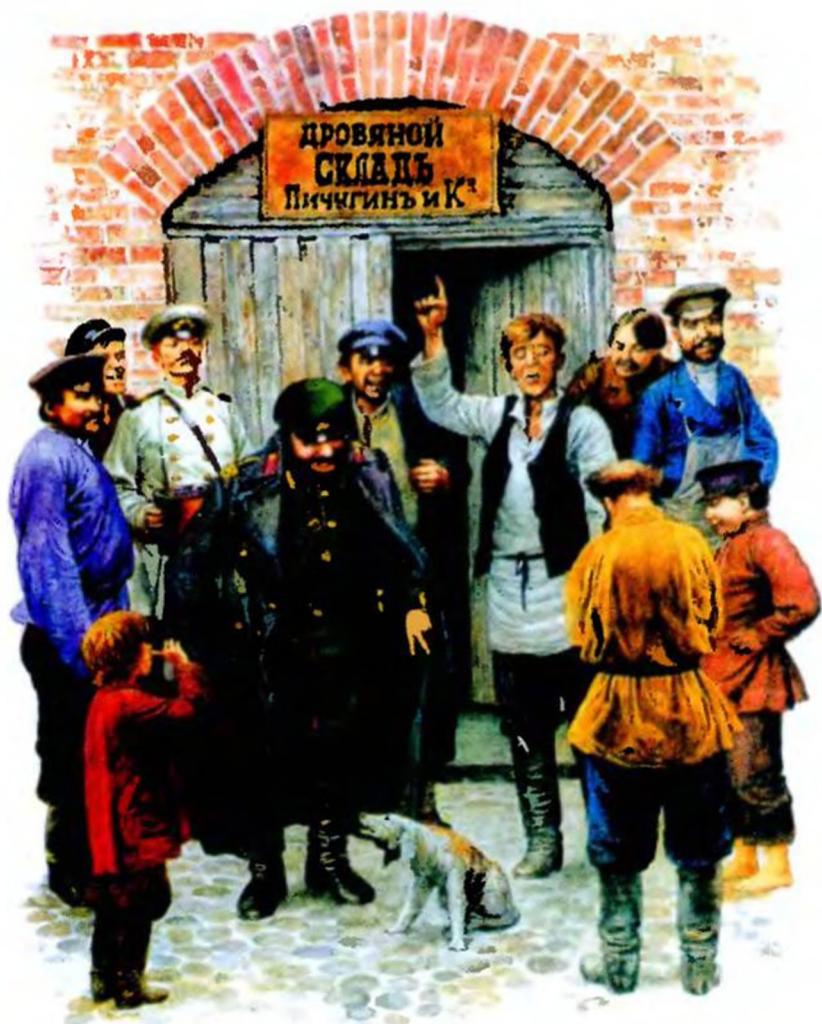
— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

¹ *Мировой* — судья, разбиравший единолично мелкие дела, устанавливавший мир между спорящими сторонами.

А. Дудин. Иллюстрация к рассказу «Хамелеон»

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намерднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи.... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1. Кто главный герой рассказа?
2. Какая повторяющаяся художественная деталь свидетельствует о мучительных переживаниях Очумелова?
3. Объясни, почему так переживает Очумелов. Какую ошибку он боится совершить?
4. Как Очумелов — полицейский надзиратель — надзирает за равенством всех перед законом?
5. Кого тебе было жалко, когда ты читал рассказ? Объясни, почему именно его.
6. Какие эпизоды или фразы вызвали твой смех при первом чтении рассказа? Прочти их вслух на уроке — так, чтобы весь класс смеялся.
7. Рассмотрите иллюстрацию к «Хамелеону» (с. 181). Какой эпизод рассказа изобразил художник?

Глава третья

«Не смешно, но остроумно»

Антоша Чехонте обратил на себя внимание не только читателей, но и писателей. Ему пытались подражать.

В архиве одного писателя-юмориста сохранилось письмо коллеги, написанное ровно через неделю после появления в «Осколках» рассказа «Хамелеон». В нём один юморист обращает внимание другого на то, что пока они пытаются «вопить», т. е. кричать, о несовершенстве общества, Чехонте старается смешить читателя и имеет у него успех: «Да и нам с тобой ведь смешное нравится? Точно так же нравится оно и другим. Возьмём пример с Чехонте. В рассказе «Хамелеон» есть вопиание, но если и не смешное, то крайне остроумное и оригинальное. Так нужно стараться и нам. Это труднее. Одни резкие слова ставить куда легче».

Так каким же должен быть хороший юмористический рассказ? И что это вообще такое — юмор? Всё ли смешно, что остроумно? Всё ли остроумно, что смешно?

Интересно, что все хотят быть остроумными. Но не всем это удаётся. Тем, кто ищет короткий путь к смеху, стоит вспомнить, что это — щекотка. Шутки по принципу «чем глупее, тем смешнее» быстро надоедают, да к тому же и небезопасны:

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни...

Остроумен не тот, кто делает что-нибудь «для смеха». Остроумие — это острый ум.

«Юмор, — говорил замечательный юморист XX века Зиновий Паперный, — это расшалившееся сознание... Конечно, потом оно опомнится, как разыгравшийся ребёнок при виде учителя. Впрочем, иногда юмор не только шалит, как дитя, но и дерзит своему учителю. Это уже сатира».

Но об отличиях юмора и сатиры мы подробнее поговорим в старших классах. Пока лишь заметим, что те современные Чехову юмористы или сатирики, которые только и умели, что «резкие слова ставить», недаром так разволновались при появлении рассказов Чехонте. Он ведь действительно умел смешить. Он оттачивал смешные детали, был настоящим мастером смеха. Вот почему так важно читать рассказы Антоши Чехонте: они развивают наше чувство юмора. Читатель, как и писатель, чувство юмора оттачивает постепенно.

Студент-медик Антоша Чехонте пользовался своим острым умом, как скальпелем, оперируя опухоли и нарывы современного ему общества. Эти опухоли и нарывы — общественные и человеческие пороки: всеобщая трусость, малодушие, унижение и самоунижение людей, хамство и чиновничество. Вскрывая эти пороки, писатель пользуется юмором, как обезболивающим. Смех для него — не самоцель. В этом смысле и нужно понимать оценку современника: «Не смешно, но остроумно».

Выпиши из этой главы все вопросы, попытайся дать на них краткие ответы: своими словами или цитатами из самой главы.

Глава четвёртая

«...Ничего случайного не бывает», или Рассказ о рассказе

Зачем читают рассказы? Какие ожидания связывает читатель с этим жанром?..

Рассказы мы отличаем от сказок, от легенд, от баллад, требуя, чтобы в рассказе было всё, как в жизни. Казалось бы, чего проще: запиши реальные события и будет рассказ. Но мы уже

знаем, что это далеко не так. На примере рассказов молодого (или, как говорят литературоведы, раннего) Чехова мы видели, что настоящий мастер рассказа, художник слова, лишь искусно придаёт своему произведению *видимость схождения с бытовой сценкой*, которую он якобы «случайно подсмотрел»...

И *диалог* в истинно художественном рассказе на слух совершенно не отличается от того, как люди говорят в жизни, часто не слыша собеседника. Далеко не всегда в разговоре можно услышать что-то новое и интересное. То же самое можно сказать и о героях юмористических рассказов Чехова. Много ли умных мыслей высказали персонажи «Хамелеона», «Толстого и тонкого»? Но вот что удивительно: из их диалогов мы можем узнать очень много нового и интересного!

Как же это получается?

Оказывается, всё дело в *умении слушать*. Внимательно слушая человека, узнаёшь не только, *что* он говорит, но и *зачем* он это говорит и *каков он сам*.

Так слушает писатель. В речи человека он замечает важные, но порой едва уловимые *детали*, в которых проявляется *характер*. Когда ты заполнял таблицу (с. 176), ты заносил в неё только те художественные детали, которые даны в авторском описании персонажей, и те факты, которые герои сообщали друг другу. Но оказывается, художественные детали могут быть заложены и в речевой манере персонажа. У каждого человека есть свои неповторимые особенности речи. Слегка укрупняя их в речи своих персонажей, писатель учит нас внимательно вслушиваться в человеческую речь.

Ты уже знаешь, что в рассказе может быть (а может и не быть) *портрет* персонажа, т.е. описание его внешности (в авторской речи, словами другого персонажа и даже словами самого описываемого — *автопортрет*). Но, кроме описания внешности, важную роль в рассказе играет *речевой портрет* персонажа (или, что то же самое, его *речевая характеристика*).

Вот, например, тонкий. Человек он болтливый, многословный. Всё время говорит одно и то же...

Толстый — друг детства тонкого. Этот простой факт за пять минут беседы тонкий успевает сообщить трижды! Но значение сообщения каждый раз — разное.

«Миша! Друг детства!» — искренняя радость.

«Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!» — попытка заинтересовать сына, «высокого гимназиста с прищуренным глазом». Почему он «с прищуренным глазом»?.. А это у него такое выражение лица бывалого, всё знающего и всех презирающего мужчины лет тринадцати: мол, не учите, папаша, меня жить! И вот «папаша» таким

образом пытается ему сказать, что и он был гимназистом, и у него были в гимназии друзья. Что сын «папашу должен слушать» хотя бы уже потому, что «папаша» нормальный, «свой», но только у него больше опыта.

«Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с!» — это уже какая-то странная фраза (а ведь первые два примера были вполне нормальные!). Во-первых, она «с прицепом» -с, т. е. с сокращённым обращением *сударь*. Так в XIX веке нижние чины обращались к высшим. В само выражение *друг детства* теперь встряли смешные и нелепые вводные слова: *можно сказать*. Конечно, это *можно* сказать, раз оба рады встрече и оба признали друг в друге *друга детства*. Но, узнав, что толстый «вышел в такие вельможи», привыкший к чинопочитанию тонкий теперь уже *боится* прямо назвать его другом детства.

В. И. Даль, который незадолго до начала литературной работы Чехова закончил составление своего толкового словаря, утверждал в нём, что слово *вельможа* происходит от *вельмоваться* — «величаться, важничать, кичиться» — и означает «особу знатного рода и звания либо высокого сана; вообще человека важного и знатного». Интересно, что сам толстый поначалу вовсе не собирался «величаться, важничать, кичиться» перед другом детства. Его речь оставляет самое благоприятное впечатление человека воспитанного, благожелательного. Таков, во всяком случае, его речевой портрет в рассказе. И только нелепое поведение тонкого заставляет толстого прервать разговор.

И ещё одна важная деталь, уже не речи, а поведения. На прощание толстый вполне по-человечески подаёт руку, хотя в его кругу была принята хамская манера подавать низшим чинам только два или три пальца. Но «тонкий пожал три пальца», как и полагалось ему «по чину»...

На том и толстый, и автор рассказа расстаются с тонким и его семейством, о котором последняя фраза рассказа сообщает: «Все трое были приятно ошеломлены».

Вот и всё, рассказ окончен. Что же такого интересного сообщил нам рассказчик?.. Что на вокзале встретились друзья детства?.. Или — в «Хамелеоне» — что полицейский разобрал жалобу ювелира на покусавшую его собаку?.. Да можно ли вообще подобный эпизод назвать важным именем — **событие**?

И опять ответим вопросом на вопрос: а что это вообще такое — **событие**?

Как ты помнишь, в предыдущем разделе *бытие* поворачивалось к нам своими многообразными гранями. Теперь сам язык подсказывает: *событие* — *со-бытие*! Одно бытие встреча-

ет другое бытие — и у них какое-то время совершается со-бытие. Потом они расходятся в разные стороны, и на этом со-бытие, т. е. событие, заканчивается. Теперь о нём можно рассказать.

Представь себе студента Антона Чехова, который в ожидании поезда случайно подсмотрел сценку встречи старых друзей на вокзале. Или, идя по улице, подошёл полюбопытствовать, отчего собралась толпа... Через пять минут толстый и тонкий разошлись в разные стороны — и забыли друг о друге. А через неделю палец укушенного ювелира зажил — и он тоже забыл о событии.

А вот рассказы об этих людях и собаке живут себе и живут. И учат читателя не только тому, что не надо тыкать «цыгаркой» в собачью морду «для смеха». Они учат его видеть и слышать других людей, но главное — себя самого: единственного виновника и слёз, и смеха в своей жизни...

Итак, у рассказа как литературного жанра есть свои признаки и своя цель. Рассказ — это, как правило, повествование об обыденном эпизоде из жизни одного или двух персонажей. Задерживая внимание читателя на этом эпизоде при помощи художественных деталей, автор рассказа стремится найти и показать важные, с его точки зрения, особенности жизни и поведения людей.

Чехов так однажды сформулировал то «общее», что объединяет искусство и жизнь: «*В искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает*».

Это — точка зрения рассказчика. В следующих главах этого раздела ты познакомишься с противоположной точкой зрения. Но, может быть, стоит прислушаться и к рассказчику?.. И когда с тобой произойдёт очередная «случайность» — остановиться на минутку и подумать: а вдруг в этой случайности есть какая-то закономерность?

1. Чем художественный рассказ отличается от обычного бытового рассказа?
2. Что такое *речевой портрет* (речевая характеристика) персонажа?
3. Как автор рассказа «Хамелеон» использовал приём речевой характеристики для создания образов Очумелова и Хрюкина? Приведи примеры из речи того и другого, на основании которых можно судить об их характерах.
- 4*. Прокомментируй последнюю фразу рассказа «Толстый и тонкий»: «*Все трое были приятно ошеломлены*». Почему именно на этой фразе автор решил закончить свой рассказ?
5. Расскажи о признаках принадлежности произведения к жанру рассказа и о цели любого художественного рассказа. Докажи, что «Толстый и тонкий», «Хамелеон» или любое другое короткое произведение Чехова принадлежат именно к жанру рассказа.

Какой праздник ты любишь больше всего? Наверное, Новый год и Рождество. И что ты представляешь себе, когда думаешь о Рождестве? Конечно же, чудеса, подарки, зиму и ёлку.

В нашей стране Новый год и Рождество по традиции воспринимаются как один длинный праздник. Только Новый год у нас празднуют по новому стилю, а Рождество — по старому — 7 января. Вот и получается, что Рождество следует после Нового года. В Западной Европе и Америке Новый год часто вообще не празднуют, отмечают только Рождество — 25 декабря по новому стилю. И ёлку ставят на Рождество, а на Новый год уже убирают. И всё чудесное, праздничное происходит в понимании жителя Западной Европы и Америки именно на Рождество, а не на Новый год.

Ты, конечно же, знаешь, почему Рождество называется Рождеством. Когда Иисус родился в Иудее, в маленьком городе Вифлееме, в хлеву, поклониться Ему пришли пастухи и волхвы, то есть мудрецы, которые ждали рождения Иудейского Царя. Они нашли Его, следуя за яркой звездой. Вот как описывает это событие Библия:

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

— Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка:

«И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдёт Вождь, Который упасёт народ Мой Израиля».

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды.

И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно развейте о Младенце и, когда найдёте, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою.

И, вошедши в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его, и

падши поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан¹ и смирну².

И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путём отошли в страну свою.

(Евангелие от Матфея, гл. 2, ст. 1—12)

1. Как волхвы узнали, что родился Иудейский Царь и где он родился?
2. Почему встревожился царь Ирод, что он задумал?
- 3.* Какие дары принесли волхвы Младенцу? Как ты думаешь, почему именно эти?
4. Почему волхвы не сказали Ироду, где Младенец?

С тех самых пор, как более двух тысяч лет назад родился Иисус Христос, а волхвы не выдали Его царю Ироду, этот день связывается у людей с ощущением чуда, какого-то необычного, из ряда вон выходящего события. Ты прочтёшь два произведения двух разных авторов, действие в которых происходит на Рождество. Оба автора описывают из ряда вон выходящее событие, случившееся только однажды с героями и, как вспышка, озарившее всю их жизнь.

✓ Авторы этих рождественских рассказов писали на английском языке, но один из них, Конан Дойл, был англичанином, а второй — О. Генри — американцем. И жили они в одно время: в конце XIX — начале XX века.

Жизнь О. Генри чем-то напоминает жизнь Чехова: он тоже вынужден был зарабатывать на жизнь, публикуя свои произведения в журналах. Причём и от Чехова, и от О. Генри требовали рассказов смешных, потому что именно это нравилось читателям. Ещё обоих авторов отличает кропотливая работа над языком произведений, деталями.

Но на любви к деталям сходство О. Генри с Чеховым, пожалуй, заканчивается.

Вот как описывает работу О. Генри его приятель. Однажды О. Генри писал всю ночь и закончил рассказ к полудню.

Минут десять первого он разбудил меня:

— Вы заспались. А я дежурю, — сказал он.

¹ *Ладан* — так арабы называли благоухающую смолу растения, растущего в Палестине. Она выглядит как роса. Эту смолу поджигали для воскурений Богу.

² *Смирна, мирра* — сильно благоухающая смола миррового дерева, растущего в Аравии и Эфиопии. Она употреблялась для изготовления священного елея (масла), притирания и курения Богу, для бальзамирования мёртвых.

Когда я вошёл в его комнату, большой стол, за которым он писал, был весь покрыт листами бумаги. По всему полу были рассыпаны исписанные лоскутья бумаги.

На вопрос, всегда ли он так работает, Генри выдвинул ящик конторки:

— Посмотрите сюда.— Он показал на толстую груду бумаг, усеянных его крупным почерком...

Предварительных набросков он обычно не делал — садился писать тогда, когда рассказ совершенно складывался у него в голове; но работа над языком шла сложная: О. Генри был тщательным художником. Он трудился, как невольник, над словарём. Он пристально всматривался в каждое слово, смакуя каждый новый его оттенок. Как-то раз он сидел за своим столом спиной ко мне. Он писал с невероятной быстротой, точно слова сами собой бежали с его пера. Вдруг он остановился. С полчаса сидел молча, и вдруг обернулся, удивившись, что я ещё здесь.

— Вам хочется пить? Пойдёмте.

— Билл (моё любопытство увеличилось), вы ни о чём не думаете, когда сидите вот так?

Вопрос, по-видимому, показался ему забавным:

— Нет. Мне приходится разбираться в значении слов...

О. Генри — это псевдоним **Уильяма Сидни Портера** (1862—1910), американского писателя. Родился он 11 сентября 1862 в Гринсборо (штат Северная Каролина). В двадцатилетнем возрасте переехал в Техас, поселился в г. Остине. Сменив множество профессий (аптекарь, ковбой, продавец и т.п.), стал кассиром в Первом национальном банке, одновременно занимаясь журналистикой. В июле 1887 женился на Атол Эсте. В 1896, подозреваемый в растрате, бежал в Гондурас, где ждал приезда жены с маленькой дочерью. Однако Атол умирала от туберкулёза, и в 1897 Портер вернулся в Остин. Годом позже он был признан виновным и приговорён к пяти годам заключения (всего провёл в тюрьме три с половиной года).

Выполняя возложенные на него обязанности тюремного фармацевта, Портер получил возможность заниматься литературой и начал печататься под псевдонимом О. Генри. Когда в июле 1901 года Портер вышел на свободу, у него уже была своя читательская аудитория. Он переехал в Нью-Йорк, зажил на широкую ногу и был постоянно в долгу перед своими издателями. По этой причине самыми продуктивными были 1904—1905 годы, когда

О. Генри

он писал по рассказу в день для газеты «Санди уорлд» («Sanday World»). Умер писатель в Нью-Йорке 5 июня 1910.

Смешные истории американца О. Генри очень любят наши читатели. Тебе и самому понравятся весёлые рассказы о безобидных мошенниках, непослушных детях и бедняках, которым повезло. Почти у всех историй О. Генри хороший конец. Некоторые учёные-литературоведы считают: дело здесь в том, что О. Генри — американец и писал для американцев. Американцы не мыслят жизни без счастливого конца. Такая вот национальная черта, которую требовали воплощать в произведениях издатели журналов, работодатели О. Генри: изображай какие угодно несчастья и мошенничества, только бы всё хорошо закончилось. Потому что для американского сознания очень важен конец, и именно счастливый, несмотря ни на что.

История, случившаяся на Рождество, которую ты сейчас прочитаешь, заканчивается тоже хорошо и неожиданно.

Читая рождественскую историю О. Генри, не воспринимай её героев как нищих, которым нечего есть. У них просто нет лишних денег, денег на развлечения. Тогда ты правильно поймёшь смысл этой истории.

Читая произведение, отметь все случаи упоминания автором о волхвах и все упоминания о котлетах.

О. Генри

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присо-

вокуплялась карточка с надписью: «*М-р Джеймс Диллингхем Юнг*». «*Диллингхем*» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «*Диллингхем*» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «*Д*»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «*Джим!*» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг¹, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Её Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская² проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у

¹ *Миссис Джеймс Диллингхем Юнг* — по традиции в Америке и Англии замужнюю женщину называют по имени её мужа.

² *Царица Савская* — знатная и могущественная царица, жившая во времена царя Соломона и поклонившаяся его мудрости и богатству.

окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон¹ служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блёстками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Бывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос*». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прощу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец, она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепно

¹ Царь Соломон — самый богатый и мудрый царь своего времени. Царствовал примерно с 1015 по 975 г. до н. э.

Нью-Йорк начала XX в.

ны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место пред-усмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причинённые великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась круты-ми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взгля-дом.

«Ну,— сказала она себе,— если Джим не убьёт меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Ко-ни-Айленда¹. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскалённая сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

¹ *Кони-Айленд* — район Нью-Йорка.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У неё была привычка обращаться к богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело в двадцать два года быть обременённым семьёй! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер¹, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Не читая дальше, попробуй догадаться, почему у Джимми такое странное выражение лица, какова будет развязка этой истории.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердись, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты **о**стригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоумённо оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдёшь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал

¹ Сеттер — порода охотничьей собаки.

серьёзно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намёки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот свёрток, и тогда ты поймёшь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их возделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котёнок, и воскликнула:

— Ах, Боже мой!

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах её бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

Теперь ты уже наверняка догадался, почему Джим не достал свои часы. Ответ на этот вопрос, а потом читай дальше.

— Делл, — сказал он, — придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

Перевод Е. Калашниковой

1. Как ты считаешь, эта история о серьёзном или о смешном? Ответ объясни.
2. Вернёмся к заданию перед историей «Дары волхвов». Если ты выполнил его правильно, ты нашёл три упоминания о котлетах. В двух случаях это упоминание должно вызывать у читателя смех (если у тебя не вызывает, значит, ты невнимателен к деталям). Кто упоминает о котлетах в двух случаях и почему это смешно?
3. Найди в тексте первое упоминание о волхвах и реши математическую задачу в этом же абзаце. Каков переносный смысл этой задачи? Ведь дело не в математике!
4. Волхвы принесли родившемуся младенцу самое дорогое, что существовало тогда на земле (например, сосуд со смирной стоил целое состояние). Как ты думаешь, были ли волхвы богатыми людьми, или они отдали всё, что у них было?
5. Вспомни, что означает каждый дар волхвов, и объясни такую фразу: *«И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности»*.
6. Найди в последнем абзаце истории «Дары волхвов» два антонима, характеризующих интеллектуальные способности героев. Как сочетаются эти слова? В чём же мудрость героев?
7. Почему в последнем предложении герои названы волхвами?
8. Рассмотрите фото Нью-Йорка начала XX века (с. 193), когда происходит действие в истории О. Генри. Так ли ты представлял себе дом и улицу, где живёт герой? Ответ объясни.

Как ты думаешь, к какому жанру принадлежит история О. Генри «Дары волхвов»? Построй свой ответ по такой схеме: это повесть (не повесть), потому что...

это рассказ (не рассказ), потому что...

В результате рассуждений ты должен был прийти к выводу, что литературный жанр произведения «Дары волхвов» — это, скорее всего, рассказ: здесь только два героя, не считая мадам, купившей волосы Деллы; показан один эпизод из жизни героев: вечер накануне Рождества; произведение невелико по объёму. Три перечисленных признака вполне соответствуют признакам рассказа.

1. Найди в четвёртой главе этого раздела учебника определение рассказа и объясни, какому признаку рассказа не соответствует произведение «Дары волхвов».
2. Если ты считаешь, что событие, случившееся с Деллой и Джимом, не обыденное — ты совершенно прав. Не каждый день человек расстаётся с самым дорогим и важным для него.
3. Внимателен ли ты к художественным деталям? Что было самым ценным у четы Диллингхем? Запомнил ли ты, в чём ценность часов Джима и как хороши волосы Деллы?

Согласись, не каждый день человек продаёт единственные золотые часы, доставшиеся по наследству от отца и деда, не каждый день девушка расстаётся с роскошными волосами. Это событие необычное, «неслыханное происшествие». Такие события никак не могут быть интересны для автора рассказа, для которого главное — через обыденный эпизод найти важные особенности жизни и поведения людей, раскрыть их характеры, но, кроме всего, показать особенности жизни всего общества, как в рассказах «Толстый и тонкий» и «Хамелеон». Иными словами, многие чиновники современной Чехову России поступили бы при встрече так, как толстый и тонкий. Многие жандармы поступили бы так, как Очумелов, и мучились бы теми же сомнениями.

Совсем другая задача у автора произведения «Дары волхвов». Из множества бедных молодых семей едва ли нашлась бы ещё одна, пожертвовавшая своими драгоценностями во имя любви именно таким образом (не говоря уже о том, что трудно найти девушку с такими волосами и бедняка с такими часами). А потому история Деллы и Джима, как новость, должна была бы облететь всех их знакомых и знакомых их знакомых. Вот так примерно они могли бы рассказывать эту новость:

--- Приходит бедный муж, продавший золотые часы, домой с подарком для любимой жены — гребнями в косы. А жена,

представь, продала волосы, чтобы купить мужу цепочку для часов. Вот смеху-то!

Новелла (по-итальянски *novella* — новелла) — это литературный жанр, повествующий об одном неслыханном происшествии, которое становится озарением в жизни героев, помогает им понять себя или друг друга. Во всём же остальном она похожа на рассказ.

1. Какая часть новеллы особенно важна для понимания её смысла?
2. Запиши свой ответ и прочти, как отвечает на этот вопрос учёный.

«Новелла должна строиться на основе какого-нибудь противоречия, несовпадения, ошибки, контраста и т. д. Но этого мало. По самому своему существу новелла... накапливает весь свой вес *к концу*. Как метательный снаряд, брошенный с аэроплана, она должна стремительно лететь книзу, чтобы со всей силой ударить своим остриём в нужную точку», — писал замечательный русский литературовед Борис Эйхенбаум.

Новеллист Эдгар По, которого ты, возможно, знаешь как автора «Золотого жука», даже имел обыкновение писать свои истории с конца.

Конец новеллы должен быть всегда неожиданным, иначе теряется её смысл. Но неожиданный конец далеко не всегда смешной.

Прочитай рассуждение литературоведа Б. Эйхенбаума о неожиданном конце (развязке) новелл О. Генри:

«Принцип неожиданной развязки сам по себе ведёт к тому, что развязка эта должна быть благополучной или даже комической. Так в «Повестях Белкина» Пушкина, так и у Генри. Трагическая неожиданность очень принята в жизненном обиходе, но зато она и влечёт за собой ропот на судьбу. В искусстве ропотать не на кого — никто не заставляет художника соперничать с судьбой, хотя бы и на бумаге. Трагическая развязка требует специальной мотивировки (виной, роком или «характером», как обычно в трагедии), — вот почему она естественнее в... романе, чем в сюжетной новелле. Читатель должен заранее примириться с нею, понимать её логическую неизбежность, а для этого она должна быть тщательно подготовлена, — так, чтобы ударение падало не на *результат* (т. е. иначе говоря — не на самый конец), а на *движение* к нему. Благополучные концы у Генри, как и в «Повестях Белкина», — вовсе не вынужденный ответ на «заказ» американской публики, как об этом принято говорить, а естественное следствие принципа неожиданной развязки, не совместимого в сюжетной новелле с детальной мотивировкой. Поэтому же и в кино так редки и так парадоксальны трагические концы — психологическая мотивировка слишком чужда природе кино».

Вспомни, как в предыдущей главе мы объясняли, почему у новелл О. Генри всегда счастливый конец. Как это объясняет Борис Эйхенбаум? С какой точкой зрения согласен ты?

Новелла и рассказ так похожи между собой, что иногда трудно провести грань между ними. Так что даже сами учёные иногда называют новеллы рассказами и наоборот. Многие авторы рассказов в конце концов становятся новеллистами и наоборот — авторы новелл иногда пишут рассказы.

Характерно, что рассказы русских писателей часто неинтересны, например, американским читателям: им не хватает остроты, неожиданности, скорости развития событий (динамики). А также им неинтересны всегда сопровождающие рассказ комментарии, касающиеся жизни общества.

Ничего этого нет в новелле, поэтому она *интернациональна*. Такие же Джим и Делла могли бы жить в Москве и называться Ваня и Маша — от этого смысл новеллы ничуть не пострадает. Между тем, толстого и тонкого в Нью-Йорке представить нельзя: не было там ни чинов, ни рангов, ни таких гимназий, ни таких проблем.

Новелла не так проста, как можно себе представить: в ней всегда должна быть какая-нибудь философская или психологическая идея, как в «Дарах волхвов». Джим и Делла — это не просто герои смешной и неожиданной истории, это — волхвы. И читатель должен разобраться, почему они волхвы. Можно, конечно, пропустить все фрагменты о волхвах и прочитать только о бедных влюблённых, но это будет уже не новелла.

Перечертите в тетрадь таблицу и распределите в нужные колонки следующие утверждения, имеющие отношение к рассказу, новелле или тому и другому.

Общее для рассказа и новеллы	Относящееся к рассказу	Относящееся к новелле

Небольшое по объёму произведение.

Строится на основе противоречия, несовпадения, ошибки.

Изображены одно или несколько событий в жизни героя, сыгравшие важную роль в его судьбе.

Обыденный эпизод из жизни одного или нескольких персонажей.

Важны художественные детали.

Повествует об одном неслыханном происшествии.

Охватывает небольшой промежуток времени.

Самое важное — это развязка, конец.

Несколько действующих лиц.

Переводится как «новость».

Конец, как правило, счастливый.

С помощью художественных деталей раскрываются особенности жизни и поведения людей.

Часто бывают философские рассуждения.

Как правило, интернационален (интернациональна).

Как ты думаешь, если у всех жителей земли, умеющих читать, спросить, что им читать интереснее — рассказ или новеллу, — что ответит большинство? Правильно: новеллу. А почему?

Потому что рассказ нужно читать ради самого рассказа, а новеллу, если читать её не совсем правильно, можно читать только ради того, чем же она закончится. И если обычно, читая художественную литературу, ты пропускаешь пейзажи, портреты и рассуждения героев, то значит, что читать ты на самом деле не умеешь и никогда не поймёшь, зачем произведение написано. Но есть одно исключение — это детектив. В детективе, конечно, тоже есть описания природы и внешности, но они так важны для развития сюжета, что ты их не пропустишь.

Детектив (от английского слова, которое переводится как «следователь») — художественное произведение, в основе сюжета которого лежит раскрытие сложных и запутанных тайн, загадочных преступлений, исключительных обстоятельств, которые сыграли роковую роль в судьбе персонажей. Слово *детектив* означает и самого человека, решающего детективную задачу, сыщика.

Детектив — развлекательная литература для взрослых, или *беллетристика*. Если ты никогда не читал детективов, то обязательно прочтёшь один из лучших детективных рассказов в следующих главах, и обязательно полюбишь детективы. Лучше читать детективы, чем ничего не читать, но плохо, когда человек читает одни детективы. С любителями только детективов боролся ещё самый знаменитый автор детективов — Артур Конан Дойл.

Жизнь Артура Конан Дойла, ровесника Чехова и О. Генри, имеет много общего с жизнью их обоих, особенно Чехова. Как и Чехов, Конан Дойл родился в многодетной семье, в которой было семеро детей; выучился на врача, как и Чехов; оставил врачебную практику ради литературы, как и Чехов; считал именно литературу своим призванием и работал в разных жанрах: писал и исторические романы, и приключенческие рассказы, и фантастические произведения, и пьесы, и детективы, причём детективы — поневоле.

Артур Игнатиус Конан Дойл (1859—1930) родился в столице Шотландии Эдинбурге. Его отец был талантливым художником и архитектором, мать любила сочинять интересные истории. Не от неё ли унаследовал Артур страсть к рассказыванию историй?

В девять лет мальчика отдали в школу. Это была закрытая престижная католическая школа. Порядки в ней были суровые,

для непослушных применяли телесные наказания. В то время родители думали, что чем строже воспитывать ребёнка, тем большего он добьётся в жизни. Сочинять разные истории Конан Дойл начал ещё в школе.

Его жизнь была полна приключений. С одной стороны, Артур всё время был вынужден зарабатывать деньги, чтобы помогать своей большой семье, с другой — заботиться о младших братьях и сёстрах. Учась на медицинском факультете, он работал аптекарем, помощником врача, ради заработка печатался в журналах, а в 20 лет вообще стал единственным

кормильцем в семье, так как его отец тяжело заболел. Конан Дойл был корабельным врачом на судах, ходивших в Арктику и в Африку. Все свои путешествия Конан Дойл описывал в многочисленных произведениях, которые далеко не всегда соглашались печатать издатели и за которые совсем мало платили. В течение жизни Конан Дойл побывал во Франции, Швейцарии, США, Египте, путешествовал по Нилу. Он участвовал в англо-бурской войне в Южной Африке в 1899 году как доброволец и врач, за что король Эдуард VII присвоил ему рыцарский титул. Конан Дойл в конце жизни побывал ещё и в Австралии, Голландии, Дании, Швеции и Норвегии.

В 27 лет Конан Дойл написал первое своё произведение о Шерлоке Холмсе. Популярность пришла к писателю, когда ему было 35 лет. Он написал шесть рассказов о Шерлоке Холмсе, и этот образ ему изрядно надоел. Но, как ни странно, издатели заинтересовались не серьёзными историческими романами, а именно рассказами о Шерлоке Холмсе, и стали предлагать за них огромные деньги. В конце концов, Конан Дойл решает убить своего героя. Двадцать тысяч подписчиков журнала, в котором был напечатан рассказ о смерти Шерлока Холмса, отказались от подписки.

Через несколько лет Конан Дойл воскрешает Шерлока Холмса, но не потому, что соскучился по нему, а потому, что нуждается в деньгах.

Интересно, что увлечение Конан Дойла Шерлоком Холмсом спасло от наказания двух осуждённых. Конан Дойл, пользуясь методами Шерлока Холмса, доказал Скотленд-ярду (английской полиции) их невиновность.

А. Конан Дойл

Кадр из фильма
«Приключения Шерлока
Холмса и доктора
Ватсона»

Конан Дойл предусмотрительно поселил своего героя на Бейкер-стрит в дом 221б, который не существует на самом деле. Но поклонники любимого героя так хотели посмотреть, где живёт Шерлок Холмс, что в соседнем доме, на Бейкер-стрит 221а, пришлось сделать музей-квартиру Шерлока Холмса. Там можно побывать и сейчас, увидеть знаменитые два кресла, в которых сидели великий сыщик и его друг и помощник доктор Уотсон. В некото-

рых книгах ты прочтёшь, что доктора звали Ватсон. Не удивляйся, современные правила предлагают переводить его фамилию как Уотсон, но в конце XIX — начале XX века такую фамилию писали Ватсон, так что это написание осталось по традиции.

Если ты хочешь представить себе, как выглядели Шерлок Холмс и доктор Уотсон, посмотри фильм «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», в котором Холмса играет актёр Василий Ливанов, а Ватсона — актёр Виталий Соломин. Даже англичане признали, что наши Холмс и Ватсон больше всего похожи на «настоящих».

✓ Герои Конан Дойла сидят в креслах на Бейкер-стрит, курят трубки, читают газеты и ждут посетителей. И каждый новый посетитель означает начало новой детективной истории. Одна из таких историй случилась как раз под Рождество, как и в новелле О. Генри «Дары волхвов». В этой истории, которая называется «Голубой карбункул¹», никто не убит, как это часто бывает в детективах, кроме одного рождественского гуся, которому с рождения была уготована такая участь.

Когда читаешь детективную историю, всегда представляешь себя в роли детектива. Первая часть истории «Голубой карбункул», по сути, является отдельной детективной задачей. Проследи за тем, как её решает профессионал — мистер Шерлок Холмс.

А. Конан Дойл

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На третий день Рождества зашёл я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате: по правую руку от него была подставка для трубок,

¹ Карбункул — драгоценный камень, обычно так называют рубин.

а по левую — груда помятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько, — ответил он. — Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, — он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, — связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, — заметил я. — Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

✓ — Нет, — засмеялся Шерлок Холмс, — тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкуются на площади в несколько квадратных миль¹. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Еще бы! — воскликнул я. — Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего незаконного.

— Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассечённой губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он нашёл её. Владелец её неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьёзную задачу... Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день

¹ Милья — 1,6 километра.

Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона на кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идёт какой-то высокий субъект и несёт на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперёд, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и послышный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся¹...

— ...которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

— В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живёт несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принёс мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его всё же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унёс гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

• — Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путём размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного фетра?

¹ *Рождественский гусь* — в Западной Европе и в Англии традиционное рождественское блюдо — жареный гусь.

— Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел её в руках. Самая обыкновенная чёрная круглая шляпа, жёсткая, сильно поношенная. Шёлковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу,— сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, видите, но не даёте себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать её проницательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не всё достаточно ясно,— заметил он,— но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец её — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали чёрные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустил, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку,— быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила...

— Дорогой Холмс...

— Но в какой-то степени он ещё сохранил своё достоинство,— продолжал Холмс, не обращая внимания на моё восклицание.— Он ведёт сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Это человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения¹.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я всё рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

¹ ...У него в доме нет газового освещения — в описываемое время улицы и городские квартиры Лондона освещались газовыми фонарями и светильниками, в некоторых же квартирах не было и такого освещения, комнаты освещали по старинке свечами.

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умён?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и упёрлась в переносицу.

— Видите, какой размер! — сказал он. — Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шёлковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она, — сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. — Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь её от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустил ся. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

— Всё это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — всё станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная — серая и жёсткая, а домашняя — бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней её стороне говорят о том, как быстро потеет её владелец, потому что он не привык много двигаться.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нёс гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

— У вас на всё готов ответ. Но откуда вы знаете, что в его доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, — может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Вы согласны со мною?

— Да, всё это очень остроумно, — смеясь, сказал я. — Но, как вы сами сказали, тут ещё нет преступления. Никто не пострадал — разве что человек, потерявший гуся, — значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату влетел Питерсон; щёки у него буквально пылали от волнения.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбуждённое лицо Питерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на тёмной ладони, точно электрическая искра.

Холмс присвистнул и опустился на кушетку.

— Честное слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который...

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Узнаю камень по описаниям, последнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймсе». Камень этот единственный в своём роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумлённо тараща на нас глаза.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать,— сказал Холмс,— что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен»,— заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинён Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьёзны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчёт.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разглядел её, сложил пополам и прочитал следующее:

КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТИ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решётки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нём, ни у него дома. Кэтрин Кьюсек, горничная графини, показала, что, услышав крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся и горячо доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду присяжных. Хорнер, всё время выказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда.

1. С какой целью Конан Дойл делает временем своей истории Рождество? Имеет ли для него такое же значение суть праздника Рождества, как для О. Генри?
2. Какова площадь и население Лондона времён Шерлока Холмса? С каким предметом сравнивает сыщик свой город?
3. Какой необычный предмет попадает в дом Холмса? Кто приносит его и почему?

4. Шерлок Холмс считает, что видеть и размышлять о том, что видишь — это разные вещи. Проследи за ходом мыслей сыщика и заполни таблицу, перечертив её в тетрадь.

Особенности шляпы	К каким выводам они приводят Холмса

5. Какую загадку таил в себе гусь и кто её обнаружил?
6. Перескажи историю, связанную с пронажей голубого карбункула.

Глава

Восьмая

Суть дедуктивного метода Холмса

Конан Дойл был человеком разносторонних интересов, но при этом человеком глубоким. Его очень интересовал метод, который он придумал для своего героя — дедуктивный метод. То есть дедуктивный метод как научный метод придумал, конечно, не Конан Дойл, но вот сделать дедуктивный метод сутью детективного расследования пришло в голову именно ему. В чём же суть дедуктивного метода Холмса?

Конан Дойл раскрывает её в одном из ранних произведений о Шерлоке Холмсе — повести «Знак четырёх». Впоследствии писатель часто обращался к описанию этого метода, как и в истории с голубым карбункулом.

Если ты внимательно заполнил таблицу (см. задание 4), то и сам смог понять, как действует этот метод. *Дедуктивный метод* — это исследования общих правил, позволяющие сделать частные выводы. Например, общее правило: уличная пыль серая и жёсткая, а домашняя бурая и мягкая; частный вывод: если на шляпе бурая и мягкая пыль, она всё время висит дома, значит, её хозяин редко гуляет на улице.

Шерлок Холмс считает, что каждый человек способен разгадывать загадки, подобные загадке со шляпой, а значит — и преступления. Он объясняет доктору Уотсону: *«Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение»*.

Таким образом, для Шерлока Холмса нет предметов неинтересных: каждый предмет таит в себе серьёзную задачу. Даже обычный рождественский гусь.

1. Приведи несколько примеров дедуктивных умозаключений из собственной жизни по такой схеме:

факт: с улицы я вижу, что в нашей квартире горит свет;

общее правило: когда человек приходит вечером домой и на улице темно, он зажигает свет;

частный вывод: моя мама уже дома, потому что в нашей квартире горит свет.

2. Прочитай рассказ до конца.

А. Конан Дойл

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

(Продолжение)

— Гм! Вот и всё, что даёт нам полицейский суд, — задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. — Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный zob. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьёзно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путём не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напишете в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гудж-стрит найдены гусь и чёрная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, двести двадцать один, «б» в шесть тридцать». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чём. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию... Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандарт», «Эхо» — во всех, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и принесите его мне.

Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушёл, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он. — Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет ещё и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амой, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока гран¹ кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведёт людей в тюрьму и на виселицу! Я запрю камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер невиновен?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер замешан в это дело?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чём. Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Всё очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь². Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть её зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застёгнутом до подбородка сюртуке, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

¹ Гран — мера веса, в английской системе мер равен 64,8 мг.

² Я обедаю в семь — обычно англичане завтракают в 8 часов утра, в 12—14 у них ланч — второй завтрак, в 17 (5 часов) — файв оклок (чай), в 19 (7 часов вечера) — самый плотный за сутки приём пищи — обед, в 22 — лёгкий ужин.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринуждённым радушием видом, который он так умело напускал на себя. — Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму... Уотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и лёгкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нём был порыжелый сюртук, застёгнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, — сказал Холмс. — Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущённо усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, — сказал он. — Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу и птицу, и не хотел тратить деньги попустому.

— Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть? — Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

— Да ведь он всё равно испортился бы, — продолжал Холмс. — Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегчённо вздохнув.

— Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и zob, так что, если захотите...

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моём приключении, — сказал он. — Право, не знаю, на что мне могут пригодиться *dissecta tembra*¹ моего покойного знакомого! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами.

¹ Останки (лат.).

— Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, — сказал он. — Кстати, не скажете ли вы мне, где достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр, — сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся. — Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. В этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по несколько пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, — ведь неудобно солидному человеку в моём возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушёл...

— С Генри Бейкером покончено, — сказал Холмс, закрыв за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звёзды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Чётко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уигмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошёл в бар и заказал две кружки пива краснощёкому трактирщику в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, — сказал Холмс.

— Моих гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлён.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

— А, понимаю. Но, видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брекинридж.

— Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

— А теперь к мистеру Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на мороз и застёгивая пальто. — Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к другому её концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдём же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холёными бакенбардами, помогал мальчику запереть ставни.

— Добрый вечер! Каков морозец, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы? — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привёл торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, — к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продаёт вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось на моём месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «Где гуси?», «У кого вы купили гусей?», «Кому вы продали гусей?». Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошёлся, когда слушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! — небрежно сказал Холмс. — Не хотите говорить —

не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской!¹ — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пелёнок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедить в этом.

— Хотите пари?

— Это значило бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть соверен, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл, — сказал он.

Мальчишка принёс две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик, — сказал торговец, — я считал, что сегодня распродаю всех гусей, но, ей-ей, бог занёс ко мне в лавку ещё одного. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в гроссбухе, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите её вслух.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, сто семнадцать, страница двести сорок девять», — прочёл Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте двести сорок девятую страницу в гроссбухе.

Холмс открыл указанную страницу: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндигейту, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

¹ Гусь-то городской — в Лондоне было много частных домиков, которые мало чем отличались от деревенских.

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчён. Вынув со-
верен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вы-
шел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько
шагов, он остановился под фонарём и рассмеялся своим особен-
ным — весёлым и беззвучным — смехом.

— Если у человека такие бакенбарды и такой красный пла-
ток в кармане, у него можно выудить всё что угодно, предло-
жив ему пари, — сказал он. — Я утверждаю, что и за сто фунтов
мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения,
какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон,
мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам
осталось решить, — пойдём ли мы к этой миссис Окшотт сей-
час или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна
ясно, что этим делом интересуется ещё кто-то и я...

Громкий шум, донёсшийся внезапно из лавки, которую мы
только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернув-
шись, мы увидели в жёлтом свете качающейся лампы какого-
то невысокого краснолицего человека. Брекинридж, стоя в
дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас, и ваших гусей! — орал Брекин-
ридж. — Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы ещё раз суне-
тесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку.
Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы-то тут при
чём? Ваших, что ли, я купил гусей?

— Нет, но всё же один из них мой, — захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда с миссис Окшотт!

— Она мне велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит!
Убирайтесь отсюда! — Он яростно бросился вперёд, и челове-
чек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придётся идти на Брикстон-
роуд, — прошептал Холмс. — Пойдём посмотрим, не пригодит-
ся ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг
освещённых ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и
положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при
свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим
голосом.

— Извините меня, — мягко сказал Холмс, — но я случайно
слышал, что вы спрашивали у этого торговца. Я думаю, что
могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то,
чего не знают другие.

— О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю всё. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — вскричал человек, протягивая дрожащие руки. — Я просто не могу выразить, как всё это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, — сказал он. — Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста: кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон, — сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно настоящее имя, — ласково сказал Холмс. — Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щёки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае, — сказал он, — моё имя — Джеймс Райдер.

— Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам всё, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждёт ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостинной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнёс ни слова. Но спутник наш так учащённо дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс. — Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетёное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займёмся вашим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с чёрной полосой на хвосте...

Райдер затрепетал от волнения.

— О сэр! — вскричал он. — Вы можете сказать, где находится этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

— Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он съёл яичко — прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искажённым лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Шерлок Холмс. — Держитесь крепче на ногах, не то упадёте в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он ещё не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личности!

Райдер едва держался на ногах, но коньяк вызвал у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти всё, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И всё-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нём Кэтрин Кьюсек, — ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю, горничная её сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличён в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут от каминной решётки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюсек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушёл, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого....

Тут Райдер внезапно сполз на ковёр и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради Бога, сжальтесь надо мной! — закричал он. — Подумайте о моём отце, о моей матери. Это убьёт их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите его до суда!

— Ступайте на место,— сурово сказал Холмс.— Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он неповинен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадёт...

— Гм! Мы ещё потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер провёл языком по пересохшим губам.

— Я расскажу всю правду,— сказал он.— Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придёт в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живёт на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошёл на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модсли, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моём жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире...

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству я получу от неё отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нём пронести камень. Во дворе был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошёл в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла

узнать, в чём дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству, я и пробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, — сказала она, — мы так и называли его: «Гусь Джеймса». Вон тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, один нам, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги, — сказал я. — Но если тебе всё равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тяжелее, по крайней мере, фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, я бы сейчас и взял его с собой».

«Твоё дело, — сказала сестра обиженно. — Какого же ты хочешь взять?»

«Вон того белого, с чёрной полосой на хвосте... Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понёс птицу в Килберн. Я рассказал своему приятелю обо всём — он из тех, с которыми можно говорить без стеснения. Он хохотал до упаду, потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка, и камня нет. Я бросил гуся, пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор — гусей там не было.

«Где гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинриджу на Ковент-Гарден».

«А был среди гусей один с полосатым хвостом — такой же, какого я взял?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял всё и со всех ног помчался к этому самому Брекинриджу. Но он уже распродав гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошёл с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот... теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! — Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Потом наступило долгое молчание, лишь слышны были тяжёлые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь дверь.

- Убирайтесь! — проговорил он.
- Что? Сэр, да благословит вас небо!
- Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донёлся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон, — сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, — я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится, — он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму и он не развяжется с ней всю жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить её — само по себе награда. Если вы будете любезны и позволите, мы немедленно займёмся новым «исследованием», в котором опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.

Перевод М. и Н. Чуковских

1. Какие шаги по розыску владельца шляпы предлагает предпринять Шерлок Холмс?
2. Как Шерлок Холмс проверяет, замешан ли Генри Бейкер в дело похищения карбункула?
3. Шерлок Холмс дважды путит по поводу птиц: гуся и куропатки. Найди эти шутки и объясни их.
4. Как Шерлоку Холмсу удалось проследить историю рождественского гуся?
5. Какой случай помог сыщику найти Джеймса Райдера, укравшего драгоценный камень? Если бы не этот случай, как бы Холмс мог выйти на его след?
6. Какое словосочетание употребляет Шерлок Холмс для характеристики Джеймса Райдера и почему? Какой это троп? Найди в тексте и прочитай портрет Джеймса Райдера.
7. Каковы черты характера преступника? Какие его поступки свидетельствуют об этом?
8. Почему Холмс говорит, что из Джеймса Райдера получится порядочный негодяй? В каком аморальном проступке, кроме воровства, Холмс обвиняет Райдера?
9. Какие черты характера Холмса раскрываются в общении с Генри Бейкером и с Джеймсом Райдером? Почему сыщик не принимает благодарности от Райдера?
10. Как Холмс объясняет Уотсону, почему он отпустил преступника?
11. Как ты думаешь, что Холмс сделал с голубым карбункулом? Пишет ли об этом Конан Дойл? Ответ объясни.

12. Как Райдер хотел обмануть самого ловкого сыщика в мире? Какое неожиданное событие ему помешало?
13. Если бы не эта неожиданность, получился бы детективный сюжет?
14. Если ты ответил на два последних вопроса, тебе нетрудно будет определить жанр детектива «Голубой карбункул».

Глава девятая

Суть детективного метода Конан Дойла

Эта детективная история скорее новелла, чем рассказ. В ней важен эффект неожиданного конца, ведь читатель до последней страницы не знает, как карбункул попал в зоб гуся и кто украл его у графини. Происшествие, о котором повествуется, действительно неслыханное, ведь ты никогда не слышал о том, чтобы в гусе нашли драгоценность. Вообще-то любой детектив рассказывает о неслыханном происшествии, из ряда вон выходящем событии. Даже само определение детектива, данное в главе седьмой, похоже на определение новеллы.

Если у тебя дома есть сборник историй Конан Дойла, то они называются не новеллы, а рассказы. Так их называют по традиции. Популярны также такие детективные жанры, как повесть и роман. Но всё равно у них неожиданный конец и повествуют они о неслыханном приключении. По-другому в детективе и быть не может!

Шерлок Холмс, созданный Конан Дойлом, стал образцом сыщика, детектива, и все другие детективы других писателей считают его примером. Но жанр детективного произведения создал не Конан Дойл, а Эдгар По. Если ты читал его детектив «Золотой жук», то помнишь симпатичного сыщика Легрэна. Были у Эдгара По и другие детективные истории с французским рантье¹, скромным сыщиком-любителем Огюстом Дюпен-ом. Эдгар По недаром стал родоначальником детектива, ведь он был мастером новеллы!

Вот у другого мастера новеллы, О.Генри, детективов нет, зато он написал пародии на Шерлока Холмса — «Методы Шенрока Хольнса» и «Сыщики». Это детектив, доведённый до абсурда: сыщик вместо того, чтобы арестовать преступника, с которым он встречается в трактире, спешит записать в книжечку приметы, время встречи и т. д.; нагромождение ужасов, самые невероятные положения, неожиданности и превращения — одним словом, преувеличение всех детективных схем.

Да, у детектива есть определённая схема, иначе говоря — у всех детективов похожая композиция.

¹ Рантье — лицо, живущее на проценты с капитала или на доходы от ценных бумаг.

Завязкой в детективе всегда будет преступление, которое, обычно, уже произошло. Если трагедия заканчивается смертью героя, то в детективе чьей-то смертью всё только начинается. И в этом недостаток детектива. Помнишь, в седьмой главе тебе было обещано объяснение, почему плохо читать одни детективы. Да потому, что тогда человек будет читать о смертях, которые не трагичны, а просто становятся завязкой какой-нибудь детективной истории. Такой человек перестанет относиться к преступлению и гибели человека как к чему-то исключительному, а станет воспринимать их как явление обыденное. А в этом нет ничего хорошего.

Кульминацией детектива всегда будет поимка или разоблачение преступника, *развязкой* — рассказ сыщика о том, как он нашёл виновного. Кульминация и развязка в детективе иногда совпадают. Например, если сыщик раскрывает ход своих мыслей группе людей, среди которых есть преступник. Иногда в детективе бывает несколько кульминаций, если сыщик указывает на одного героя как на преступника, а потом объясняет, почему тот невиновен, и указывает на истинного виновника.

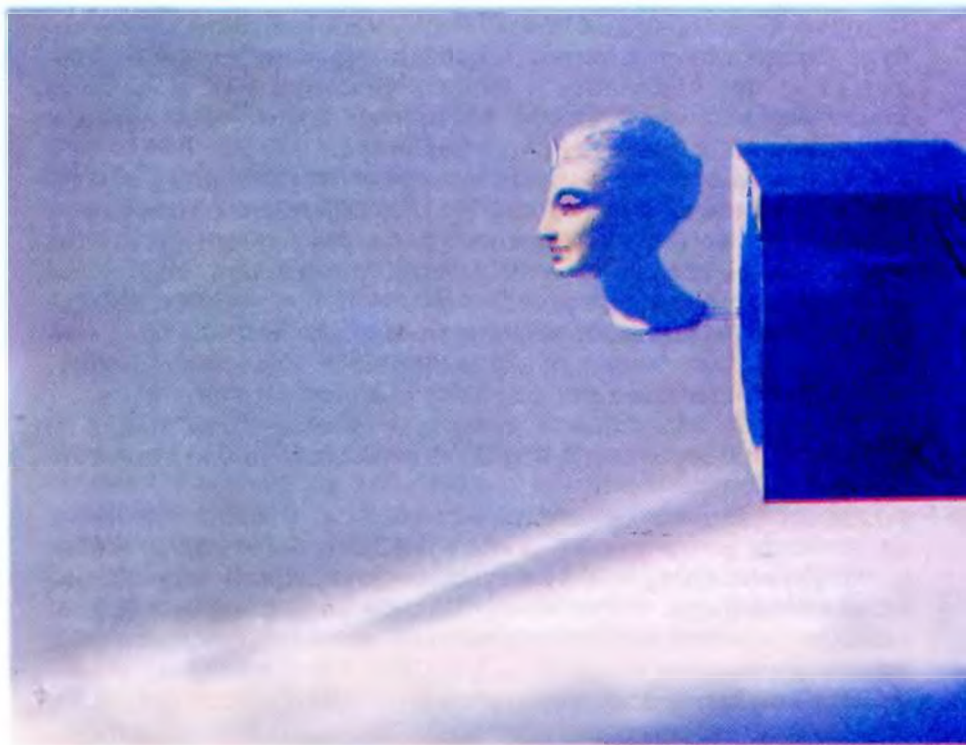
Развитие действия в детективе может быть довольно длинным, тогда речь идёт о детективной повести или детективном романе.

Очень важна в детективе *экспозиция*. Обычно именно в экспозиции автор прячет какие-то детали, без которых невозможно вычислить, кто преступник. Экспозиции в детективе может и не быть, особенно если читатель уже знает следователя (полисмана, частного детектива, адвоката, журналиста и пр.) из других рассказов.

При том, что у всех детективов похожая композиция, у них совершенно различные сюжеты.

Наверное, один из основоположников детектива Конан Дойл осознавал свою ответственность перед обществом за то, что привил ему равнодушие к преступлению и смерти, пусть даже и вымышленным, отношение к смерти как к загадке, головоломке. Так относился к ней Холмс. Поэтому Конан Дойлу необходим был образ очень мягкого и человеческого рассказчика, которого ужасает убийство и преступление. С этой задачей отлично справлялся доктор Уотсон.

1. Найди в детективном рассказе «Голубой карбункул» экспозицию, завязку, кульминацию и развязку.
2. Какие два образа связывают сюжеты всех историй о Шерлоке Холмсе?
3. Почему Конан Дойл писал детективы о Шерлоке Холмсе от имени друга своего героя доктора Уотсона? Что изменилось бы, если бы не было образа рассказчика?

Эпические и лирические жанры

Глава первая

Жизнь по законам военного времени

В первом разделе ты читал о войнах, которые вели наши предки во времена Древней Руси с соседними племенами и даже между собой. Это были часто несправедливые войны, но от них, как правило, не страдали мирные жители, потому что это их почти не касалось: князья отбирали друг у друга власть.

Совсем другое дело — войны с кочевниками (половцами и особенно монголо-татарами). Враги сжигали города, отказывавшиеся сдаться. Но города, сдавшиеся добровольно, они не

трогали! Правда, все большие города Древней Руси оказывали сопротивление монголо-татарам — русичи были вольнолюбивы.

Вторая мировая война 1939—1945 гг., частью которой стала Великая Отечественная война 1941—1945 гг., была самой страшной в истории человечества.

Её развязали немецкие фашисты, во главе которых стоял Адольф Гитлер. Фашизм — это особая идеология, когда один народ считает себя выше всех других, поэтому все другие народы должны стать рабами «избранных». Если кто-нибудь скажет тебе, что какой-то народ лучше другого — перед тобой фашист.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз, в состав которого входила Украина. Эта война отличалась от всех других тем, что главным врагом завоевателей становилось мирное население. Обычно в военных действиях принимали участие только воины, но для фашистов врагами были все — дети, старики, женщины.

В первые дни войны появилась песня «Священная война», слова которой написал В. Лебедев-Кумач. 24 июня 1941 года песня была уже опубликована в газетах. Музыку к ней написал композитор А. Александров. В этой песне фашисты называются ордой, то есть так, как называлось войско монголо-татар:

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!..

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!..

Встаёт страна огромная,
Встаёт на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

В 1941 году не было человека, которого не коснулась бы эта война. Внезапным и неожиданным было её начало. Люди жили так же, как сегодня живёшь ты, твоя семья и твои друзья. У каждого были свои дела и заботы, свои обязанности и надежды, свои мечты. Весь мир рухнул, когда началась война. Никто из живших в Советском Союзе не остался в стороне.

Вся жизнь страны была подчинена фронту: «Всё для фронта, всё для победы!». Тыл работал для фронта, фронт воевал для тыла. Десятилетние дети уже работали на заводах — и ждали своих отцов (а некоторые — и матерей) с войны. Старшеклассники уходили на фронт добровольцами.

Рассмотри рисунок. Какие детали указывают на то, что действие происходит в военное время? Почему девочка нарисовала детей со спины?

На заводе во время войны. Галя Чирва, 14 лет. 1975 г.

Фронтовики знали, что дома их ждут родные, и это помогало воевать и побеждать. Поэт Константин Симонов написал стихотворение о том, как важно ждать. По этому стихотворению в 1943 году сняли фильм о двух солдатах. Одного жена ждала — и он вернулся, а другого — нет, и он погиб. Так в фильме воплощена идея о неразрывной связи фронта и тыла.

1. Прочитай ещё раз отрывки из стихотворения «Священная война». Какие строфы похожи друг на друга? С какой целью автор использовал этот приём? Определи идею этого стихотворения.
2. Прочитай стихотворение Константина Симонова. Кто и к кому в нём обращается?

Константин Симонов

* * *

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Если ты решил, что в стихотворении автор обращается к своей жене, ты не совсем прав. Конечно, Симонов писал и о себе тоже, но не только о себе. Он создал *образ* воина, которого ждёт жена. Этот образ становится близким всякому читателю. Поэтому правильно сказать — герой стихотворения, *лирический герой*, обращается к любимой.

1. Какова идея стихотворения «Жди меня...»? В каком слове она заключена?
2. Кому противопоставлена жена или любимая лирического героя во второй строфе? Почему её ожидание для лирического героя важнее всего на свете?
3. Как можно «спасти» ожиданием? Как ты понимаешь последнее предложение стихотворения?
4. Вспомни, какие есть виды лирики. К какому из них относится стихотворение «Жди меня...»? А «Священная война»? Почему?
- 5*. Как ты думаешь, в годы Великой Отечественной войны было создано больше гражданской лирики или интимной? Обоснуй свою точку зрения.

Ответить на последний вопрос очень трудно. Вообще лирические жанры появляются тогда, когда у человека, по выражению русского поэта Николая Заболоцкого, «трудится душа». От того, в каком направлении она трудится, зависит вид лирического произведения. Если человек рассуждает в стихах о смысле жизни и бытия — получается философская лирика, если о любви, дружбе, взаимоотношениях с другими людьми — лирика будет интимной, если о своём месте в обществе, о своём долге перед ним — лирика гражданская, если описывает природу и своё восприятие природы — лирика пейзажная.

Казалось бы, в годы войны общественный долг защиты родины подчиняет все остальные стороны жизни человека, поэтому гражданской лирики становится больше. Но ведь именно в годы войны происходит больше разлук, случайных встреч, рождается крепкая дружба. Так что интимной лирики тоже становится больше. Лирики вообще становится больше, и часто в ней переплетаются и гражданские мотивы, и интимные. В повестях же и рассказах о войне обязательно тоже есть и гражданские, и интимные мотивы. Следующая глава ознакомит тебя с повестью, в которой есть такая героиня, которая в глубоком тылу ждала «всем смертям назло» своего мужа-воина.

Какие произведения о Великой Отечественной войне ты читал? Расскажи о своих впечатлениях в классе.

Автор повести «В тылу как в тылу» Анатолий Алексин (род. 1924 г.) написал трилогию «Прости меня, мама». Одной из повестей этой трилогии стала повесть «В тылу как в тылу». В этой повести много *автобиографического*. В годы войны Анатолий Алексин семнадцатилетним пошёл работать ответственным секретарём ежедневной газеты «Крепость обороны», издававшейся на таком строительстве гигантского оборонного завода, какое описано в повести «В тылу как в тылу». Мама будущего писателя работала там же по 12 часов в день, а после работы ещё проверяла, не допустил ли её сын ошибок в газете.

А. Алексин

Повесть имеет *подзаголовок* «Из воспоминаний Дмитрия Тихомирова». Возможно, сюжет повести Алексину подсказала чья-то жизнь. А может быть, Анатолий Алексин не хотел, чтобы читатели думали, что он описывает в повести себя. Ведь многое в ней придумано, не происходило на самом деле. Что правда, а что — вымысел, знает только сам писатель.

У повести есть *посвящение*: «Дорогой, незабвенной маме». Посвящение важно для идеи повести. Когда дочитаешь до конца, поймёшь, почему.

Читая повесть, сразу определи, в какое время происходит действие, от чьего имени ведётся повествование, как зовут родителей героя повести и кто такой Николай Евдокимович.

А. Алексин

В ТЫЛУ КАК В ТЫЛУ

(Из воспоминаний Дмитрия Тихомирова)

(В сокращении)

Дорогой, незабвенной маме

1

Годы... Они долгие, когда ещё впереди, когда предстоят. Но если большая часть пути уже пройдена, они кажутся до того

быстроходными, что с тревогой и грустью думаешь: «Неужели так мало осталось?»

Я не был в этом городе очень давно. Раньше приезжал часто, а потом... всё дела, всё дела.

На привокзальной площади я увидел те же осенние цветы в жестяных вёдрах и те же светло-зелёные машины, подпоясанные чёрными пашечками. Как прошлый раз, как и всегда... Будто не уезжал.

— Куда вам? — туго, с напряжением включив счётчик, спросил таксист.

— В город, — ответил я.

И поехал к маме, у которой (так уж случилось) не было около десяти лет.

В октябре сорок первого мы шли с ней по этой привокзальной площади в темноте, проваливаясь в ямы и лужи. Мама запретила мне притрагиваться к старомодному тяжеленному сундуку: «Это не для тебя. Надорвёшься!»

Как будто и во время войны одиннадцатилетний мог считаться ребёнком.

В канун нашего отъезда всех предупредили, что взять с собой можно «только одно место». Мама выбрала сундук, оббитый железными лентами. В нём, согласно домашней легенде, когда-то хранилось прабабушкино приданое.

Приданого, видимо, было много, потому что сундук мне казался бездонным. За одну ручку ухватилась мама, а за вторую — Николай Евдокимович. Своих вещей у него не было: за день до отъезда, когда Николай Евдокимович где-то дежурил, его дом разбомбили.

— Хорошо, что у меня нет семьи, — сказал он. — Вещи терять не так страшно.

Свободной рукой мама крепко держала меня за локоть, словно я мог вырваться и удрать.

— Смотрите под ноги! — предупреждал мужчина в брезентовом плаще с капюшоном. Промёрзший голос нехотя вырывался из капюшона, как из рупора, и стеснялся своей заботливости.

Николай Евдокимович попросил маму остановиться. Он опустил сундук на доски, сложенные посреди дороги.

Кто-то, шедший сзади, наткнулся на нас и глухо, неразборчиво выругался.

— Простите, — сказал Николай Евдокимович. — Нога разболелась. Если не возражаете...

И присел на сундук. При маме он не мог сознаться, что просто устал.

Он любил маму. Это знали все.

— Её красота слишком заметна, — постоянно говорил мне отец. И обязательно при этом вздыхал.

Ему хотелось, чтобы мамину красоту никто на свете не замечал. А прежде всего, чтоб о ней забыл Николай Евдокимович.

— Поверь, Алёша, я к нему не питаю никаких... таких чувств,— объясняла мама отцу.— Хочешь, поклянусь? Своим будущим и даже твоим!

Моё будущее она оставляла в покое.

— Я к нему ничего не испытываю,— настойчиво убеждала она отца.

— Но он испытывает к тебе. А это, пойми...

— И что же? Бросить его на произвол судьбы? — спросила она однажды.

И резко встала, как бы приняв окончательное решение. Она часто после негромкого разговора так вот вставала, давая понять, что её аргументы исчерпаны. Голос менялся, становился сухим, словно река, потерявшая свои тёплые, добрые воды и обнажившая вдруг каменистое дно.

— Ты умеешь укрощать даже сварщиков и прорабов. Куда уж мне, интеллигенту-биологу? Я сдаюсь! — в другой раз воскликнул отец. И поднял руки вверх.

Такие разговоры возникали у нас дома нередко. Во время одного из них мама сказала отцу:

— Николая в институте звали Подкидышем.

— А где тебе его подкинули?

— Там и подкинули: в нашем строительном. Зачем ты спрашиваешь о том, что давно уж известно?

Мама резко поднялась.

— К сожалению, меня в ваш строительный никто не подкинул,— печально сказал отец.

Он ревновал маму к прошлому. Как, впрочем, и к настоящему, и к грядущему тоже:

— Когда-нибудь ты покинешь меня.

— А о нём ты забыл?

Мама кивнула в мою сторону.

— Ну если... только ради него... Это слабое утешение.

— В какие дебри мы с тобой забрели! И всё из-за Подкидыша. Из-за этого безобидного князя Мышкина¹,— возмутилась мама.

Князь Мышкин, Подкидыш... Это должно было убедить отца, что он в полнейшей безопасности.

С тех пор отец стал называть Николая Евдокимовича только Подкидышем, словно прекратил думать о нём всерьёз.

¹ Князь Мышкин — герой романа Ф. Достоевского «Идиот». Он обладал слабым здоровьем, как и Николай Евдокимович, и при этом был очень благодороден, как и Николай Евдокимович.

Он был выше Подкидыша минимум на полголовы, а то и на целых три четверти. Не говорил по десять раз в день: «Если не возражаете...» И всё же щуплого Николая Евдокимовича, близорукого, в очках с толстыми стёклами, отец, я видел, продолжал опасаться. С моей точки зрения, это было необъяснимо. Ещё и потому, что мама, хоть её и называли красавицей, представлялась мне в ту пору абсолютно пожилой женщиной: ей было уже тридцать семь лет!

На мой взгляд, Подкидыш не мог быть угрозой для нашей семьи. «Ну какая любовь в этом возрасте?! — рассуждал я. — Вот у нас, в четвёртом классе... Это другое дело!»

— Я не щадила тебя, — тихо сказала она, когда отец собирался по повестке на сборный пункт. Или, вернее сказать, на войну. — Я не щадила тебя... Прости уж, Алёшенька. Но ты всегда мог быть абсолютно спокоен. Я пыталась воспитывать тебя... Это глупо. С близкими надо находить общий язык. Вот что главное... Ты простишь меня?

— Да, конечно, — ответил отец. — А Подкидыш поедет в одном эшелоне с тобой и Димой?

То, что мы уедем, было известно. Но когда — никто точно не знал.

— Хочешь, мы поедем в другом эшелоне? — сказала мама.

Я чувствовал, что она никогда больше не станет резко подниматься с дивана и разговаривать с отцом голосом начальника стройконторы.

— А если другого эшелона не будет? — ответил отец. — Неужели ты думаешь, что я могу рисковать... вами? — Он так сказал. Но мне показалось, что он всё же боится нашей поездки в одном эшелоне с Подкидышем гораздо больше, чем идти на войну. Войны он вообще не боялся.

— Обещай мне, что ты будешь спокоен. За нас... За меня! — умоляла мама. — И пиши... Каждый день нам пиши. Не представляешь, как мы любим тебя!

— А ты?

Для отца мамина любовь всегда была дороже моей. Я знал это. И мне не было обидно. Ничуть...

Прощаясь во дворе школы медицинских сестёр, где был сборный пункт, отец тихо спросил маму:

— И вагон у вас с ним один?

— Мы поедем в теплушках. На нарах, — ответила мама. — Если хочешь, будем в разных теплушках. Только бы ты не думал... Ни одной секунды! До конца войны... До конца нашей жизни.

Она зарыдала. Я тоже заплакал.

— Ну что вы? Я скоро вернусь... — как и все вокруг, обещал

нам отец. Это было седьмого августа. — И пусть Подкидыш вам помогает. Рядом должны быть близкие люди!

— Ты можешь быть абсолютно спокоен! — почти крикнула мама. — Клянусь всем на свете. Даже его будущим!

И прижала меня к себе.

1. Каковы профессии родителей Димы? Какой характер у матери, у отца?
2. Почему Николая Евдокимовича называли Подкидышем и кто его так назвал?
3. Когда, с точки зрения Димы, у человека время любви? Что по этому поводу думаешь ты?
4. В чём отец постоянно подозревает мать? Чем она клянётся в своей искренности, что для неё самое дорогое?
- 5*. Почему Диме не обидно, что для его отца любовь жены важнее, чем любовь сына?

2

Я знал, что хорошее начинаешь гораздо острее ценить, когда оно от тебя уходит. И что наши приобретения становятся в тысячу раз дороже, когда превращаются в наши потери или воспоминания. Эта истина казалась мне раньше лежащей на поверхности, а значит, не очень мудрой.

Но, качаясь на нарах, под потолком, где было много времени для размышлений, я понял, что первым признаком мудрой мысли является её точность: всё, что недавно было обыденным и привычным, стало казаться мне нереальным, невозвратимым. А неприятности и заботы, так волновавшие меня прежде, я не разглядел бы теперь ни в один микроскоп.

Я с нежностью вспоминал о нашем учителе физкультуры, который ничего, кроме тройки с минусом, мне никогда не ставил, и о соседях, которые говорили, что я слишком громко хлопаю дверью и вообще ни с кем не считаюсь. «Ценишь, когда теряешь» — эту истину война всё упрямей, с жестокой прямолинейностью вдалбливала мне в сердце и в голову.

Отец заранее объяснил, какие нас с мамой встретят на Урале флора и фауна: он был биологом. Но нас встретил лишь низкорослый, неестественно широкоплечий человек, казавшийся квадратом, завернутым в брезентовый плащ с капюшоном. Из капюшона до нас донеслось хриплое сообщение о том, что «машин сколько есть, столько есть, а больше не будет».

В течение двух недель проведённых в пути, мы с мамой выходили только на перроны больших городов. Она не выпускала мою руку ни на мгновение. Мы искали бывшие вокзальные рестораны, чтобы по талончикам получить там похлёбку и кусок хлеба.

«Потерять, оставить, отстать...» — война со всех сторон окружала нас этой опасностью. Но больше всего мама страши-

лась расстаться со мной. Она даже объяснила, что, поскольку мне всего лишь одиннадцать лет, я вполне могу ходить вместе с ней в туалет. Я воспротивился... И она стала отпускать меня туда на больших станциях с Николаем Евдокимовичем.

Если мы с ним задерживались, она, чуть приоткрыв дверь и глядя куда-то в сторону, испуганно вопрошала:

— Вы там?

Он отвечал:

— Мы здесь!

«Да... какая может быть любовь в этом возрасте?» — утверждался я в своей давней мысли.

Квадратный человек прохрипел из капюшона, точно из рупора:

— Побыстрее шевелитесь! Машины не будут ждать.

Мама крепче сжала мой локоть.

Девять или десять крытых машин стояли на краю площади. Они сгрудились, как стадо молчаливых животных, пришедших на водопой.

— Поплотней утрамбовывайтесь, товарищи! — скомандовал капюшон.

Подкидыш протянул маме руку из глубины крытого кузова, но она вначале подсадила меня.

А за нами вскарабкивались и утрамбовывались всё новые и новые пассажиры из эшелона.

На нарах в теплушке голосов почти не было слышно. Не из-за стука колёс, а потому, что растерянность и неизвестность как бы сковали людей.

И в кузове грузовика было напряжённо от тишины.

— Осторожней, здесь мальчик! — предупредила мама.

Ей не возразили. Но и учесть её просьбу никто не мог. Меня сжимали «на общих правах»: мест для пассажиров с детьми в крытой машине не было.

Я подумал, что нужно будет вообще забыть о своём возрасте. Взять и забыть...

1. О какой поговорке размышлял Дима в пути? Как ты её понимаешь? Приведи пример из собственной жизни, когда можно было применить эту поговорку.
2. Сколько лет Диме? Считает ли он себя взрослым и в каких поступках это проявляется? Считает ли его взрослым мама?

3

Но мама не хотела, чтобы я забывал. В холодном бараке, который обогревался еле мерцавшими печурками, она превратила наш сундук в стол и сказала:

— Здесь ты будешь делать уроки!

Сказала властным голосом начальника стройконторы, потому что меня нужно было встряхнуть и убедить, что всё продолжается.

«Комнаты» отделялись одна от другой простынями, бывшими скатертями или портьерами, прикреплёнными к верёвкам, как выстиранное бельё.

Мама узнала, где находится школа, и повела меня туда сразу же, на рассвете следующего дня.

— Ты и так уж отстал от класса! — с упрёком сказала она. Будто я отдыхал где-нибудь в пионерлагере или наслаждался выдуманными болезнями, как это случалось в мирное время.

На школе висел плакат: «В тылу как на фронте!»

— Ты понял? — спросила мама. — Хотя вообще-то я не люблю этого лозунга: всё-таки фронт — это фронт, а тыл — это тыл.

— Но всюду пишут... — попробовал возразить я.

— Мы в отличие от отца, — тоном начальника стройконторы перебила мама, — прибыли в зону безопасности. Чтобы ты мог учиться. В том числе и для этого... Ты понял? Мне некогда будет напоминать.

Маме стало некогда уже с двенадцати часов дня. Её вызвали в стройуправление и назначили «инженером-руководителем по комплектации и восстановлению оборудования». Название маминой должности было таким длинным, что я испуганно спросил:

— А что это значит?

— Ничего особенного, — ответила мама. — Приходят эшелоны с оборудованием. Надо пристроить его в старых цехах или под навесом, пока не построим новые.

— Мне придётся редко бывать дома, — сказала она через несколько дней. — Эшелоны приходят один за другим. Так что приглашай в гости товарищей. Или товарища... Чтоб не соскучиться.

У неё самой был один только друг. Тот, которого ей «подкинули» в строительном институте.

— Его и здесь «подбросили» в мою группу, — сообщила мне мама.

— Я хотел сказать... что Подкидыш очень худой.

— А в окопах только богатыри?

Мама вынула из сумки котлеты, завернутые в местную многотиражку: бумагу достать было трудно.

— Вот видишь, дополнительное питание. За вредность производства. Грех жаловаться!

Как и хотела мама, у меня появился приятель: Олег, по прозвищу «многодетный брат». У него было две младшие сестры. Последняя родилась двадцать второго июня, за год до начала войны.

— Умудрилась! — сказал Олег. — Попробуй теперь порадоваться в день её появления на свет...

«Многодетный брат» бегал за «детским питанием», которое, как он говорил, в мирное время и взрослые не стали бы есть.

— Но организм ко всему приспосабливается,— объяснил мой новый приятель.

Олег был старше меня на полтора года.

— В вашем возрасте это много! — уверял Николай Евдокимович. — Вспомни Толстого! «Детство», «Отрочество», «Юность» — так он назвал свою трилогию. Речь идёт о разных эпохах человеческой жизни.

Но никакие эпохи нас с Олегом не разделяли. Когда я сказал об этом Подкидышу, он задумался:

— Война вообще объединила людей... хотя вроде бы их разлучила.

Олегу трудно было делать уроки дома.

— Сёстры плачут дуэтом.

— Как же ты спишь?

— Организм ко всему привыкает.

Он приходил заниматься ко мне. Но прежде чем сесть за учебники, говорил:

— Я тут немного...

И подметал нашу «комнату», укреплял на верёвках «озеро с лебедями», что-нибудь мне пришивал. Две сестры приучили его к труду.

Олег выглядел не просто худым, а до крайности истощённым. Поэтому нос и глаза особенно выделялись. Узнав, что отец мой биолог, а раньше преподавал анатомию, Олег сказал:

— Я вполне мог бы стать для него экспонатом!

Он любил подшучивать над своей худобой.

Отец его через двадцать дней после начала войны потерял левую руку и теперь работал в редакции той самой строительной многотиражки, в которую мама заворачивала котлеты. Дома у них была пишущая машинка. Это произвело на меня сильное впечатление.

— Выдали под расписку,— сказал Олег. — Сёстры под неё засыпают. Отец начнёт печатать правой рукой — и они умолкают. Колыбельная песня! Иногда я помогаю отцу.

— Ты и печатать умеешь?

— А что ж тут такого!

1. Где жили Дима с мамой, как мама устроила в их жилище семейный уют?
2. Какие, по мнению мамы, обязанности у Димы, а какие — у неё самой?
3. Какой плакат увидели Дима с мамой в школе? Как ты понимаешь смысл этой фразы? Почему этот лозунг не понравился маме и как она его изменила?

4. Какое было прозвище у Олега? Кто духовно более взрослый — Олег или Дима? Почему?
5. Какая трилогия Льва Толстого упоминается в этой главе? Кто говорит о ней и как её характеризует?

4

В первое же утро после приезда, по дороге в школу, мы с мамой забежали на почту. Отец должен был писать «до востребования». Так мы условились.

— Я чувствую: нас будет ждать письмо! — все четырнадцать дней в эшелоне говорила мне мама, без конца перечитывая те письма, которые мы успели получить от отца в Москве.

На почте ничего не было.

— Теперь мы с тобой так и будем жить: от письма до письма, — грустно сказала она. — Надо привыкать. Что тут поделаешь!

Она попросила, чтобы мне выдавали «корреспонденцию», которая будет приходить на её имя. Мама собиралась, я понял, пропадать на стройке целыми сутками, а почта работала лишь до шести часов.

— А мы с тобой неплохо устроились.

— Хорошо, что он может быть... абсолютно спокоен, — машинально повторил я то, что слышал от неё во дворе училища медсестёр, где мы с отцом расставались.

— Спокоен? Разве там, где он... бывает спокойствие? Ты вообще представляешь, что там происходит?

— Представляю.

— Это невозможно себе представить! — Мама резко остановилась, будто демонстративно поднялась с дивана или со стула, как это бывало раньше. — Каждый день заходи на почту. Каждый день! Я должна знать, есть письмо или нет.

— Я буду заходить. Обязательно!

Она пошла дальше.

— Я всегда знала, что перенести самую тяжкую болезнь легче, чем переживать болезнь ближнего. Но я не представляла, что это такое — непрерывное ожидание беды. Теперь нельзя давать себе отдыха... Ни на минуту!

— Ни на минуту?!

— Чтоб некогда было сходить с ума... — Она вынула из сумочки фотографию, где отец был совсем молодым и весёлым. — Он всегда был беззащитней меня. Так казалось в будничной жизни. Мужчины берут на себя самые страшные тяготы века, а зубной боли они боятся. Это известно. Я обязана быть... рядом с ним... Пусть даже здесь!

— И я тоже.

— Нет... Ты ребёнок! Мы идём с тобой в школу. Прямо сейчас! Никто не может лишить тебя этого. Детство не повторяется.

— И старость не повторяется.

— Хватит с неё одного раза! А перед Алёшей я всё-таки виновата.

— В чём?

— Сильнее, чем я люблю его... особенно вот сейчас, любить, мне кажется, невозможно. Он не узнал этого.

— А меня? — тихо и бестактно полюбопытствовал я.

— Это другое. Материнство... выше любви.

Я успокоился.

— Мне всегда хотелось доказать ему... Дать почувствовать, — виновато продолжала она. — Но я не спешила. Из воспитательных целей. Какая нелепость! Лучше поздно, чем никогда? Нет уж, Дима... С добром надо спешить, а то оно может остаться без адресата. Ты согласен?

— Согласен.

— Если это случится, я не прощу себе. Нет, не то... Я просто не вынесу.

1. Эта глава — беседа детства и взрослости (или, как думает Дима, старости). Не огорчайся, если ты не понял каких-то маминих мыслей. Найди в тексте, чего не понял Дима. Сам ты в этом разобрался?
2. Выпиши из текста не менее трёх фраз, сказанных мамой, которые могли бы стать пословицами.
3. Как ты понимаешь фразы «Детство не повторяется», «Материнство выше любви», «С добром надо спешить, а то оно может остаться без адресата»?

5

Через двадцать дней, когда я зашёл на почту, где меня уже знали, бледная девушка в окошке на миг оживилась и сказала:

— Сегодня вам есть...

Она перебрала несколько писем пальцами, которые казались очень тонкими из-за припухших суставов. Было холодно, почти как на улице. Руки у девушки, конечно, замёрзли, но не покраснели, как мои, а были прозрачными, обескровленными.

Она протянула конверт без марки.

Я сразу, не отходя от окошка, разорвал конверт. Вынул листок, на котором было что-то напечатано типографским шрифтом. Только имя, отчество и фамилия отца были написаны чернилами, от руки. Я прочитал раза три или четыре спокойно. И только с пятого раза понял, что мой отец пропал без вести.

На улице ждал Олег. Я выбежал с белым листком в руке. Олег прочитал... Нос его сморщился, словно от внезапного све-

та, глаза стали ещё больше, круглее. У него были две младшие сестры, и он умел утешать.

— Пропал? Это слово имеет несколько значений. Ты вспомни... «Пропал» в смысле «погиб» тут не подходит. Здесь другое значение: он исчез, о нём ничего не знают. И всё...

Как старший брат, он умел втолковывать, объяснять.

— А если погиб... так и пишут: «Погиб»? — спросил я.

— Так и пишут. Это называется похоронкой. А тут извещение. Неприятное, конечно. Не буду тебя обманывать.

Я знал, что даже родителей он никогда не обманывал.

Взяв у Олега листок, я опять впился глазами в строчки и твёрдо, до конца осознал, что отца моего уже нет. Совсем нет... навсегда...

Я не заплакал. Но понял, что это значит — «не находить себе места». Вернулся на почту, спросил у болезненной девушки, когда пришло это письмо.

— Сегодня, — ответила она. — Ты же вчера заходил.

Потом я, забыв об Олеге, помчался на стройку.

— Ты куда? — услышал я сзади его голос.

— К маме.

— Зачем?

— Показать...

— Да ты что?!

Мы оба остановились. «Я просто не вынесу», — тогда, возле почты, сказала мне мама. Как можно было это забыть?

— Что же делать? — спросил я Олега.

— Дай мне конверт, — попросил он. Я протянул.

Он аккуратно вложил в конверт листок с извещением. И так же неторопливо, обстоятельно отвёл ему место в своём портфеле.

— Пусть будет у меня. А то мать найдёт.

Я вновь затопал вверх по ступенькам почтового отделения и заглянул в полукруглое окошко.

— Только маме не говорите, что было письмо. Если она зайдёт... — попросил я девушку, которая всё ещё не отрывала рук от лица.

На почте никого не было, потому что весь город в это время работал.

— Олег говорит, что отец... ещё может найтись...

— Не могу я здесь больше работать, — ответила девушка, должно быть не веря Олегу.

— На две минуты... Остановитесь, пожалуйста, — опять попросил я таксиста.

Он тормознул так, что я ткнулся в его спину.

Почта была всё там же. И из того же окошка выдавали

корреспонденцию «до востребования». Человек пять стояли в ожидании. Но на их лицах не было нетерпеливой тревоги.

Я издала заглянул в окошко. Конверты перебирала девушка, на которую стоявшие в очереди мужчины поглядывали с интересом. Она стояла этого.

Таксист снова рванул, будто участвовал в мотогонках и ему только что был дан старт.

1. Перескажи содержание главы. Как Олег утешает Диму?
2. Как размышление о значении слов помогает Диме утешиться? В чём разница между похоронкой и извещением?
3. Почему Олег посоветовал Диме обмануть маму?

Глава третья

Когда дети становятся взрослыми

На войне всё не так, как в мирное время, там другие законы: дети становятся взрослыми, женщины — сильными, мужчины — смелыми. На войне не спят в чистых постелях, не плачут по пустякам, не едят досыта. На войне как на войне.

1. Читая начало следующей части повести, обрати внимание на то, по какому поводу мама говорит, что «война всё поставила вверх ногами». Найди в первом абзаце художественную деталь, показывающую, что мама свой паёк приносила сыну.
2. Какие два доказательства приводит мама в пользу того, что ей не нужно молоко? Почему Дима не сомневается в правдивости этих доказательств? О чём свидетельствуют поступки Димы, описанные в этой главе: о его детском или взрослом поведении?

А. Алексин

В ТЫЛУ КАК В ТЫЛУ

(Продолжение)

6

Мама приходила с работы поздно вечером. А то и ночью, а то и под утро... Приподнимала простыню, отделявшую наше жильё от коридора. Другой нашей «стеной» был старый, облысевший ковёр... Мама входила беззвучно, но я просыпался. Задавала мне несколько главных вопросов... Прежде чем шёпотом рассказать о своих делах, она открывала разбухшую сумку, набитую бумагами и чертежами. Вытаскивала со дна еду, завернутую в газету, и протягивала её мне. В сумке обязательно стояла бутылка молока, которая тоже полагалась маме за «вредность». Сидя на матрасе, я ел хлеб с котлетой и запивал молоком.

— Так поздно ужинать вредно, — говорила мне мама. — Но война всё поставила вверх ногами.

— А ты-то поела?

— Конечно, — отвечала она.

И наспех рассказывала, как ей удалось найти очередное «уютное местечко» для каких-нибудь многотонных «деталей», прибывших издалека. Говорила она еле слышно, но по ту сторону «озера с лебедями» обязательно кто-нибудь переворачивался и вздыхал.

Усталой мама не выглядела. Даже волосы накручивала на свёрнутые бумажки и смазывала лицо вазелином:

— Обветрилось... За собою надо следить. А то вернётся отец — не узнает!

Нередко она объясняла мне, как важно соблюдать технику безопасности.

— Торопиться, но соблюдать! Если бы это правило существовало там, где отец...

Я в такие минуты закрывал лицо одеялом или говорил, что мне необходимо на минутку во двор.

Каждый раз прямо с порога мама спрашивала:

— На почте был?

— Был.

— Ничего нет?

— Пока нет.

Когда она возвращалась домой пораньше, к нам с другого конца барака заходил Николай Евдокимович.

Мы с ним в два голоса объясняли, что письмо могло затеряться, что путь от фронта до Урала очень далёк.

Даже Подкидышу я об извещении не рассказал — это было нашей с Олегом тайной. И ещё тайной той болезненной девушки, которая всё хотела покинуть своё окошко.

На стройке Николай Евдокимович очень старался облегчить мамину участь.

— Воздухосборники мы с ним комплектуем. И насосы, — шептала мне ночью мама.

— Какие насосы?

— Которые в этом бараке едва ли поместятся. Молоко своё предлагает... А зачем мне? Чтобы стариться, чтобы толстеть? Отец вернётся и не узнает! Мы, женщины, куда выносливей, чем мужчины... Я вот ни разу в жизни не была у зубного врача! — Мама сверкнула улыбкой, про которую соседи в Москве говорили, что она «как у Любви Орловой¹». — Мужчинам нужно гораздо больше калорий!

Наверно, она имела в виду и меня.

¹ *Любовь Орлова* (1902—1975) — актриса театра и кино, народная артистка СССР.

На следующий день, когда я возвращался из школы, Подкидыш ждал меня возле барака. Он отлучился с объекта, что нелегко было сделать. Морозный и сухой воздух потрескивал, точно кто-то баловался деревянным игрушечным пистолетом. Вокруг лежал снег, серый от золы, которую ТЭЦ, работавшая, как и люди, взхлёб, через силу, вываливала на город.

И снова толстые стёкла очков, даже заиндевелившие, показались мне увеличительными: Николай Евдокимович хотел проникнуть в глубь моей тайны.

— Он... убит?

— Нет... Я думаю, нет.

— Что было в письме?

— Откуда вы...

— Катюша ничего не узнаёт, — впервые в жизни перебил он меня. — Но сейчас не скрывай! Что с отцом?

— Пропал без вести.

— «И от судебных защиты нет¹...» — прошептал Николай Евдокимович.

— Слово «пропал» имеет в русском языке не одно значение, — начал я успокаивать его и себя.

Я озирался, прикрывал рот заштопанной, шершавой варежкой.

— Ты прав, — согласился Подкидыш. — Наверно, ты прав... «Пропал» ближе к слову «потерялся», чем к слову «погиб». А тот, кто потерялся, может найтись. — Он взглянул на меня с надеждой. — Как мы находим силы? — Подкидыш снял и протёр очки. — Где мы находим?

— Организм приспосабливается.

— Весь... Кроме сердца, — ответил он. Съёжился и побежал на работу.

«Но ведь мама может послать запрос, — подумал я вдруг. — И ей сообщат».

Она бы давно уже послала, но, как я догадывался, просто боялась, предпочитала неведение. Могла, однако, не выдержать... В каком словаре искал бы я тогда утешительные определения слова «пропал»?

Надо было предпринимать что-то срочное!

— Притормозите ещё. Выходить я не буду. Издали посмотрю... — пообещал я таксисту.

¹ И от судебных защиты нет — предпоследняя строка поэмы А. Пушкина «Цыганы»:

И всюду страсти роковые,
И от судебных защиты нет.

Барака, в котором мы жили, уже не было. На его месте был парк, который назывался Парком Победы.

«Первую победу,— вспомнил я,— мы отмечали зимой сорок первого именно здесь».

Таксист нажал на газ, боясь, должно быть, что я передумаю и захочу прогуляться по парку.

1. Что хочет сказать Николай Евдокимович, когда цитирует Пушкина? Как ты понимаешь эти слова?
2. Какими словами Олег обычно объясняет, как люди выносят тяготы военного времени? Что возражает Николай Евдокимович на эти слова, которые повторяет Дима?

9

Сёстры Олега, действительно, засыпали под пишущую машинку. Под эту странную колыбельную песню: организм приспособливается.

Они уместались на одной тахте, обнесённой со всех сторон аккуратными досками, как забором.

— Это я придумал,— сказал Олег. — А иначе за ними не уследишь: расползутся, свалятся — не отыщешь.

Мать Олега тоже называлась «сестрой»: старшей медсестрой госпиталя, который был в трёх километрах от города.

— Дома ночует два раза в неделю,— сообщил Олег.

— Взяла бы отпуск. Раз... дочери маленькие.

— Мы уговаривали. Но у неё двух братьев убили.

— Так... быстро? — спросил я.

— Одного в августе на Украине. А другого недавно возле Калинина... Оба моложе её. Была старшей сестрой в семье, а теперь только в госпитале. Если бы не они,— Олег кивнул на тахту, обнесённую досками,— на фронт бы ушла.

— Тебя бы оставила?

— Я уже взрослый.

«Тот, кто должен отвечать за других, раньше взрослеет», — подумал я. Меня-то ведь мама считала ребёнком.

— Брат её, который погиб под Калинином,— продолжал Олег,— только что школу окончил. Непонятно, зачем учился. Готовил уроки, как мы с тобой. Мать, я боялся, с ума сойдёт. Была старшей сестрой! Понимаешь?

Глядя на него, на старшего «многодетного брата», я понимал.

— Вам бы бабушек с дедушками на помощь!

— Они в Белоруссии остались. В деревне... «Здесь мы родились, здесь мы и будем...» А твой?

— У мамы давно уже нету. А папины в Ленинграде.

— И сам отец тоже из Ленинграда?

Олег сел за машинку, медленно застучал, и сёстры, которые уже были сонными, сразу затихли.

От имени командира воинской части мы сообщили Екатерине Андреевне Тихомировой, что муж её, легко раненный, попал к партизанам, в такие места, откуда писать невозможно. И что, как только освободят Украину, сразу придёт письмо...

Олег достал со дна ящика, из-под газет, конверт, полученный мною из рук болезненной девушки. Там он его хранил... Мы заменили листок с типографским текстом на тот, который пришёл «от командира воинской части». И я спрятал конверт в портфель.

Потом явился отец Олега.

Ни осень, ни зима не смыли, не вывели дождём и морозом веснушки с его лица. А ушанка еле держалась на высоких, жёстких волосах, словно на проволочных витках.

Движением левого плеча он ловко сбросил шинель. Плечо как бы обрывалось пустым рукавом.

«Повезло Олегу, — подумал я. — Отца его больше никуда не отправят...» Я сразу же устыдился этой мысли. Но она всё равно осталась со мной.

Будто прочитав её, Кузьма Петрович сказал:

— Зачем демобилизовали? Правую руку вполне можно заставить и за левую потрудиться. Научить и заставить!

Он не гордился своим пустым рукавом, а поглядывал на него со смущением.

Правая рука, чувствуя ответственность и за левую, не знала покоя. Она то приглаживала волосы, которые пригладить было немислимо, то пробегала по клавишам машинки, точно по клавишам баяна или аккордеона, то перелистывала толстый блокнот.

— Стройматериал для завтрашнего номера! Время такое, что людям беседовать некогда. На лету ловлю факты, заказываю статьи и заметки. Привык уже!

— Организм приспосабливается, — в очередной раз произнёс Олег.

— Мирное время в этом полностью убедить нас не может, — ответил Кузьма Петрович. — А война за шесть месяцев доказала, что человек может вынести всё. Только зачем ему всё выносить?

В раннем детстве Олег называл отца папой Кузей. Дома его и сейчас звали так.

— Радость может быть безграничной, — продолжал папа Кузя. — Я за это! Но беда... Чтобы её можно было выдержать, перенести, возникает энергия родства. Какой ещё не бывало... Между чужими людьми! Вы заметили? — Мы с Олегом кивну-

ли. — Между прочим, — обратился ко мне папа Кузя, — Екатерина Андреевна — твоя мать?

— Моя...

— Да что ты говоришь! Не представлял себе. Слышу: «Дима Тихомиров... Дима Тихомиров...», а спросить, как зовут маму, всё забывал. Стало быть, ты её сын? Хорошо. Я за это!

— Вы её знаете?

— Недавно о ней писал. Неужели не показала?

— Нет.

— А о чём вы писали? — спросил я.

— Они с инженером Елизаровым...

— С Николаем Евдокимовичем?

— Именно с ним... Так вот, они вместе придумали, как подавать оборудование на рабочие места новым способом. Предложили передвижные деревянные краны, кое-где опоясанные металлом.

— Деревянные?! — воскликнул я, будто разбирался в передвижных кранах.

— Они уже соорудили один такой кран. Представляете: дерево вместо металла. Я — за это! Решили проблему. И тихо, без шума.

— Не любят они...

— Не любят? Хорошо. Я — за это!

Правая рука его, не найдя себе дела, дважды стукнула по столу.

Пишущая машинка слегка подпрыгнула. Обе сестры проснулись, испугались и сразу заплакали.

1. Прочитай название этой главы учебника и найди в тексте рассуждение Димы, которое отвечало бы на вопрос, когда дети становятся взрослыми. Объясни его, используя текст повести.
2. Почему Дима решил написать поддельное письмо?
3. Найди в тексте главы рассуждение папы Кузи о том, нужно ли приспособливаться к беде. Согласен ли он в этом вопросе с Николаем Евдокимовичем? Как, по мнению папы Кузи, можно перенести беду?
4. У папы Кузи есть привычка повторять одно выражение иногда к месту, а чаще всего — не к месту. Найди в тексте главы это выражение.

Часто употребляемые не к месту или без смысла слова называют словами-паразитами. Они засоряют речь. Может быть, и ты говоришь без конца слова короче, значит, типа, ну и подобные. Когда эти слова находятся на своих местах, они необходимы. Но если они паразиты — стоят, где попало, с ними нужно бороться. Для начала определи, есть ли в твоей речи эти слова, а потом постарайся обходиться без них.

Зачем же писатель засоряет речь своего положительного героя, да ещё и редактора газеты, словами-паразитами? Для того, чтобы сделать речь героя индивидуальной.

Речь каждого героя повести индивидуальна, как и в жизни. У каждого героя есть привычки, которые отражаются в его речи или манере говорить. Например, папа Кузя всё время повторяет «*И — за это*», если ему что-нибудь нравится, а мама Димы резко встает, если считает разговор оконченным. Заметил ли ты, каковы индивидуальные особенности речи Димы, Олега, Николая Евдокимовича?

10

Пора детства не отягощена опытом и потому в мыслях и действиях своих бывает до наивности непосредственна. Она уверена, что добро должно порождать только добро, и причём сразу, незамедлительно.

Олег выстукал на машинке письмо, которое доказывало, что мой отец не погиб... «Вот сейчас покажу его маме, — думал я по дороге домой, — и она успокоится». Впопыхах я забыл, что письмо это могло стать желанной вестью и облегчением лишь по сравнению с истиной, о которой мама не знала. В те далёкие одиннадцать лет я любил мысленно ставить других на своё место и легко предсказывать таким образом чужие поступки, не сознавая, что на своём месте могу быть только я сам. Я скрывал от мамы извещение, пришедшее из Москвы, но свой предстоящий разговор строил так, будто она, как и я, обо всём уже знала.

«...Легко раненный попал к партизанам, в такие места, откуда писать невозможно», — напечатал Олег. Это было радостью на фоне слов «пропал без вести». Но ведь мама этих слов не читала.

Я завернул на почту. По-прежнему я заходил туда каждый день, и почти каждый день девушка с прозрачными пальцами говорила мне, что найдёт другую работу. И ещё повторяла: «Треугольные письма люблю, а конвертов... боюсь. Особенно если тонкие и со штампом. Почему именно я должна их вручать?»

— Война — время писем, — сказал однажды Подкидыш. — Она всех раскидала в стороны. И люди пишут друг другу, как никогда! Разлучает, объединяет... — медленно повторил он свою старую мысль про войну.

На почте никого не было: весь город в это время работал.

Увидев меня, девушка вскочила, и лицо её исчезло из окошка, скрылось за непроницаемо-матовым стеклом. Но я заметил, что рука в окошке что-то схватила со стола. А потом девушка выбежала из-за перегородки прямо ко мне.

— Треугольное письмо! — возбуждённо кричала она на ходу, желая, чтоб я поскорей об этом услышал. — Треугольное... Значит, от него самого!

Известие с фронта. Галя Цыпина, 11 лет. 1973 г.

Я выхватил бумажный треугольник из её тонких ледяных пальцев. Торопливо развернул его... Щёки у девушки оставались такими же бледными, но глаза, казалось, в то мгновение их освещали.

«Уважаемая Екатерина Андреевна,— прочитал я. — Пишет вам фронтовой друг вашего мужа Алексея Алексеевича Тихомирова. Он дал мне ваш адрес и просил, если что, сообщить. Вот я и выполняю... Муж ваш, Алексей Тихомиров, героически сражался с врагами и остался на поле боя...»

— Что с тобой? — услышал я голос девушки. — Что с тобой?!

Я вернулся к Олегу.

Кузьмы Петровича уже не было. Сёстры возились за дощатым забором, окружавшим тахту. Олег прочитал... Нос его сморщился, как от яркого света.

— Думай о матери,— сказал он. И больше не произнёс ни слова.

Он хотел спрятать бумажный треугольник туда же, на дно ящика, под газеты. Но я возразил:

— Пусть будет со мной. Всегда... Если бы отпороть подкладку и зашить его прямо внутрь, в куртку, а? Я только в ней хожу... Даже сплю, когда в бараке не топят... Зашей... Ты умеешь.

Олег достал ножницы, нитки с иглой и молча, проворно выполнил мою просьбу.

Когда я стал натягивать шапку, он остановил меня.

— Матери всё равно покажи то письмо... которое мы напечатали! И держись! — Он всматривался в моё лицо своими огромными, забывшими про детство глазами. — Я пойду вместе с тобой.

— А они? — кивнул я на двух сестёр.

— Позову соседку. Она остаётся с ними... иногда, в крайних случаях.

«Биология — женское дело», — то ли в шутку, то ли всерьёз говорил мне отец. Поэтому «мужским началом» в нашей семье он считал маму. И вдруг её сила исчезла. Тут же, на наших глазах. Она растерянно опустилась на сундук, заменявший нам стол. И стала беспомощно оглядываться, как бы прося защиты.

— Ничего ещё не... — попытался сказать Подкидыш. Но замолчал.

Мама не перечитывала, а долго, бесконечно, как мне казалось, смотрела на бумагу, которую мы сочинили с Олегом.

Наконец она поднялась: взяла себя в руки.

— А где это письмо было целых полтора месяца? — спросила она.

— У меня, — ответил я.

— Мы вместе его получали, — заверил Олег.

Она изучила штемпель нашего города, перевернула конверт, чтобы найти штемпель отправителя. Он был московским.

— А почему же тут... — начала мама.

— Командир воинской части написал, наверно, в Москву, в Наркомат обороны, — засеменял я словами. — А оттуда переслали. Ты же сообщила наш адрес.

Она осторожно уложила бумагу обратно в конверт.

— Я боялся тебе показать.

У меня заныло в животе. Я скрючился. Бумажный треугольник, зашитый в куртку, издал еле слышный, хрустящий звук.

— Что-то мы сегодня в столовой съели, — объяснил всем Олег.

— Я ждала этого, — всё ещё с трудом овладевая словами, сказала мама. — Пока мы тут живём припеваючи, он, раненный... не в больнице, не в госпитале, а где-то в лесу. — Она помолчала, набралась сил. — Раньше, когда он заболел простудой с температурой тридцать семь и три, я укладывала его в постель. И при этом непременно посмеивалась над его мнительностью. Сама же укладывала и сама же посмеивалась... Зачем? Если бы можно было перед ним извиниться!

— Всё вернётся, — пообещал Николай Евдокимович.
— Легче восстановить завод, чем здоровье одного человека, — ответила мама. И обхватила руками голову: — В лесу... Без врачей, без лекарств...

— В партизанских отрядах есть врачи. Там делают операции, — напомнил Подкидыш.

— Иногда даже пилой или кухонным ножом. Я читала в газете... Когда это касается других, восхищаешься, а когда близких людей — ужасаешься и страдаешь.

— Но вы же не возражаете против того, что в партизанские отряды доставляют... — снова начал Подкидыш.

— Из этого отряда, как вы заметили, даже нельзя писать, — перебила она. — Мы тут неплохо устроились, и нам очень легко рассуждать.

Николаю Евдокимовичу, и правда, убеждать её было легче, чем нам с Олегом: он не видел бумажного треугольника и не знал, не мог себе представить... что отца уже нет.

— Будем ждать. Что нам ещё остаётся? — сказала мама. И, заметив на краю стола-сундука белую бутылку, спросила: — А почему ты утром не пил молоко?

— Сейчас выпью. Может быть, и ты...

— Я сыта.

— Не возражаете, если я принесу своё? — предложил Николай Евдокимович.

— Зачем? — удивилась мама. — В партизанский отряд я не смогу его переправить. Так что пейте: мужчинам нужно больше калорий.

Мама потёрла виски, села на топчан, заменявший постель. А уши закрыла руками. Она не плакала. Просто ей не хотелось никого видеть и слышать.

Мы потихоньку вышли.

1. Почему девушка-почтальон не любит свою работу?
2. Как Подкидыш объясняет собственное высказывание «война — время писем»?
3. Как отнеслась мама к письму? Что её насторожило?

Глава

четвёртая «Прости меня, мама...»

Одна из целей художественного произведения — интерес читателя. Детектив, например, для того и пишется, чтобы читатель всё время догадывался, кто же преступник. Такое произведение, которое всё время держит читателя в напряжении, называется *остросюжетным*. Сюжет включает внешние события и «внутренние» — мысли, переживания, поступки

героев произведения, их взаимоотношения. В такой системе событий раскрываются характеры действующих лиц, отношение к ним писателя, его взгляд на жизнь.

В повести «В тылу как в тылу», кроме сюжета, важна ещё и композиция — построение художественного произведения. Строя произведение, писатель решает несколько задач: на сколько частей его разделить; о чём написать вначале, а о чём — в конце; о каких событиях рассказать подробно, о каких — кратко; от чьего лица вести повествование; какими средствами раскрыть характеры героев.

Композиция делает повесть Анатолия Алексина остросюжетной, ведь герой знает, что было дальше, потому что с момента войны прошло много лет, а читателю это неизвестно.

Прочитай повесть до конца. Обрати внимание на композицию и её элементы.

А. Алексин

В ТЫЛУ КАК В ТЫЛУ

(Окончание)

12

В тот день прибыли платформы с «вращающимися печами».

— Как раз вовремя подросли, — утром сказала мама. — Новый цех подвели под крышу. Так что квартира готова!

Она смазала мне лицо вазелином: гусиный жир кончился. Проследила, чтобы я съел котлету, которая только по старой привычке называлась мясной, и запил её настоем из отцовских целебных трав. — Тебе нельзя заболеть дистрофией, — настойчиво и спокойно повторила она. — Пойми: закладывается фундамент!

Потом она закутала меня в шарф, который когда-то связала для своего сына мать Николая Евдокимовича. Мама по-прежнему старалась, чтобы я не испытывал бед военного времени. Или испытывал их поменьше... Она и валенки мне раздобыла, которые я должен был натягивать рано утром, пока она не ушла на работу.

— Хочу убедиться... Не хватает ещё отморозить и ноги! — сказала она в тот день.

Мама внимательно оглядела меня напоследок, словно объект, подготовленный к сдаче. И побежала готовиться к встрече платформ с печами.

А я через полчаса отправился в школу.

Накануне где-то прорвало трубы, и мы занимались в шапках, в пальто. А я ещё и в огромном шарфе, оставлявшем на виду только нос и глаза. Конечно, в классе я мог бы и снять этот шарф, но тогда бы меня наверняка вызвали отвечать. Учителя уже давно меня не тревожили: я находился как бы на излечении.

С последних уроков нас сняли и послали на расчистку подъездных путей. Для платформ с теми самыми печами, которые умели «вращаться».

Нас часто посылали на такие работы. И хотя орудовать на морозе лопатами и скребками было нелегко, мы радовались: во-первых, приобщались к важному делу, а во-вторых, срывались уроки. Мы одержимо стремились к взрослости, но оставались детьми.

Чтобы получить от Кузьмы Петровича очередное задание, мы пошли потом к Олегу домой.

Его мама только что проснулась после многосуточного дежурства.

Она была очень полной. «Последствия родов...» — объяснил мне Олег. Но делала всё чётко, без лишних движений, буд-то подавала инструменты хирургу во время операции.

Дверь распахнулась, и вошёл папа Кузя.

Он не поздоровался ни с женой, ни с нами. Стянул ушанку с высоких и жёстких волос.

— Как раз сегодня мама и Николай Евдокимович испытывают новое приспособление. Очень забавное... — поспешил сообщить я. Потому что он просил меня вовремя об этом сказать.

— Знаю, — ответил папа Кузя. И резким движением левого плеча сбросил шинель. — Платформы пришли.

— Мы пути расчищали, — сказал Олег.

— Молодцы, — машинально похвалил он.

— А что случилось? — спросила Вера Дмитриевна.

— Что случилось?!

Он стукнул правой рукой по столу. Все притихли. И даже сёстры не посмели заплакать.

— Что, Кузьма? — повторила она.

— Трос не выдержал. Лопнул... И там, на платформе, инженера Елизарова...

— Ударило? — шёпотом спросил я.

— Но со страшной силой. Со страшной!

— А что с ним сейчас? С Николаем Евдокимовичем?..

— Был жив.

— А... мама?

— Она стояла внизу.

Кузьма Петрович подошёл и положил свою руку на мою.

— Стояла внизу. Ты веришь мне?

— Да.

— А с Елизаровым плохо...

Он отошёл.

— И куда же его отправили? — чётко произнося слова, спросила Вера Дмитриевна.

— Советовались... Решили к вам в госпиталь. Поскольку недалеко... Я был за это.

— Ну, я пойду, — сказала Вера Дмитриевна.

И ужас, перехвативший горло, немного отпустил меня.

— Мне пора, — сказала она.

1. Какие художественные детали использует Анатолий Алексин, чтобы показать заботу мамы о Диме?
2. В чём проявлялось стремление Диминых одноклассников к взрослости? В чём они оставались детьми?

13

После операции Николая Евдокимовича положили не в общую палату, а в комнату старшей медсестры. Так устроила Вера Дмитриевна.

— Он смертельно ранен, — сказала она. — Но и смертельно раненные иногда выживают. Случаются чудеса.

Нас с мамой пустили к нему.

Запах госпиталя проникал и туда: запах крови, открытых ран, гноя, лекарств.

Вера Дмитриевна забежала каждые пятнадцать минут. В белом халате мать Олега казалась ещё более полной, но двигалась бесшумно. Она действовала: проверяла пульс, поправляла подушку, делала уколы. И появлялась надежда...

Хотя говорила она только правду. Говорила так тихо, что даже стены не слышали.

— Всё отбито внутри... Всё отбито, — одними губами сообщила она.

Когда Подкидыш очнулся, он попросил, чтоб ему вернули очки. Наверно, думал, что сквозь толстые стёкла не будет видно, как он страдает.

— Боль должна быть невыносимая, — опять одними губами проговорила Вера Дмитриевна. И сделала Николаю Евдокимовичу ещё какой-то укол.

— Теперь станет легче.

Он заснул. Внутри у него что-то скрежетало, переворачивалось. Странно... но это нас успокаивало: мы вроде бы с ним общались, прислушивались к нему.

Двигаться по комнате мы не имели права. Я сидел на белой табуретке, а мама стояла.

Один раз Николай Евдокимович, вновь очнувшись, подозвал нас. И прошептал:

— Мне очень... вас жалко...

— Ты... наш дорогой! — ответила мама.

Никогда прежде она не называла его на «ты». Услышав в этом отчаяние, Подкидыш захотел улыбнуться.

— «Учитесь... властвовать собой»¹, — тихо посоветовал он.

Или, верней сказать, попросил.

...К вечеру в палату вошёл милиционер в накинутах на форму халате. Я не мог определить его чина.

Он подсел к постели, раскрыл тетрадку и сказал:

— Мне разрешили... на пять минут. Дело требует! — Это напоминало сцену из кинофильма. — Так что несколько слов...

Николай Евдокимович весь как-то напрягся.

— Запишите, — с твёрдостью, которой трудно было ожидать, сказал он. — Тросы проверял я. Лично я...

— Но ведь руководительница работ... — осторожно вставил милиционер.

— Нет, — перебил Николай Евдокимович. — За это отвечал я. И доложил ей, что всё в полном порядке.

Последние слова он прошептал торопливо, боясь не успеть. Он израсходовал все свои силы. Но потом снова напрягся:

— Если не возражаете... Я хочу подписать.

— Это ещё не всё, — с грубоватой неумелостью поправляя подушку, сказал следователь.

— Это всё. Вы запишите, пожалуйста... побыстрее. — Следователь поспешно задвигал чернильным карандашом, кончик которого то и дело нервно совал в рот.

— Я подпишу это место, — настойчиво попросил Подкидыш.

— Когда мы кончим весь протокол...

— Нет, дайте сейчас. Это место... Помогите, пожалуйста.

Следователь поспешно наклонился к Подкидышу. И тот подписал.

Мне показалось, что ему полегчало.

Вера Дмитриевна вошла, опытным взглядом оценила обстановку и потребовала, чтобы милиционер вышел.

Лицо Подкидыша в роговых очках затерялось на подушке.

— Устал, — сказала мама Олега. — Вы всё выяснили?

— Надо бы...

— Да нельзя! — перебила она милиционера. И проверила у Подкидыша пульс.

Следователь махнул рукой и вышел в коридор. Мы с мамой, хоть он и не звал, тоже вышли.

¹ Строка из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

— Я вам нужна? — спросила мама.
— Да чего тут!..
— Надо было перестраховаться, — сказала она. — Перепроверить!

— Он же докладывал вам, что всё в порядке.
— Не помню... По-моему, не докладывал.
— Показания подписаны собственноручно... Так что... такое дело.

— Это я... его...
— Это война, — сказал милиционер. И захромал прочь от нас вдоль коридора: тоже, наверно, был ранен.

— Зачем ты так говоришь?! — набросился я на маму.
— Прости, — сказала она. — Я не должна была... ради тебя. А вообще, следовало... проверить. Техника безопасности! Сколько раз Ивашов предупреждал: техника безопасности! Но и ему отвечали: война. Тросы с ней не считаются.

Пока мы были в коридоре, Николай Евдокимович умер.

Его старики были в Москве, на Ваганьковском кладбище. Он мечтал лежать рядом с ними.

Я приближался к маме... И тем более перед встречей с ней мне захотелось взглянуть на госпиталь, где умер Подкидыш.

Я вспомнил, что там, в комнате старшей медсестры, он раз или два с невероятным напряжением приподнимался на локтях. Вероятно, хотел сказать что-то маме. Но я не догадался выйти из комнаты. К тому же Вера Дмитриевна то и дело пыталась его спасти. А позже приковывалась следовательно...

Я попросил таксиста завернуть к бывшему военному госпиталю. Он первый раз обернулся и взглянул на меня с интересом и даже сочувствием.

— Вы в госпитале лежали?

— Да нет... Я был тогда ещё школьником.

— А-а, — разочарованно протянул он. И опять повернулся спиной.

«Этот парень, должно быть, ещё не родился в ту пору, когда сюда привозили раненых», — подумал я.

Прежде госпиталь был в трёх километрах от города. А теперь это здание наверняка находилось где-нибудь в центре. Да и что в нём сейчас? Школа, больница? Или какое-нибудь учреждение?

«Вряд ли найдём», — подумал я. И изменил маршрут.

1. С какими словами Николай Евдокимович обратился к маме и Диме, когда очнулся? Как ты понимаешь эти слова?
2. Докажи, используя текст, что Николай Евдокимович до последних секунд своей жизни думал о судьбе мамы.

3*. Найди закономерность в том, когда автор называет Николая Евдокимовича по имени-отчеству, а когда — по прозвищу.

4*. «Учитесь властвовать собой», — произносит Николай Евдокимович, услышав отчаянье в словах мамы. Что он имеет в виду?

Писатель Анатолий Алексин поступает точно так же, как придуманный им Николай Евдокимович: он объясняет поведение своих героев через одну-единственную строчку из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Анатолий Алексин предполагал, что читатель не может не знать «Евгения Онегина», но так уж получилось, что ты читаешь сначала повесть Алексина, а роман «Евгений Онегин» прочитаешь в 9 классе.

Героиня романа Татьяна Ларина любит Евгения Онегина. Она решает признаться в любви и пишет ему письмо. При встрече Евгений отвечает Татьяне:

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, ещё нежней...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде неопытность ведёт.

Во времена Пушкина девушка не могла поступить так, как поступила Татьяна, она нарушила общепринятые правила поведения.

Мама Димы научилась хорошо властвовать собой. Как ты помнишь из текста, она впервые сказала Николаю Евдокимовичу «ты». И он понял, почему она так сказала: для неё он был близким человеком в трудную минуту. Николай Евдокимович понял, что мама отказалась от всяких правил поведения, как Татьяна, когда написала письмо. Поэтому он и ответил ей, как Татьяна.

14

После смерти Подкидыша мама без конца перечитывала письмо «командира воинской части», которое выстукал на машинке Олег. Боялась новой потери, не зная, что она к нам... уже пришла.

А в гибели Николая Евдокимовича продолжала винить себя. Мама делала это часто и испуганно:

— Что мне стоило перепроверить? Что стоило?

Иногда она кончала словами, которых никто от неё раньше не слышал:

— Я устала. Очень устала.

Мне казалось, что устала она прежде всего от мыслей: об отце, о Подкидыше. А стремясь избавиться от усталости, нагружала на себя всё больше и больше дел.

Наш барак к тому времени окружили красные коробки будущих цехов. На стройке одного из них мама пропала с рассвета и до ночи. Ей уже не приходилось встречать эшелоны, сгружать

оборудование, рассортировывать... Но забот прибавлялось. Домой она приходила часов на шесть или семь. Укладывалась, когда радио кончало свои передачи, а вставала, как только чёрный круг на стене оживал. Так было изо дня в день, изо дня в день...

— Твоя мама уехала? — спросил меня как-то Олег. Он никогда не заставлял её дома.

— Она на стройке.

— И отец там. Но не всегда же...

— А мама всегда.

Город заполнялся похожими, как двойники, корпусами, перебрался через реку, занял позиции на том берегу. Нам с мамой дали восьмиметровую комнату в настоящем кирпичном доме.

Мы собрали все свои вещи, сложили их в бездонный сундук, обвитый железными лентами.

— Как я могла заставить Подкидыша тащить его? — продолжала терзать себя мама. — У него было столько болезней!

— Ты знала о них?

— Конечно... Ценим, когда теряем... И жалеем, когда теряем. Говорят, лучше поздно, чем никогда. Порой эта поговорка звучит бессмысленно. Поздно, — значит, всё... Поезд ушёл. И всегда-то мы наваливаемся на безотказность человеческую, на деликатность. Эксплуатируем их беспощадно...

— Ты о чём?

— Всё о том же.

Я никогда до той поры не догадывался, что душевные перегрузки подтачивают здоровье гораздо сильнее, чем физические. В физических мама искала спасение. И нагружала себя, и нагружала...

Я редко встречался с нашими соседями по бараку: они затежно уходили и возвращались во тьме. Но когда мы стали прощаться, вдруг выяснилось, что я знал не только их надвинутые на глаза мохнатые шапки, не только их валенки и полущубки, — я угадывал, сам того не подозревая, их лица. И помнил глаза... Оказалось, что мы с ними в этом бараке сроднились.

Позже я понял: война не давала людям возможности и просто-напросто времени для проявления всех своих «разнокалиберных» качеств. На передовую позицию жизни выкатывались орудия главного калибра. Ими были каждодневная, будничная отвага и готовность жертвовать и терпеть. Люди становились чем-то похожи друг на друга. Но это не было единообразием и безликостью, а было величием.

Так думал и говорил я гораздо позже, когда война уже кончилась: «Большое видится на расстоянии¹». Быть может, сравнения

¹ Строка из стихотворения С. Есенина «Письмо к женщине».

мои звучали слишком высокопарно. Но ведь и героизм людей, живших с нами рядом, в бараке, тоже было высоким.

Тот сосед, что жил за «озером с лебедями» и угрюмо обещал маме каторжную работу, оказался водителем пятитонки. Он приехал на ней, погрузил сундук и отвёз его в наши восьми-метровые хоромы, казавшиеся мне необъятными.

Прощаясь, все просили «не забывать». И мы обещали. Хотя тогда я не представлял себе, что этот барак, похожий на деревянный туннель, останется в моей памяти навсегда.

Заходить в гости никто не приглашал, потому что ни у кого не было времени принимать и наведываться.

Весна, лето, осень шли, как и положено, друг за другом.

— А что теперь не нарушено? — спросила как-то, переходя от своего обмена веществ к общим проблемам, Вера Дмитриевна.

В природе порядок не нарушался. Но отношение к временам года стало иным. Я всегда обожал зиму с коньками и лыжами на Гоголевском бульваре. Теперь же я боялся мороза, как беспощадного недруга. Но ничего в природе изменить было нельзя — и холода опять наступали.

Каждый день начинался со сводки Информбюро. Если сводка была плохой, все знали, что надо утроить усилия. А если хорошей, то тем более надо утроить...

Мама утраивала свои усилия бесконечно. К тому же она не расставалась с письмом «командира воинской части» и не могла забыть металлический трос, который бы не убил Подкидыша, если бы всё вовремя «перепроверили». В конце концов она заболела... Простудилась, потому что очередной цех начали возводить в январе сорок третьего, на морозе.

Я сразу ощутил, что наша восьмиметровая комната уж не так велика. В ней поселилось третье существо — болезнь, с кашлем, лекарствами. Стало тесно... И очень страшно. Я вглядывался в мамино лицо, а она улыбалась. Улыбка у неё была по-прежнему «как у Любви Орловой».

— Обыкновенной простуды испугался? Чудак! — говорила она.

Я попросил зайти к нам Веру Дмитриевну, поскольку Олег объяснил мне, что старшая сестра госпиталя опычнее любого профессора: практика очень большая.

Она заполнила нашу комнату собой... и уверенностью, успокоением.

— Воспаление лёгких. Организм истощён, конечно... Слабо сопротивляется. Но это не смертельное ранение. И даже не тяжёлое. Уж поверь мне! Мы, женщины, очень живучи. Поставим банки, горчичники — и всё как рукой снимет. Не сомневайся!

1. Какие две пословицы вспоминает мама, когда собирает вещи для переезда? Какая из них уже встречалась тебе в первой главе повести и кто её говорил? Зачем писателю понадобилось обращаться к ней снова?
2. Приведи примеры из повести, когда люди были подвижны каждодневной будничной отвагой, а когда проявляли готовность жертвовать и терпеть.
- 3*. Как ты понимаешь слова С. Есенина «*Большое видится на расстоянии*»? О каком расстоянии — во времени или в пространстве, идёт речь? Какой герой повести, несмотря на отделяющее его от войны расстояние, не видит большого и почему?
4. Каким событием заканчивается четырнадцатая глава? Не читая пятнадцатую, предположи, чем закончится повесть.

15

А в самом начале сорок четвёртого года у Олега в доме появилась вдруг девушка с почты. Она жила, оказывается, в соседнем подъезде и разыскала меня.

— Ты уже давно не приходишь. А вам вот... письмо.

Она протянула треугольник без марки. Пальцы её стали совсем прозрачными и ещё больше распухли на сгибах.

Я взял треугольник в руки. Уронил его... Поднял. Опустил на стул.

— Что с тобой? — как тогда, около двух лет назад, услышал я голос девушки.

Это было письмо от отца.

Рядом стояла пишущая машинка, на которой Олег выступивал сообщение «командира воинской части». И вот теперь... Это было невероятно.

Дорогая Катенька! Дорогой Дима! — писал отец. — Родные мои, бесконечно любимые люди! Представляю, что вы из-за меня пережили, что передумали за эти два с лишним года.

Расскажу сейчас только о главном. Тороплюсь, чтобы письмо ушло с первым же самолётом: к годам вашего ожидания не могу добавить ни одной лишней минуты!

В октябре сорок первого меня ранило. Двигаться я не мог и попал в плен. Про лагерь писать не буду. Это страшно, но уже позади! Мне с двумя солдатами удалось наконец бежать. Добрались до партизан... А вчера (только вчера!) воссоединились с нашей армией.

Я ещё немного хромаю — и меня определили пока на службу в прифронтовую госпиталь.

Дорогие, я чувствую, что победа близка. А это значит, что мы соберёмся, как раньше, у нас, в Гагаринском переулке. И расскажем друг другу обо всём, что нам пришлось вынести.

Это будет уже сброшенная с плеч ноша — и поэтому она не покажется нам непосильной.

О подробностях в следующем письме. Тороплюсь... Но всё же скажу ещё вот что. Какие бы я ни испытывал муки, всегда было у меня утешение: вы в безопасности, за вас я могу быть спокоен! Хочу знать о каждом прожитом вами дне. Буквально о каждом!

Передайте привет Николаю Евдокимовичу. Как он живёт и работает? Оберегает ли вас? Если оберегает, я буду благодарен ему до конца своих дней.

Как замечательно, что вы, Катенька, там, в глубоком тылу. Дорогая моя, скоро мы победим, чтобы никогда больше не расставаться...

* * *

«Екатерина Андреевна Тихомирова», — прочитал я на гранитной плите, — 1904—1943».

Я приехал к маме, у которой не был около десяти лет. Так уж случилось. Сперва приезжал часто, а потом... всё дела, всё дела...

«Организм истощён. Слабо сопротивляется...»

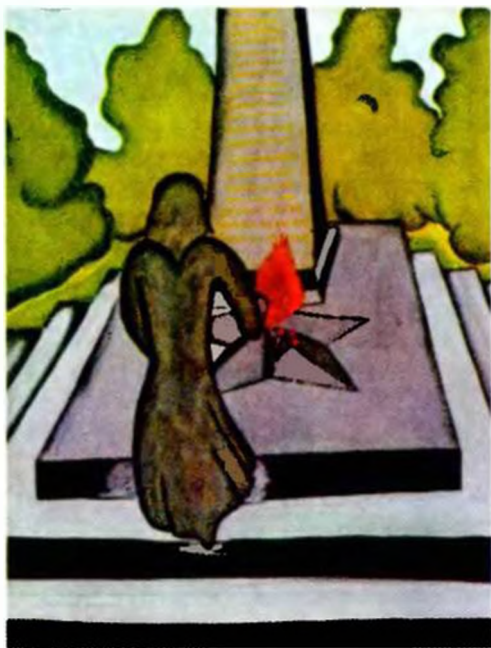
Прости меня, мама.

Одной из задач, которые решает писатель, строя произведение, является то, от чьего лица вести повествование.

Ты наверняка уже встречался с произведениями, в которых повествование ведётся от имени героя, а не от имени автора, то есть *от первого лица*. Это очень удобно для автора, если он хочет написать, как, например, Анатолий Алексин, воспоминания.

1. Как ты думаешь, сколько лет главному герою повести?
2. Где жил Дима после смерти мамы?
3. Почему Дмитрий-взрослый ничего не говорит о судьбе своего отца?
4. Сколько времени длится сюжет прошлого, а сколько — настоящего?
5. Кто рассказывает историю Димы?
6. Почему Анатолий Алексин написал повесть от первого лица, а не от автора? Что изменилось бы в ней, если бы повесть была написана от третьего лица? Почему в этой повести так важен рассказчик?
7. Зачем автору нужен такой герой, как таксист, везущий Дмитрия?
8. Почему Дмитрий просит у мамы прощения?
9. Есть ли тебе за что просить у мамы прощения? Если ты был с мамой груб, невежлив и несправедлив, сделай ей что-нибудь приятное не откладывая, потому что, как говорила мама Димы, «с добром надо спешить, а то оно может остаться без адресата».

10. Рассмотрй рисунок. Почему он так называется? Чем сюжет рисунка напоминает сюжет повести А. Алексина, чем отличается?

Встреча с сыном. Владик Червинский, 10 лет. 1974 г.

11. Какие события более важны для Анатолия Алексина: героизм солдата на войне или «киждодневная, будничная отвага и готовность жертвовать и терпеть» в тылу? Объясни название повести.

Глава пятая

Об одном и том же по-разному,
или Законы эпических и лирических жанров

Как ты думаешь, когда началась война, какие первые произведения о войне появились? Правильно, стихи, а если быть более точным — песни, которыми очень быстро становились стихи.

Но песня на какие-либо стихи и сами стихи — это одно и то же с точки зрения художественной литературы, ведь читающий песню может не представлять себе её мелодию. А вот стихи и рассказ, стихи и повесть — совсем не одно и то же. В начале войны не могли возникнуть рассказы о войне, а тем более повесть, ведь для того, чтобы написать рассказ или повесть, нужно время и условия. Чтобы написать стихи, ничего этого может не быть.

В конце войны и особенно после войны было создано много рассказов и повестей о войне.

Вспомни рассказ Валентина Распутина «Уроки французского», который ты читал в 6 классе. Действие этого рассказа происходит в 1948 году, но, как и повесть Анатолия Алексина, он написан гораздо позже описанных событий. Можно сказать, что у рассказа и повести сходные темы: как человек переживает тяготы, связанные с войной. Почему же жанр одного произведения называется рассказ, а другого — повесть? Чем отличаются эти эпические жанры?

Перечерти в тетрадь и заполни таблицу, показывающую сходства и отличия повести от рассказа. Устно приведи примеры из повести Анатолия Алексина и рассказа Валентина Распутина.

Что сравнивается?	Рассказ	Повесть
Объём произведения		
Сюжет произведения (сколько эпизодов, событий, какой промежуток времени охвачен)		
Герои произведения		

Прежде чем ты будешь читать стихи о Великой Отечественной войне, давай разберёмся, правильно ли ты читаешь... стихи. Их ведь читать нужно совсем не так, как прозу. Нужно хорошо понять стихотворение, чтобы прочитать его правильно. Когда ты будешь готовиться к выразительному чтению стихов, сначала ответь на все вопросы после стихотворения (это поможет тебе его понять), а потом найди в каждом предложении слово или иногда несколько слов, которые автор хотел бы выделить как самые важные. Это значит, что на слово падает *логическое ударение*. После этого читай стихотворение, выделяя интонацией слова с логическим ударением.

Прочти стихотворение. Что общего у этого стихотворения и у повести Анатолия Алексина?

Константин Симонов

* * *

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста¹.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он...

Если ты предположил, что у стихотворения и повести общая тема (война и отношение к ней) и сходный сюжет (мальчик теряет на войне маму, а не воина-отца), то ты прав. Но одна и та же тема и сходный сюжет в повести (эпический жанр) и в стихотворении (лирический жанр) отражены по-разному. В чём же разница?

Если ты думаешь, что разница заключается в том, что стихотворения пишут в стихах, а рассказы и повести — в прозе, то ты ошибаешься. Бывают стихотворения в прозе, бывают рассказы и даже романы в стихах. В определении лирического или эпического жанра важно не это. Важно *отношение к со- бытию*.

Эпические произведения рассказывают о событиях, внешних по отношению к автору. Действия в эпических произведе-

¹ *Брест* — город-крепость в Белоруссии, которая в 1941 году во- дила в состав Советского Союза. Брест первый принял на себя удар фашистов.

ниях разворачиваются в пространстве и времени и составляют ход событий в жизни героев. В эпическом произведении всегда есть повествователь — автор или герой.

Лирические произведения прямо выражают внутренний мир (переживания и раздумья) их автора. Картины природы, какие-либо предметы, явления или события являются поводом для выражения чувств и переживаний автора, его отношения к ним. Тот, чьи чувства и мысли описаны в стихотворении, называется *лирическим героем*. В стихотворении, как правило, нет эпического сюжета, то есть описания внешних событий. Но иногда описание событий есть, тогда оно служит фоном для внутреннего мира лирического героя.

1. Есть ли в стихотворении К. Симонова эпический сюжет? Перескажи его. В какой части стихотворения он сосредоточен?
- 2*. Докажи, что эпический сюжет в этом стихотворении нужен только как фон для рассуждений лирического героя.
3. Куда направляются лирический герой и мальчик, которого он увидел?
4. Был ли собеседник лирического героя на войне? Что значит знать что-то понаслышке?
5. В прямом ли смысле употреблены слова *«домой прийти не сможет до конца»*? До конца чего? Почему лирический герой не может вернуться домой?
6. Найди в последней строфе олицетворение. Какие ещё тропы ты знаешь?

В последней строфе стихотворения есть ещё один троп. Он сложен для понимания. Как ты думаешь, теперь дом героя в Бресте, потому что там он *«отнят у мальчишки»*? Так о каком же доме говорит лирический герой?

Этот троп называется *метонимия*. Метонимия (от греч. *metonomazdo* — переименовывать) — вид тропа, в котором значение с одного слова на другое переносится не по сходству, как в олицетворении (мы читаем воинский закон, и он как будто призывает нас к бою), а по смежности, то есть предмет обозначается с помощью других слов или понятий. В данном случае автор не хочет сказать, что домом лирического героя становится Брестская крепость. Он хочет сказать, что у множества детей отняли дома в Белоруссии, Украине и России, и лирический герой должен освободить всю Белоруссию, всю Украину и все захваченные врагом города и деревни России, потому что это общий дом наших народов, который фашисты посмели отнять. Один мальчик и один дом заменяет в стихотворении весь народ и все дома. Так сложная идея стихотворения выражена с помощью одного тропа.

Прочти стихотворение. Какая картина, рисунок может стать иллюстрацией к этому стихотворению? Опиши её.

Е. Винокуров

МОСКВИЧИ

В полях за Вислой¹ сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой².

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1. Стихотворение стало популярной песней, как и многие стихи о войне. Как ты думаешь, благодаря чему?
- 2*. Это стихотворение из тех, в которых нет рассуждений, а есть эмоции и настроение. Какой троп помогает создавать настроение и как оно меняется от строфы к строфе? С помощью сравнений объясни метафоры из стихотворения Е. Винокурова.
3. Что означают выражения, употреблённые в переносном смысле: *друзьям не встать, без них идёт кино, пылает свод бездонный*?
- 4*. Объясни название стихотворения.

Глава

шестая Час мужества

Такие качества, как смелость, храбрость, бесстрашие — составляющие *мужества*. Но мужество — это ещё и присутствие духа в момент опасности.

¹ *Висла* — самая большая река в Польше.

² *Малая Бронная* и *Моховая* — улицы, находящиеся в центре Москвы.

В годы войны народ проявлял такое мужество, что удивлял даже фашистов. Почему? Потому что у людей были ценности, за которые можно отдать жизнь.

Прочитай стихотворение. Что представляется лирическому герою особой духовной ценностью?

Анна Ахматова

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

1. Почему лирический герой стихотворения говорит не «я», а «мы»? Аргументируй свою точку зрения.
2. Найди в первой строфе две метафоры и олицетворение. Объясни их значение.
3. Что входит в понятие «мужество» с точки зрения лирического героя? Ответ найди в тексте стихотворения.
4. Почему для лирического героя так важно сохранить русскую речь? Как это стремление связано с духовными ценностями народа?
5. С помощью каких тропов лирический герой характеризует русскую речь?
6. Как ты думаешь, почему в стихотворении есть строфа, которая по ритму и рифме явно отличается от других строф? Какова идея стихотворения?

В самом начале войны Анна Ахматова написала стихотворение, которое имело на людей громадное воздействие, но не стало песней, потому что состоит только из одной строфы и потому что у него сложный ритм. Но это стихотворение многие заучивали наизусть.

Прочитай стихотворение. Почему оно вселяло мужество в людей, хотя и не призывало к бою и мщению?

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

1. Как, по твоему мнению, можно переплавить свою боль в силу? Какая героиня повести Анатолия Алексина переплавляла боль в силу и в чём заключалась её сила?
2. Кто такие «мы» в стихотворении? Кому они клянутся?
3. Что общего у стихотворения Анны Ахматовой «Клятва» и у повести Анатолия Алексина «В тылу как в тылу»?

Большинство женщин во время войны оставались в тылу. Они работали для фронта. Но были и такие, которые уходили на фронт. Об этом тоже написано множество произведений художественной литературы, но особенно интересно, когда сама женщина-поэт пишет о своих переживаниях на фронте.

Прочитай стихотворение и подумай, можно ли упрекнуть его лирического героя в недостатке мужества.

Ю. Друнина

* * *

Я столько раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1. Что значит, с точки зрения лирического героя стихотворения, «*знать о войне*»?
2. Может ли быть страшно мужественному человеку? Порассуждай на эту тему.
3. Рассмотрите рисунок на с. 267. Что побуждает бойцов, преодолевая страх, идти в рукопашную с врагом?

Лирический герой стихотворений Юлии Друниной во многом отражает духовный мир поэтессы, то есть *автобиографичен*. Война была настолько важна в жизни переживших её, настолько изменила их, что они ощущали себя возмужавшими во время войны, её детьми. Поэтому многие писатели, воевавшие и пережившие войну, посвятили рассказу о ней своё творчество. Вот что говорил о себе как о писателе Константин Симонов, готовя к выходу шеститомник своих произведений: «Хорошо это или плохо, но, очевидно, я до сих пор был и про-

Подвиг матроса Юрия Жукова (фрагмент).

Игорь Карпов, 11 лет. 1943 г.

должаю оставаться военным писателем, и мой долг заранее предупредить читателя, что, открывая любой из этих шести томов, он будет снова и снова встречаться с войной».

Глава

седьмая

Парадоксы¹ памяти

В повести Бориса Васильева, которая называется «Завтра была война», рассказывается о жизни одного выпускного класса, о детских проблемах одноклассников, об их борьбе за справедливость, их взрослении. И в самом напряжённом и конфликтном месте повести герои узнают, что началась война.

Война не считается с жизнью... Об этом и написал стихотворение поэт Булат Окуджава, который прямо из школы ушёл на фронт добровольцем.

Прочитай стихотворение-песню. По какому принципу оно поделено на две части?

¹ *Парадокс* — 1) мнение, суждение, резко расходящееся с общепринятым, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу; 2) неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям.

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ...

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли.
Повзрослели они до поры.
На пороге едва помаячили
И ушли — за солдатом солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад!
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не щадите,
Но всё-таки
Постарайтесь вернуться назад!

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
Вместо свадеб — разлуки и дым.
Наши девочки платица белые
Раздарили сестрёнкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься!
Да зелёные крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведём с ними счёты потом!
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идёте войной наугад...
До свидания, девочки!

Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.

Популярность пришла к Булату Окуджаве, когда он взял в руки гитару и начал петь под собственную несложную и запоминающуюся музыку свои стихи. Вскоре их пели по всему Советскому Союзу, а песни в исполнении самого Окуджавы расходились тысячами нелегальных копий на плёнках.

Как правило, стихи и мелодия рождались у Булата Окуджавы одновременно. Поэтому его стихотворения-песни лучше слушать в записи, в авторском исполнении, чем просто читать.

1. Лирический герой даёт мальчикам и девочкам разные напутствия. Почему они разные и в чём заключаются?
2. Почему сплетники болтают, что девочкам не во что верить? Как ты понимаешь слова «идти войной наугад»?
3. Кто обещает свести счёты со сплетниками после войны?
4. Рассмотрю рисунок. Как ты понимаешь его название? Чьи чувства — мужчин или женщин — отражены на рисунке?

Прощание. Наташа Чернышова, 16 лет. 1967 г.

Когда молодые люди уходили на войну, никто из них не верил, что именно его убьют. Каждый думал, что именно он выживет. И неизвестно, что легче — умереть самому или видеть, как умирает товарищ. Особенно если этот товарищ — молодая женщина. Такой сюжет у стихотворения Юлии Друниной «Зинка», лирический герой которого имеет автобиографические черты.

Прочитай стихотворение. Есть ли в нём эпический сюжет?

Ю. Друнина

ЗИНКА

*Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой*

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждём, когда же начнёт светлеть.
Под шинелью вдвоём теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счёт.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живёт.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашнёй¹ и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждёт...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счёт.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперёд!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идёт.

2

С каждым днём становилось горше.
Шли без митингов и знамён.
В окружение попал под Оршей
Наш потрёпанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по чёрной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.—
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Её тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счёт.

¹ Квашня — 1) деревянная кадка для теста; 2) забродившее тесто, опара.

Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живёт.

У меня есть друзья, любимый,
У неё ты была одна.
Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом стоит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

1. На сколько частей делится стихотворение? О чём каждая часть?
2. Докажи, что это лирическое стихотворение, то есть в нём лирический сюжет наиболее важен.
3. Найди в стихотворении части, которые повторяются. Чем отличаются повторяющиеся строки?
4. Зина и Юля — те самые девочки, которых описывает Булат Окуджава в стихотворении «До свидания, мальчики...». Сплетники болтают, что им не во что верить, но в стихотворении Юлии Друниной сказано, во что они верят. Найди и прочитай эти слова.
5. Рассмотрите рисунок. Попробуй догадаться по деталям, почему танцуют и чему радуются девушки.

Вальс «В лесу прифронтовом».
Наташа Чернышова, 17 лет. 1968 г.

6. Выпиши из стихотворения «Зинка» в два столбика все *эпитеты* вместе со словом, к которому они относятся. В один столбик — эпитеты, описывающие тыл, в другой — эпитеты, описывающие войну. Чем отличаются эти группы слов?
7. Подвиг Зинки описан всего одной строкой. Найди её.
8. Стихотворение написано во время войны. Как ты думаешь, помнила ли Юлия Друнина Зину после войны? Какую роль играла в послевоенной жизни поэтессы память о погибшей подруге?

Память — особое свойство человека. Доказано, что сознание способно вытеснять то, что нам помнить не хочется, неприятно, пугает. Тогда это снится нам по ночам, как лирическому герою Юлии Друниной снится рукопашный бой. Но у памяти есть парадокс, иначе говоря, неожиданное, странное свойство. То, что нам хочется забыть, мы забыть не можем, а то, что мы вынуждаем себя помнить, потому что должны — забываем, потому что это нас не интересует.

Для того чтобы помнить своих героев, люди устанавливают памятники. В стихотворении Сергея Орлова у павшего на войне солдата — памятник особый.

Прочитай стихотворение. О каком событии оно повествует? Какое настроение у лирического героя?

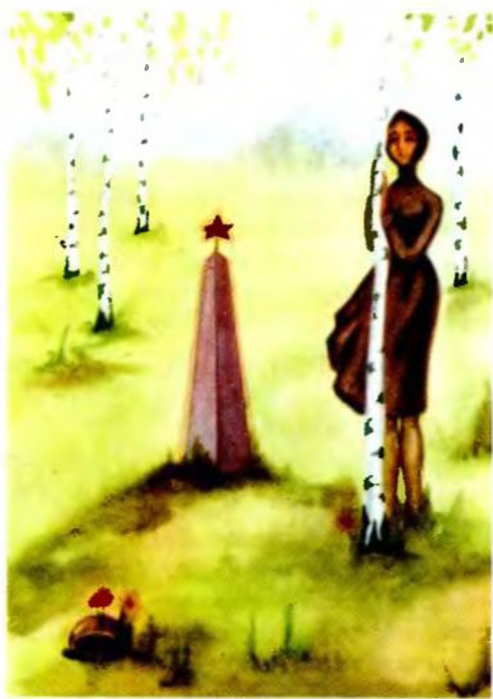
С. Орлов

* * *

Его зарыли в шар земной.
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград.
Ему, как мавзолее¹, земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолее...

¹ Мавзоле́й — з д е с ь: монументальное надгробное сооружение.

1. Лирический герой не столько оплакивает погибшего, как, например, в стихотворении «Зинка», сколько воздаёт ему небывалую почесть. В чём эта почесть заключается?
2. Кто этот парень, о котором идёт речь в стихотворении?
3. Найди сравнение, на котором строится всё стихотворение. Оно повторится дважды. Почему?
- 4*. В средней части стихотворения есть сложная метонимия. Она основана на многозначности слова *земля*. Какие два значения этого слова используются в стихотворении? Каким образом погребение в Землю как планету меняет смысл смерти по сравнению с обычным погребением?
5. Рассмотрим рисунок. Почему он так называется? Почему на памятнике нет надписи? Чем похожи сюжет и идея стихотворения С. Орлова и рисунка Наташи Гайдай?

Печаль. Наташа Гайдай, 15 лет. 1974 г.

С точки зрения лирического героя стихотворения, умерший солдат становится частью и как бы сутью планеты Земля. Он разделил судьбу своей земли, когда на неё напали враги — и Земля разделила с ним его судьбу. Он стал личностью космического масштаба:

И млечные пути пылят
Вокруг него с боков.

Имя этого солдата забыто или даже неизвестно, но о нём помнят все, хотя «*давным-давно окончен бой*». Такой вот парадокс памяти.

Глава

восьмая

Парадоксы мышления

Ты уже знаешь, что *парадокс* — это то, что не укладывается в привычные рамки, противоречит здравому смыслу, хотя и не ошибочно само по себе. Фраза *парадоксы мышления*, таким образом, означает странности мышления, которые мы не можем объяснить, но которые действительно существуют.

Наука, изучающая особенности мышления, памяти и других свойств человеческого мозга, называется *психологией*. Писатели тоже изучают свойства человеческого мозга, человеческой сущности, только по-своему. И есть область литературы, которая изучает свойства человеческой личности парадоксально.

Всех без исключения писателей интересуют вопросы: а что было бы, если... Но некоторые писатели воображают обстоятельства, которых на самом деле не бывает, чтобы ответить на свои вопросы, как, например, в рассказе Рея Брэдбери «Улыбка», который ты читал в 6 классе.

1. Назови элементы фантастики в сказках и былинах.
- 2*. Какой лиро-эпический жанр литературы, как правило, включает элемент фантастики и зачем?
3. Вспомни рассказ Рея Брэдбери «Улыбка» или другой его рассказ, который ты читал. Что в нём фантастическое, а что реальное?

Ты уже знаешь, что произведения, в которых писатель рассказывает о чём-то несуществующем, называются *фантастическими*, а такая литература в целом — *фантастикой*. Слово *фантастика* в переводе с греческого означает способность воображать. Фантастика, то есть изображение несуществующего, присуща и фольклору, и многим другим жанрам литературы. Многие современные писатели, однако, любят фантазировать о том, каково будущее или какова жизнь на Марсе: какие появились новые технические достижения, каково устройство звездолётов, как работает машина времени и зачем вся эта техника нужна.

Научная фантастика — вид художественного произведения, в основу сюжета которого положена научная или техническая проблема, с которой, как предполагает автор, человечество может столкнуться в будущем.

Среди современных фантастов большой известностью пользуются произведения Роберта Шекли.

Роберт Шекли (1928—2005), один из ведущих американских писателей-фантастов. Родился 16 июля 1928 года в Нью-Йорке. После окончания средней школы в городке Майплвуд, штат Нью-Джерси, близ Атлантического побережья США, в поисках лучшей доли добирался на попутных машинах в Калифорнию — в другой конец страны, близ Тихоокеанского побережья, за тысячи километров от родных мест. В течение нескольких месяцев работает рассыльным, буфетчиком, садовником-декоратором, складским служащим. В середине 40-х Роберт Шекли вступает в армию США. С 1946 по 1948 год служит редактором полковой газеты оккупационных войск в Корее.

Р. Шекли

После демобилизации Шекли поступает в Нью-Йоркский университет на специальность инженера-металлурга и всерьёз задумывается о писательской карьере. В университете он пишет рассказы. В 1951 году заканчивает учёбу и устраивается работать на авиационный завод. Вскоре его рассказы начинают печатать, они приобретают широкую популярность. Шекли становится профессиональным писателем.

В конце 60-х годов он переезжает на Ибицу, один из Балеарских островов в испанском Средиземноморье. В последующие годы Шекли живёт в Париже и Лондоне. Последние годы прожил в США, в городе Портленде, штат Орегон. Мировая известность пришла к Шекли после выхода сборников рассказов «Гражданин в космосе», «Паломничество на Землю», «Ловушка для людей», «Робот, похожий на меня». Кроме того, на его счету несколько повестей (наиболее известны «Ордер на убийство», «Билет на планету Транай») и романов («Обмен разумов», «Корпорация «Бессмертие», «Варианты выбора»).

Больше всего в жизни Шекли ценил свободу. Поэтому и предпочёл фантастику. «Ни один вид творчества, — говорил он, — не предоставляет писателю такой свободы действий, как фантастика. Она может охватить — и охватывает — всё на свете».

Летом 2005 года писатель прибыл в Украину для участия в Международной ассамблее фантастики «Портал», собравшей многих писателей-фантастов. Шекли неожиданно стало плохо, его в критическом состоянии поместили в частную клинику.

Ситуация осложнялась тем, что Шекли потерял медицинскую страховку. Любители фантастики по всему миру начали сбор средств для того, чтобы помочь любимому писателю. Благодаря их помощи знаменитый фантаст смог вернуться на родину, пообещав в 2006 году снова приехать к украинским фанатам. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться: 9 декабря 2005 года Роберта Шекли не стало.

Прочитай рассказ. О каком парадоксальном свойстве человеческого мышления, проявляющемся на далёкой планете, идёт речь?

Р. Шекли

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вёл почтолёт-243 по неосвоенному звёздному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвёздного почтальона: старый корабль, изъязвлённые трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор вёлся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, всё прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отёр пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчинённому.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приёмника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал

жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскалённым добела шлаком. Четвёртый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая¹ реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернётся.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звёзд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие ражары.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил приём.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскалённым приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолёт-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже тёмно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристёгнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришёл в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его

¹ *Каталитическая реакция* — химическая реакция, в результате которой одно вещество (например, горючее) превращается в другое (например, шлак).

отделился от тела и, освобождённый, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверёк, величиной с белку, но с тёмно-зелёным мехом.

Когда зверёк приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой чёрт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зелёного цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трёх футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Всё было цело.

Он привстал на одно колено, ещё пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчёт в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошёл поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зелёный хвостик белки, а чуть поодаль — её голову.

Он лихорадочно пытался справиться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации¹?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошёл в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

— Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. — Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишённое глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим²!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнёс слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улав-

¹ *Чувство лока́ции* — чувство, помогающее определить расположение предмета в пространстве с помощью локаторов — органов, получающих или улавливающих электромагнитные или звуковые колебания.

² *Телепа́тия* — передача мысли на расстояние.

ливаает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах¹ от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чём-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолётах, о планетах и опять о девушках, и о космолётах, и обо всём, кроме пантеры.

Пантера придвинулась ещё на пять футов.

Чёрт возьми, подумал он, как можно не думать о чём-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от неё и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай ещё раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она всё же приближается.

Пытаться о чём-то не думать — всё равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддаётся бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детёнышах (берегись!), п-па-негириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

1. Кто по профессии Лерой Кливи и почему он оказался на планете З-М-22?
2. Понял ли ты, в чём особенность планеты, на которой приземлился Кливи? Как животные находят жертву и как спасаются от врагов? Кто в более выгодном положении: хищник или жертва?

¹ Один фут равен 30,48 см.

3. Подумай, как Кливи может спастись от пантеры. Свои предположения запиши, затем продолжай читать.

В. Ярьско. Без названий

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, всё ещё напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая её? Он подумал о своих (тьфу, чёрт, самкиных!) детёнышах, о тёплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потёрлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улёгся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и всё вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера ещё на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьёзно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чём особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождём — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удаётся... однажды.

Кливи лёг навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтёками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К чёрту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что всё ещё жив. Пока всё идёт хорошо. В конце концов денёк может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолёта-243 осталась лишь груда искорёженного металла на оплавленной почве. Кливи нашёл металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но всё-таки придаёт уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счёл, что он терпкий, но вкусный. Он до отвалу наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалёку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотой в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его рас-

чѣтам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полёт.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрёл дальше. Ещё через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи *можно* выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал приём, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Ещё минуту назад они были тут. Один зелёный, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детёнышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутёк, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понёсся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Предложи Кливи, как победить волков, затем читай дальше.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается всё шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая всё выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил ещё один день. Но, по-видимому, все гамбиты¹ удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придёт спасательное судно?

Когда стемнело, он долго ещё не мог заснуть и всё смотрел в небо. Однако там виднелись только звёзды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рёв пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, — решил Кливи. — Почему их ещё нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошёл подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к рёву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-жёлтая пантера. Слева он яв-

¹ *Гамбит* — шахматная комбинация в начале игры с жертвой фигуры.

ственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперёд. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому, намеренные удовольствоваться остатками её трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порождённой отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвёл. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но всё же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придёт в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поела кусты? А ведь я и *есть* куст. Спроси у моей мамы. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чём он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула ещё раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из

образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгрёб птичку и швырнул её в пантеру.

Пантера щёлкнула зубами, но опоздала. Оскорблённая птичка произвела разведочный полёт вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мёртвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения ещё на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадёжно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убеждён — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасён! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донёсся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле её называли бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошёл к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на её глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Не читая дальше, попробуй предложить универсальный способ спасения от хищников этой планеты. Подсказку автор предлагает в последнем абзаце прочитанного фрагмента. Ответ объясни. Если ты не смог справиться с заданием, прочитай текст дальше и найди ответ.

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнём в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кли-

ви поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришёл его черёд! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнём! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся лёгкий ветерок и разнёс его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел всё, что происходит вокруг, и всё ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая всё на своём пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царём природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеёк в трёх милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он всё горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на её условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия всё погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берёг почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолёта.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Ещё немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошёл к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зелёную поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зелёный ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел ещё раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Перевод Н. Евдокимовой

1. Ответ на последний вопрос Почтмейстера. Почему выражение его лица *«напомнило Кливи обманутую пантеру»*?
2. Почему *«потух»* Кливи? Настоящая была вода или воображаемая? Откуда она взялась?
3. Какова идея рассказа?
4. Каким ты представляешь себе мир, в который попал Кливи? Опиши его.
5. Современный художник Виктор Ярьско не даёт названия своей картине (с. 281). Как ты думаешь, почему? Можно ли сюжет картины определить как космический — описание чуждого человеку инопланетного мира?
- 6*. Порассуждай, зачем нужны фантастические рассказы. Аргументируй свою точку зрения.

Вот как на последний вопрос отвечает сам автор «Запах мысли» Роберт Шекли: «Что действительно может дать человеку фантастика, так это чувство безграничной свободы и бескрайних возможностей — если что-то возможно в научно-фантастическом произведении, то когда-нибудь это воплотится в реальную жизнь».

Глава Можно ли предсказать будущее, **девятая** или Зачем фантастику изучать в школе?

Фантастический жанр литературы окончательно сформировался в конце XIX — начале XX века. Произведения таких фантастов, как Жюль Верн, Герберт Уэллс или Александр Беляев, ты наверняка читал, а если нет — обязательно прочти, получишь большое удовольствие.

Но вот тебе парадокс человеческого мышления: известно, что многие идеи научных фантастов впоследствии сбывались. Из 108 фантастических идей Жюль Верна ошибочными или невоплотимыми оказались только 10, из 86 идей Герберта

Уэллса — только 9, из 50 идей Беляева — только 3. Остальные или уже воплощены в жизнь, или вот-вот воплотятся.

Почему так, неужели человек может предсказывать будущее? Ответ на этот вопрос даёт героиня фантастической повести Кира Булычёва «Сто лет тому вперёд», по которой снят фильм «Гостья из будущего». Алиса объясняет воплощение в жизнь идей писателей-фантастов таким образом: когда придумывали те вещи, о которых писали фантасты, например космические корабли, то их называли тем словом, которое уже придумано — чтобы не путаться.

Но это шутка, а вот как объясняет то же самое явление Роберт Шекли: «Некоторые вещи, описанные в фантастических произведениях, действительно стали реальностью, но только потому, что идеи буквально носились в воздухе. Будущее же в принципе непредсказуемо. Мы живём в настоящем, а все прогнозы... не более чем игра воображения».

Писатели-фантасты редко создают идеальный мир. Чаще они создают мир ещё более сложный и непредсказуемый, чем реально существующий. Они ищут в существующем мире сложности и недостатки, во много раз увеличивают их и создают фантастический образ. Герой рассказа «Запах мысли» — обычный почтальон, но как тяжела и опасна его работа!

Тяжесть работы почтальона преувеличена во много раз. Уж кто-кто, а Роберт Шекли, работавший посыльным, знал, что эта работа довольно тяжёлая. Конечно, он преувеличивает её тяжесть не для того, чтобы кто-то посмеялся над почтальонами. Наоборот, он сам смеётся над тем, что тяжести этой работы никто не замечает.

Корреспондент российской газеты «Новые известия» задал Р. Шекли вопрос: «Может быть, стоит ввести фантастическую литературу в школьную программу?» Прочитай ответ писателя и попробуй его объяснить:

Упаси Бог! Если по моим книгам кого-то начнут учить жить, это будет равносильно «поцелую смерти» — я ведь просто высмеиваю вещи, которые мне не нравятся. Шучу, чтобы скрыть страх перед будущим.

Почему писатель сравнивает изучение его произведений как жизненных уроков с поцелуем смерти? Поцелуй смерти несёт смерть. Так же и изображённое писателем-фантастом страшное будущее тяжёлым грузом ложится в сознание читателя, особенно маленького или очень молодого и неопытного. Такой любитель фантастики, воспринимающий её как «науку», будет испытывать страх перед будущим.

Но это вовсе не значит, что фантастику не нужно читать. Просто фантастику следует воспринимать как фантастику, а не как политический прогноз или вероятную реальность.

Фантастическую литературу можно не только читать, но и изучать, как всю остальную литературу. Ты уже знаешь, что есть несколько эпических жанров: роман, повесть, рассказ и новелла. Так же и в фантастической литературе есть жанр фантастического романа, фантастической повести, фантастического рассказа и новеллы.

1. Каков жанр произведения Р. Шекли? Чтобы разобраться в этом, назови отличительные признаки фантастического рассказа (или новеллы) Шекли, отвечая на вопросы:

Где происходит действие произведения?

Сколько в нём героев?

Сколько в нём событий?

Плавнo ли развиваются события или бурно?

Меняется ли герой и в результате чего или остаётся прежним?

Сделай вывод.

2. Устно попробуй сочинить сюжет для фантастического рассказа «О каком будущем я мечтаю?». Докажи, что это рассказ, а не новелла. При этом обрати внимание на слова Р. Шекли: *«Идеальное будущее всегда будет мечтой, причём недостижимой. Кто же признается, что уже дошёл до светлого будущего? К чему тогда стремиться? О чём мечтать?»*

«ИЗУЧАТЬ» ИЛИ «ЧИТАТЬ»?

Почему «вместо заключения»? — спросишь ты. — Ведь и учебный год, и учебник на самом деле заканчиваются!

Да, но твоя читательская жизнь, по сути, только начинается.

В этом учебном году ты узнал о жанровом многообразии художественной литературы, отражающем многообразие мира. Теперь ты знаешь, что есть не *один*, а *много ответов* на вопрос: «*Зачем мне читать?*» Читать книгу — всё равно что выйти из своего мира, ограниченного возможностями одной конкретной жизни, в тот широкий мир, где тебе доступны далёкое прошлое и фантастическое будущее и весь опыт умных и талантливых людей, которые эти книги написали.

Но когда ты выходишь из своего дома на улицу, то примерно уже представляешь себе, зачем вышел: к другу ли ты пойдёшь — поговорить о чём-то важном и сокровенном, хочешь ли что-то увидеть, приобрести, поиграть, погулять, отдохнуть. Ты знаешь, куда идти в каждом конкретном случае. И в зависимости от своих желаний самостоятельно выбираешь свой маршрут. Вот так, выходя в мир литературы, нужно примерно представлять себе, «на какой улице» (в каком жанре) находится то, куда ты в настроении сейчас отправиться.

В следующих классах ты продолжишь изучать литературу. Ты узнаешь ещё много нового о её возможностях и о том важном и интересном, что может она тебе предложить. Именно в этом смысл изучения литературы. Мы не читаем её, чтобы изучать, а изучаем, чтобы читать.

Художественная литература существует уже не одну тысячу лет. И будет существовать, потому что наилучшим образом приспособлена для сохранения самого важного и интересного из всего того, что люди называют своим опытом и хотели бы передать потомкам. И всё же люди давно перестали бы писать и читать книги, если бы где-то в глубине души не были уверены, что самая интересная книга ещё не написана. И откуда мы знаем: не ты ли, сейчас читающий эти строки, её напишешь?..

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Антитеза (от греч. *antithesis* — противоречие, противоположение) — резко выраженное противопоставление понятий или явлений, часто — таких, которые обычно друг другу не противопоставляются.

Баллада (от франц. *balade* — баллада) — поэтический рассказ о чудесном или героическом.

Былина — героическая песня повествовательного характера, возникшая как выражение исторического сознания жителей Древней Руси (IX—XIII вв.). Былины пелись на несколько монотонных напевов, ритмом которых определяется особый «былинный стих». Каждый стих («строка») былины содержит в себе приблизительно одинаковое количество ударений (обычно три главных и четвёртое — последнее — второстепенное).

Гипербола — см. троп.

Детектив (от англ. *detective* — следователь) — художественное произведение, в основе сюжета которого лежит раскрытие сложных и запутанных тайн, загадочных преступлений, исключительных обстоятельств, которые сыграли роковую роль в судьбе персонажей.

Жанр литературный (от франц. *genre* — род, вид) — понятие, объединяющее похожие произведения. Каждый из литературных жанров однажды возник для удовлетворения каких-то конкретных потребностей читателей определённой эпохи и сохраняется как минимум на протяжении всей этой эпохи (например, жанры древнерусской литературы: *летопись*, *поучение* и др.). Но есть и такие жанры, которые, возникнув очень давно, живут долго, многие — по сей день (например *рассказ*, *лирическое стихотворение*, *песня* и др.). Признаком жанра могут быть особенности *композиции* (например, в песнях бывает *припев*).

В одном жанре (например в жанре песни или в жанре эпоса) могут объединяться произведения фольклора и письменной литературы. Однако есть жанры только фольклорные (например *былина*) и только литературные (например *лирическое стихотворение*).

Интерьер (от франц. *interieur* — внутренний) — внутренняя обстановка помещения, в котором живут и действуют персонажи художественного произведения. В художественной

литературе описание интерьера часто глубоко характеризует персонажей.

Ирб́ния — см. троп.

Компози́ция — (от лат. *compositio* — сложение, состав) — построение художественного произведения. Большинство сюжетных произведений мировой литературы строится примерно одинаково и состоит из пяти неравных частей. Это *экспозиция*, *завязка*, *развитие действия*, *кульминация* и *развязка*: без наличия в произведении каждой из них просто невозможно рассказать никакую связную историю. *Экспози́ция* (от лат. *expositio* — объяснение) — предыстория события (событий), о котором (которых) рассказывает художественное произведение (это ещё не сами события, а их фон). *Завя́зка* — начало противоречия (конфликта), составляющего основу сюжета. *Развитие действия* — основная сюжетная часть произведения. *Кульмина́ция* (от лат. *culmen* — вершина) — высшая точка напряжения в развитии действия. И, наконец, *разв́язка* — исход событий, решение противоречия (конфликта), заданного завязкой. Особую композицию имеют лирические произведения.

Лето́пись (от древнерус. слова «лето» — год) — один из главных жанров древнерусской литературы. Древнерусская летопись представляет собой последовательную запись событий по годам (так называемые «погодные» записи), причём не только тех, очевидцем которых был сам летописец, но и известных ему из других источников. Так, например, «Повесть временных лет», автором-составителем которой считается монах Киево-Печерского монастыря Нестор, начинается с рассказов, почерпнутых из Библии, а затем повествует об истории славянских племён от начала их расселения на территории Руси.

В летописи действуют исторические лица и описаны исторические события. Однако, в отличие от современного историка, летописец не стремится чётко отграничить легенду, миф, а подчас и волшебную сказку от реального исторического факта. В летописи объективное научное познание истории (изложение фактов) не отделено от художественного (образного) её постижения. Поэтому летопись может считаться не только важнейшим историческим источником, но и одним из древнейших жанров нашей отечественной литературы.

Лири́ческий герой — лицо, от имени которого провозглашается лирическое высказывание — *лирическое стихотворение*. Образ лирического героя не следует прямолинейно отождествлять с личностью поэта. Конечно, поэт, как правило, сам переживает всё то, что составляет суть лирического сюжета. Однако процессу создания стихотворения неминуемо

сопутствуют определённый отбор, домысел и даже вымысел — всё то, что необходимо для превращения жизненного впечатления в художественный образ. Для того чтобы написать стихотворение, поэт должен ярко мыслить, остро чувствовать. Однако настоящее стихотворение получается тогда, когда мысли и чувства поэта становятся не только (а иногда и не столько) его собственными мыслями и чувствами.

Кроме того, иногда поэт говорит *я* вместо *он* или *она*. Такую лирику называют ролевой, и смысл её в том, что поэт как бы становится актёром, он перевоплощается, играет роль какого-то придуманного им героя. Но и этот герой также становится лирическим героем стихотворения, т.к. именно от его лица ведётся разговор с читателем и именно его мысли и чувства составляют основу лирического сюжета.

Лирическое отступление — часть эпического, а чаще — смешанного, лиро-эпического, произведения (обычно *поэмы*), прямо не связанная с развитием основного действия, с повествовательным сюжетом. Тем не менее лирические отступления являются полноправными частями художественного произведения, особенно поэмы, т.к. она по своей жанровой сути столь же лирична, сколь эпична.

Многие авторы больших повествовательных произведений не только в стихах, но и в прозе любят использовать лирические отступления. Впрочем, сознавая это, некоторые прозаики дают своим произведениям соответствующие жанровые определения. Например, Н. В. Гоголь своему большому эпическому произведению в прозе «Мёртвые души» дал жанровый подзаголовок «поэма».

Лирическое стихотворение — литературное произведение, написанное стихами на лирический сюжет, основой которого служат переживания и мысли лирического героя. Картины природы, какие-либо предметы, явления или события внешнего мира в лирическом стихотворении важны не сами по себе, они являются поводом для выражения чувств и переживаний лирического героя, его отношения к ним.

Общий смысл стихотворения зависит от вида лирики, к которому оно принадлежит. Например, гражданская лирика предполагает утверждение или отрицание лирическим героем каких-то важных общественных целей, норм или задач, оценку современного ему общества. А вот пейзажная лирика не требует поиска какого-то скрытого смысла за картинкой природы, которой наслаждается лирический герой и которая на новый лад настраивает его душу.

Лиро-эпические произведения (баллады, поэмы, стихотворения в прозе, романы в стихах и т. п.) — произведения, которые сочетают в себе особенности изображения действительности и выражения авторского к ней отношения, присущие как эпическим, так и лирическим жанрам.

При этом доли эпического и лирического не могут быть всегда одинаковы в разных лиро-эпических жанрах и даже в произведениях одного и того же лиро-эпического жанра.

Так, например, в *балладе* главное — поэтический рассказ, причём, как правило, о чудесном или героическом. Если в балладе и есть главный герой, то он ничем не напоминает лирического героя стихотворения (например, «Светлана» В. А. Жуковского).

Принципиально иные задачи у *поэмы*. Она развивается не из балладного рассказа, а из философской или ролевой лирики. В первом случае лирический герой поэмы («автор») даёт развёрнутые комментарии к сюжету (например, «Руслан и Людмила»). Во втором случае лирическим героем поэмы становится её главное действующее лицо: герой, который не только действует, развивает сюжет, но и рассуждает по ходу действия, прямо высказывая свои мысли и чувства (например «Мцыри» М. Ю. Лермонтова).

Литературный характер — образ человека в литературе.

Метафора — см. троп.

Метонимия — см. троп.

Научная фантастика — вид художественного произведения, в основу сюжета которого положена научная, техническая или этическая проблема, с которой, как предполагает автор, человечество может столкнуться в будущем.

Новелла (от итал. *novella* — новость) — литературный жанр, повествующий об одном неслыханном происшествии, которое становится озарением в жизни героев, помогает им понять себя или друг друга. Во всём же остальном новелла похожа на *рассказ*.

Песня — музыкально-поэтический жанр. В фольклоре текст и мелодия песни создавались одновременно. Литературная песня (поэтический текст) служит лишь основой для работы композитора, который пишет музыку на слова поэта. Однако история знает примеры, когда песня, сочинённая поэтом, становится народной. Шотландец Роберт Бёрнс, украинец Тарас Шевченко, русский Николай Некрасов и некоторые другие классики мировой литературы оставили своим народам несколько таких песен.

По́весть — литературный жанр, повествующий о целом ряде связанных между собой событий и охватывающий значительный промежуток в жизни главных героев (но, как правило, не всю их жизнь). В повести, кроме главных героев, обязательно есть и второстепенные.

Постоянные эпитеты — см. эпитет.

Поэ́ма (от греч. *poiēta* — творение) — стихотворное произведение, своеобразие которого определяется сочетанием повествовательной характеристики действующих лиц и событий и их раскрытием через восприятие и прямую оценку *лирического героя*. Таким образом, в поэме развитие сюжета тесно связано с лирическими отступлениями.

Расска́з — жанр, основанный на изображении средствами повествовательной литературы одного события, одного какого-нибудь эпизода, причём, как правило, далеко не самого яркого в жизни его героев — такого, важность которого они сами вряд ли сознают. Рассказ — один из древнейших жанров фольклора и повествовательной литературы.

Рефре́н (в любых стихотворениях) или, что то же самое, **припев** (в песнях) — слово, стих или группа стихов, ритмически повторяющиеся после каждой строфы.

Стих (от греч. *stichos* — ряд, порядок, строй) — единица стихотворного ритма. Как правило, стих записывается одной строкой.

Строфа́ (от греч. *strophe* — поворот) — это, как правило, одинаковое (в пределах одного стихотворения) количество строк (или *стихов*), объединённых общей рифмовкой и отделённых от следующей строфы большой паузой.

Когда поэт хочет подчеркнуть важность членения стихотворения на строфы, он на письме и в печати делает между строфами большой пробел.

Сюже́т (от франц. *sujet* — тема) — это система событий в художественном произведении, раскрывающая характеры действующих лиц и отношение автора к изображаемым явлениям.

Троп (от греч. *tropos* — оборот) — употребление слова в переносном (не прямом) значении. В художественной литературе троп используется как один из приёмов создания художественного образа. Основные виды тропов различаются в зависимости от того, по какому принципу происходит перенос значения: по сходству или контрасту (*метафора*), по смежност-

ти (*метонимия*), по соотнесённости существенных сторон, качеств или функций (*аллегория*), по преувеличению (*гипербола*) или преуменьшению (*литота*), по противоположности (*ирония*). К числу тропов можно отнести и художественные определения — *эпитеты* в том случае, если они содержат элементы переносного значения (например: *золотые листья*).

Художественная деталь (от франц. *detail* — подробность) — подробность, черта или штрих, позволяющие автору художественного произведения дать яркое и глубокое представление о характере героя и изображаемом обществе.

Эпитет (от греч. *epitheton* — приложение) — художественное определение. Определяя предмет или явление, подчёркивает какие-либо его свойства, качества или признаки. В случаях, когда эпитет содержит элемент переносного значения, его можно отнести к числу тропов (см. **троп**). *Постоянный эпитет* — определение, устойчиво сочетающееся с тем или иным словом, один из приёмов создания художественного образа в народной поэзии.

Эпические произведения (от греч. *epos* — слово, речь, рассказ) — произведения художественной повествовательной литературы, которые рассказывают о событиях, внешних по отношению к автору. Действия в эпических произведениях разворачиваются в пространстве и времени и составляют ход событий в жизни героев. В эпическом произведении всегда есть повествователь — автор или герой.

Юмор (от англ. *humour*) — разновидность комического, смешного, которая помогает нам поставить себя на место другого, а свою собственную ситуацию увидеть со стороны. Юмор даёт нам возможность терпимо относиться к смешным недостаткам в целом хороших людей, в круг которых мы неизменно включаем и самих себя. Таким образом, объектом юмористического осмеяния, как правило, являются «вечные», «общечеловеческие» недостатки. По крайней мере, такими считает их автор юмористического произведения. И если читатель внутренне разделяет это убеждение автора, он смеётся вместе с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

7 КЛАСС

Сборник «На Буяне, славном острове» (сост. Н. Колпакова) и другие сборники былин (по выбору учащихся).

«Задонщина» (отрывок по выбору учителя), «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

Р. Бёрнс. «Кузнецу», «Был честный фермер мой отец...», «В горах моё сердце» и другие стихотворения (по выбору учащихся).

А. Пушкин. «Обвал», «Редает облаков летучая гряда...», «Бесы», «Песни о Стеньке Разине» и другие произведения (по выбору учащихся).

М. Лермонтов. «Беглец», «Воздушный корабль», «Боярин Орша», «Русалка» и другие стихотворения (по выбору учащихся).

Н. Гоголь. «Миргород», «Коляска».

Т. Тургенев. «Записки охотника» (рассказы по выбору учащихся).

Н. Некрасов. «Несжатая полоса», «Саша».

Л. Толстой. «Отрочество», «Течение воды», «Три сына» (по выбору учащихся).

А. Чехов. Рассказы (по выбору учащихся).

О. Генри. «Вождь краснокожих», «Клад» и другие новеллы (по выбору учителя).

Э. По. «Лягушонок», «Золотой жук».

Р. Джованьоли. «Спартак».

Майн Рид. «Всадник без головы», «Оцеола, вождь семинолов».

Р. Л. Стивенсон. «Чёрная стрела».

Л. А. Буссенар. «Похитители бриллиантов».

А. Конан Дойл. «Собака Баскервилей», «Приключения Шерлока Холмса» (рассказы по выбору учащихся).

А. Платонов. «Юшка», «В прекрасном и яростном мире» и другие рассказы (по выбору учащихся).

Стихотворения русских поэтов о Второй мировой войне (по выбору учащихся).

Ф. Абрамов. «О чём плачут лошади», «Алька».

Е. Носов. «Кукла», «Живое пламя».

Г. Троепольский. «Белый Бим Чёрное Ухо».

А. Вампилов. «Простите нас».

Кир Булычёв. «Новые подвиги Геракла», «Авгиева лаборатория».

В. Шукшин. «Критики».

Р. Фраерман. «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви».

А. Рыбаков. «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша», «Неизвестный солдат» (по выбору учащихся).
В. Крапивин. «Мушкетёр и фея», «Острова и капитаны», «Я иду встречать брата», «Оранжевый портрет с крапинками».
Дж. Олдридж. «Последний дюйм», «Мальчик с лесного берега».
Дж. Крюс. «Тим Талер, или Проданный смех».
А. Кристи. «Случай с итальянским вельможей».
Дж. Триз. «Ключ к тайне».
К. Нестлингер. «Три почтовых грабителя».
Ж. Сименон. «Трубка Мегре», «Показания мальчика из церковного хора» (по выбору учащихся).
Р. Брэдбери. «Звук бегущих ног».
Л. Пиранделло. «Черепаха».
Дж. Сэлинджер. «Над пропастью во ржи».

8 КЛАСС

Исторические народные песни (по выбору учащихся).
К. Рылеев. «Ермак».
Д. Давыдов. «Славное море — священный Байкал».
А. Навроцкий. «Утёс Степана Разина».
Русские обрядовые песни (по выбору учащихся).
О. Хайям. Рубаи (по выбору учащихся).
Низами. Газели; Хафиз. Газели (по выбору учащихся).
III. Руставели. «Витязь в тигровой шкуре».
А. Навои. «Фархад и Ширин».
Дж. Свифт. «Путешествие Гулливера» (в издании для детей).
А. Пушкин. «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), «Простите, верные дубравы!..», «Домовому», «Как счастлив я...» и другие произведения.
М. Лермонтов. «Пленный рыцарь», «Ветка Палестины» и другие стихотворения (по выбору учащихся).
Н. Гоголь. «Женитьба», «Петербургские повести».
Л. Толстой. «Юность», «Хаджи-Мурат».
II. Мериме. Новеллы (по выбору учащихся).
А. Грин. «Бегущая по волнам», «Зелёная лампа».
Е. Шварц. «Обыкновенное чудо», «Дракон» (по выбору учащихся).
А. Твардовский. «Тебе, Украина», «Сыну погибшего воина», «Космонавту» и другие стихотворения (по выбору учащихся).
Н. Рубцов, Н. Заболоцкий, Я. Смеляков, Л. Мартынов, В. Высоцкий, В. Боков, Ю. Визбор. Стихотворения (по выбору учащихся).
В. Тендряков. «Весенние перевёртыши».
Р. Достян. «Тревога».
Р. Погодин. «Трень-брень», «Ожидание» (по выбору учащихся).

СОДЕРЖАНИЕ

Напутственное слово, или Введение в человековедение . . . 3

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ

Беседы о русском фольклоре и художественной литературе

Глава первая. Сказка — складка, песня — быль 6

Глава вторая. «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» 10

Илья Муромец и Соловей Разбойник.

В сокращении 10—16

Глава третья. «Были времена — прошли былинные» 20

Глава четвёртая. Подвиги ратные и мирные 28

Вольга и Микула Селянинович. *В сокращении* 29—33

Глава пятая. «Откуда есть пошла русская земля» 37

Сказание о белгородских колодцах 39—40

Подвиг юноши кожемяки 44—45

Глава шестая. «Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь» 46

Поучение Владимира Мономаха. *Отрывки* 47—50

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГРАНИ БЫТИЯ

Беседы о литературных жанрах

Глава первая. Что делает народ народом? 52

Глава вторая. Какие песни поёт народ? 54

Р. Бёрнс. Честная бедность. *Перевод*

С. Маршака. 61—62

Глава третья. Поэт в поисках вечных ценностей, или Приглашение в мир баллады 64

Р. Л. Стивенсон. Вересковый мёд. *Перевод*

С. Маршака 69—71

Глава четвёртая. Певец во стане русских воинов 72

Глава пятая. «Чудо — любимое дитя веры» 76

В. А. Жуковский. Светлана 78—81

Глава шестая. «Победителю ученику от побеждённого учителя»	83
В. А. Жуковский. «Перчатка» (Из Фридриха Шиллера).....	84—86
Глава седьмая. Я и мы. Из бесед узника с орлом	88
А. С. Пушкин. Узник	90
Глава восьмая. Зачем мы читаем стихи? Виды лирики	91
Глава девятая. Я и ты. Ещё о законах лирического стихотворения	95
А. С. Пушкин. «Если жизнь тебя обманет...»	97
Глава десятая. Я и они. Лирический герой в мире, которому нет до него дела	98
А. С. Пушкин. Цветок	98—99
«Что в имени тебе моём?...»	99
Глава одиннадцатая. Лирический герой становится «нормальным» рассказчиком	100
А. С. Пушкин. От издателя (Предисловие к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина»)	102—105
Глава двенадцатая. «Так это были вы?» О том, как следует рассказывать истории	105
А. С. Пушкин. Метель	106—116
Глава тринадцатая. «...и не жалел уже ни о поезде, ни о семи рублях...». Иван Петрович Белкин в поисках «хэпши энда»	121
Глава четырнадцатая. «...Он даром славы не берёт»	124
М. Ю. Лермонтов. Кавказ	126
Глава пятнадцатая. Поэма, или Рассказ о себе как о «другом»	130
М. Ю. Лермонтов. Мцыри	131—150
Глава шестнадцатая. «...Остались только в песнях да в народных думах...»	151
Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. Глава I (Отрывок).....	155—158
Глава семнадцатая. Предчувствие, или Зарево над степью	159
Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. Глава II (Отрывок)	159—161
Глава восемнадцатая. «Нет уз святее товарищества!»	161
Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. Глава IX (Отрывки)	161—165
Глава девятнадцатая. «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила...»	165
Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. Глава XII (Отрывок).....	166—168

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ЧТО СЧИТАТЬ СОБЫТИЕМ?

Два «малых» жанра: рассказ и новелла

<i>Глава первая.</i> Рождение рассказчика	170
Антоша Чехонте. Толстый и тонкий	172—175
<i>Глава вторая.</i> Собиратель осколков	176
Антоша Чехонте. Хамелеон	178—182
<i>Глава третья.</i> «Не смешно, но остроумно»	182
<i>Глава четвёртая.</i> «...Ничего случайного не бывает», или Рассказ о рассказе	183
<i>Глава пятая.</i> Из ряда вон выходящее событие	187
О. Генри. Дары волхвов	190—196
<i>Глава шестая.</i> Волею случая, или Рассказ о новелле	197
<i>Глава седьмая.</i> Литература, в которой важны только события	200
А. Конан Дойл. Голубой карбункул. <i>Перевод</i> М. и Н. Чуковских	202—208
<i>Глава восьмая.</i> Суть дедуктивного метода Холмса	209
А. Конан Дойл. Голубой карбункул (<i>Продолжение</i>). <i>Перевод</i> М. и Н. Чуковских	210—221
<i>Глава девятая.</i> Суть детективного метода Конан Дойла	222

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

ОТНОШЕНИЕ К СОБЫТИЮ

Эпические и лирические жанры

<i>Глава первая.</i> Жизнь по законам военного времени	224
Константин Симонов. «Жди меня, и я вернусь...»	227—228
<i>Глава вторая.</i> В тылу как в тылу, или Ценишь, когда теряешь	229
А. Алексин. В тылу как в тылу (<i>В сокращении</i>)	229—240
<i>Глава третья.</i> Когда дети становятся взрослыми	240
А. Алексин. В тылу как в тылу (<i>Продолжение</i>)	240—249
<i>Глава четвёртая.</i> «Прости меня, мама...»	249
А. Алексин. В тылу как в тылу (<i>Окончание</i>)	250—260
<i>Глава пятая.</i> Об одном и том же по-разному, или Законы эпических и лирических жанров	260
Константин Симонов. «Майор привёз мальчишку на лафете...»	261—262
Е. Винокуров. Москвичи	264

Глава шестая. Час мужества	264
Анна Ахматова. Мужество	265
Клятва	266
Ю. Друнина. «Я столько раз видала рукопашный...»	266
Глава седьмая. Парадоксы памяти	267
Б. Окуджава. «До свидания, мальчики...»	268
Ю. Друнина. Зинка	269—271
С. Орлов. «Его зарыли в шар земной...»	272
Глава восьмая. Парадоксы мышления	274
Р. Шекли. Запах мысли. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	276—288
Глава девятая. Можно ли предсказать будущее, или Зачем фантастику изучать в школе?	288
Вместо заключения. «Изучать» или «читать»?	291
Приложение	292
Словарь литературоведческих терминов	292
Список литературы для внеклассного чтения	298
7 класс	298
8 класс	299